

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., проф. Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН,
д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н.,
проф. Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц
С. (Германия); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Глад-
кий Ю.Н. (С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф.
Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов
В.А. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва);
д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н.,
проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф.
Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф.
Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воро-
бьева О.Д. (Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.
(Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Москва);
к.г.н., доц. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., доц.
Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н. проф. Регент
Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Мос-
ква); д.г.н., проф. Рудский В.В. (Смоленск); д.г.н.,
проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф.
Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Шарыгин
М.Д. (Пермь); проф. М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 11.12.08 г.

Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»

Тираж 500 экз.

№ 6 (21), 2008**Отпечатано:**

ООО «Универсум»

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2

Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49

e-mail: unm@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал**Основан в мае 2002 года****Выходит 6 раз в год**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	3
Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективное природопользование в России в системе «население–территория–ресурсы–экономика»	3
Kochurov B.I., Lobkovskij V.A., Smirnov A.Ya. Effective wildlife management in Russia in system «population–territory–resources–economy»	3
Метальникова Н.А. Этнолингвистическая география: новые теоретико-методологические подходы	13
Metalnikova N.A. The new theoretical and methodological approaches of the ethnic and linguistic geography	13
Благовестова Т.Е. Территориальная дифференциация в питании и качество жизни населения	33
Blagovestova T.E. Territorial differentiation in a food and quality of a life of the population	33
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	42
Куликов Г. К. Крупные города – точки роста Урало-Поволжья	42
Kulikov G.K. Large cities – points of growth of the Ural and Volga region	42
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	54
Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В. Регионы ЕС в глобальной экономической системе (на примере федеральной земли Баден-Вюртемберг)	54
Kovalev Yu.Yu., Stepanov A.V. Regions of EU in global economic system (on the example of the federal ground Baden-Württemberg)	54
Пушкевич С.А. Средние города Беларуси: основные социально-экономические проблемы развития и направления действий по их решению	61
Pushkevitch S.A. Average cities of Byelorussia: the basic social and economic problems of development and the direction of actions under their decision	61
ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ	67
Битюкова В.Р., Махрова А.Г., Шувалов В.Е. Программа дисциплины «Устойчивое развитие городов»	67
Bitiukova V.R., Mahrova A.G., Shuvalov V.E. The program of discipline «Steady development of cities»	67
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	75
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2008 ГОДУ	76

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б.И. Кочуров, В.А. Лобковский, А.Я. Смирнов
(г. Москва)

ЭФФЕКТИВНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ В СИСТЕМЕ «НАСЕЛЕНИЕ–ТЕРРИТОРИЯ–РЕСУРСЫ–ЭКОНОМИКА»

Kochurov B.I., Lobkovskij V.A., Smirnov A.YA.

EFFECTIVE WILDLIFE MANAGEMENT IN RUSSIA IN SYSTEM «POPULATION–TERRITORY–RESOURCES–ECONOMY»

In the article the procedures of estimation of regional wildlife management efficiency in system «population–territory–resources–economy» are examined. As a result of the analysis groups of the regions differing by a different degree of efficiency of wildlife management are allocated. The major factor of management by regional activity – influence of mental parameters (creative activity and virtues of the population) on wildlife management efficiency is analyzed.

Основная цель человеческой деятельности – эффективное природопользование, когда ценность результатов деятельности превышает ценность потребляемых при этом природных ресурсов. В современном мире, в зависимости от особенностей результатов деятельности, сформировалось два направления эффективного природопользования: деятельность для личного обогащения – преобразование природных ресурсов в излишества – и деятельность для обеспечения жизни – преобразование природных ресурсов в необходимости. По какому направлению природопользования будет осуществляться развитие России?

Невзгоды исторического развития поставили Россию еще перед одной задачей – российской диспропорцией в системе «население – территория – ресурсы – экономика» (НТРЭ). В России, на начало второго тысячелетия, 2% населения Земли проживало на 14% территории Земли, имело 30% природных ресурсов Земли и создавало 1,5% мировой экономики. Такая диспропорция вызывает у некоторых стран и их группировок территориальные и ресурсные притязания и необоснованные стремления добиться права на использование природных ресурсов.

Возникновение и развитие мирового соотношения «население – территория – природ-

ные ресурсы – экономика» – это одно из условий жизни на Земле. Вспомним высказывание А. Тойнби: «Каждая цивилизация получает Божественный призыв в виде географической среды, исторических условий, наследственности и т.д. Если она, в среднем, дает правильный ответ, она развивается и процветает; если она дает неправильный ответ, она начинает разлагаться и разрушаться. И это зависит от духовного климата всего социума» [1]. На наш взгляд, для того, чтобы современная Россия дала правильный ответ на максимум Тойнби необходимо иметь следующее:

Путь снижения груза российской диспропорции один – создание современных, наукоемких средств труда и соответствующего этим средствам потенциала живого квалифицированного труда. И то и другое – важная и ответственная задача науки. Но её реализация возможна лишь на базе высоких ментальных качеств живого квалифицированного труда – добродетелей народа и креативной активности населения. Таким образом, имеют место три фактора, обеспечивающие высокую эффективность природопользования и полноценное развитие Российской цивилизации в направлении смягчения российской диспропорции НТРЭ:

- развитие креативной активности населения;
- развитие добродетелей народа;

• и на этой базе создание наукоёмкого потенциала средств труда и соответствующего им потенциала живого квалифицированного труда.

Эффективность природопользования создается трудом населения региона, в пределах территории региона, путем переработки предмета труда – региональных запасов природных ресурсов и сырья в экономически значимые привлекательные полезные или рыночный товар.

Структура природопользования приведена на рисунке. На нем природопользование представлено в виде двух полюсов, отражающих этимологию термина: «природа» (природные ресурсы) и «полезность». Последние связаны производственными меридианами регионального природопользования добыча ресурсов, обработка природных ресурсов и сырья, торговля и услуги. В производственных процессах, расположенных на этих меридианах, осуществляется экстрагирование полезностей из природы. Полезности, как товар, поступают на рынок, где преобразуются в финансовые потоки, которые питают процессы природопользования.

Эффективность природопользования определяется как соотношением результатов деятельности P и затрат на их достижение Z , выраженных в сопоставимых единицах: $E = P/Z$

Следовательно эффективность есть безразмерная величина, число, показывающее, во сколько раз увеличится отдача единицы затрат ресурсов за счет их рационального использования.

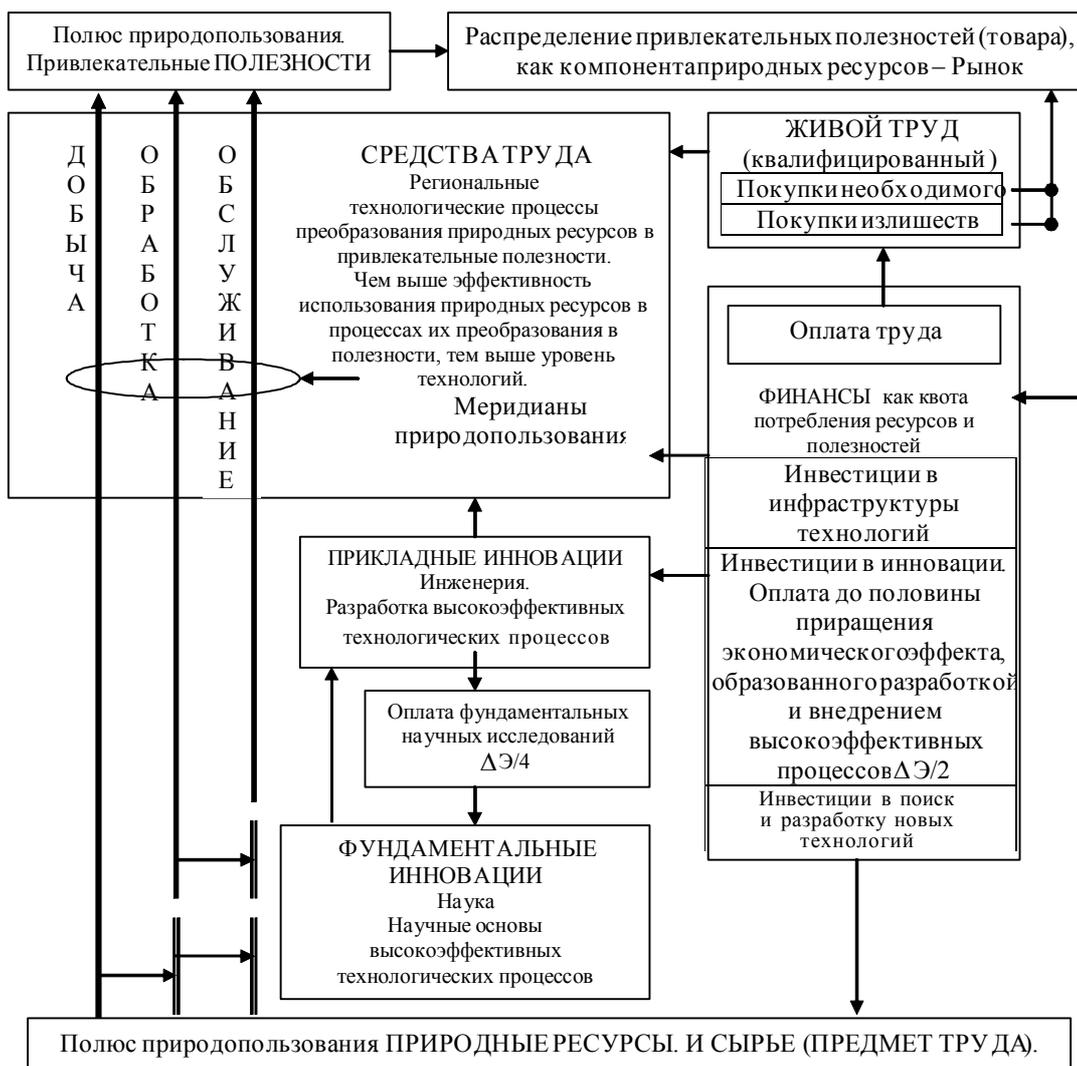
Эффективность возникает в процессах деятельности. Процесс есть целенаправленная последовательность действий, ограниченная привлеченными ресурсами. Полностью процесс характеризуется своими основными показателями: целями постановки процесса, способами достижения целей, затратами ресурсов на реализацию целей.

Такое рассмотрение эффективности основывается на инженерном подходе и понимается как создание технологических возможностей производства с более высокими результатами деятельности при снижении затрат ресурсов. При инженерном подходе берутся показатели в натуральном выражении, что позволяет сопоставлять эффективность использования различных видов ресурсов вне зависимости от рыночной конъюнктуры, рассматривать взаимосвязи и взаимовлияние их использования и на этой основе определять оптимальные соотношения эффективности по всем видам ресурсов. Инженерный подход не отвергает иные подходы к

эффективности по всем видам ресурсов, но направляет их в рациональное русло. Повышение доходов? Да. Но за счет использования высокоэффективных технологий, путем повышения объемов продаж продукции, образованной за счет повышения производительности труда.

По традиционному монетарному подходу под эффективностью использования природных ресурсов понимают отношение доходов от потребления и расходов на потребление природных ресурсов и сырья. При этом, способы преобразования расходов в доход рассматриваются как «черный ящик» с расходами на его входе и доходами на его выходе. Однако, использование для оценки эффективности региональной деятельности только денежного, монетарного подхода маскирует значение источников денежных потоков. А это региональные потенциалы живого квалифицированного труда, средств труда, потоки предмета труда (природных ресурсов и сырья), результата труда (продукции и услуг). В условиях нормальной рыночной экономики денежные потоки и их источники взаимосвязаны и обуславливают друг друга, как предполагается, справедливыми соотношениями. В нынешних же существующих в России условиях несвободного рынка, эти соотношения считать справедливыми наивно. Поэтому, для оптимизации управления российскими соотношениями «деньги и их источники» необходимо сопоставлять (соотносить) традиционный монетарный и предлагаемый нами натуральный подходы расчетов эффективности природопользования. Наш натуральный подход ориентирован на использование в расчетах эффективности природопользования, в основном, натуральных, не денежных показателей региональной деятельности. Вместе с тем мы предлагаем раскрыть «черный ящик» и представить его как процесс – целенаправленную последовательность действий, ограниченную привлеченными ресурсами. Здесь затраты привлеченных ресурсов – предмет труда – поступает на вход «черного ящика», содержание «черного ящика» – живой труд и средства труда, цель – продукция – поступает на выход «черного ящика».

Исходя из этого и строятся предложенные нами [2, 3, 4, 5] процедуры оценки эффективности регионального природопользования. Сравниваются показатели региональных процессов, однотипных по производственным доминантам: добывающим, обрабатывающим, добывающим и обрабатывающим, а также тор-

Примечания:

Меридианы природопользования (МП) – воображаемые линии, соединяющие два полюса природопользования – (1) природные ресурсы и (2) экстрагированные из них привлекательные полезности.

Три меридиана природопользования (добыча ресурсов, обработка ресурсов и сырья, торговля и обслуживание), в разных комбинациях региональных отраслевых предпочтений, соединяют региональные технологические процессы, преобразующие природные ресурсы в привлекательные полезности, которые поступают на рынок как товар.

Двойная линия, продолжающая меридиан «обработка», символизирует тот факт, что база отрасли «обработка», основана на отраслях добычи природных ресурсов и сырья.

Две двойные линии, продолжающие меридиан «обслуживание» символизируют тот факт, что отрасли обслуживания могут существовать только на базе использования природных ресурсов и сырья добывающий отраслей, а также готовой продукции обрабатывающих отраслей.

Рис. Структура природопользования

говли и услуг. В ходе сравнения из массива исходных данных количественно выраженных показателей процессов или вербальных оценок свойств целей, способов и затрат формируется массив расчетных данных – количественно выраженных преимуществ в разгах по целям, способам и затратам, относительно минималь-

ной оценки данного свойства данного показателя из всего множества однотипных процессов. Показатели оцениваемых процессов всегда сравниваются с одними и теми же одноименными показателями минимального уровня. Эти показатели сравнения считаются базовыми.

Результаты региональной деятельности в каждом регионе различаются по эффективности природопользования – главному показателю рачительности или расточительности хозяйствования. Они в значительной степени зависят от ментальных характеристик населения региона.

Процессы региональной деятельности, как известно [5], представлены тремя производственными отраслями: добывающей, обрабатывающей (готовая продукция) и отраслями торговли и услуг, включая банковские. Отраслевые предпочтения развития региональной деятельности определяются, во-первых, историко-географическими соотношениями «население – территория – ресурсы – экономика» и, во-вторых, требованиями экономического развития страны. В каждом регионе соответственно имеют место процессы всех трех отраслей.

Результаты расчетов эффективности природопользования всех субъектов Российской Федерации за 2000–2006 гг. определили 3, а более групп регионов. Например, по расчетным данным, нами выделено 7 групп регионов по доминирующим отраслям.

1. С отраслевой доминантой «обработка (готовая продукция)» – 23 региона.

2. С отраслевыми доминантами «добыча природных ресурсов и производство сырья, обработка (готовая продукция)» – 10 регионов.

3. С отраслевыми доминантами «обработка (готовая продукция)», «торговля и услуги (включая банковские)» – 8 регионов.

4. С отраслевыми доминантами «добыча природных ресурсов и производство сырья, обработка (готовая продукция)», «торговля и услуги (включая банковские)» – 11 регионов.

5. С отраслевыми доминантами «добыча природных ресурсов и производство сырья» – 11 регионов.

6. С отраслевыми доминантами «добыча природных ресурсов и производство сырья», «торговля и услуги (включая банковские)» – 16 регионов.

7. С отраслевыми доминантами «торговля и услуги (включая банковские)» – 7 регионов.

Анализ данных за 2000–2006 гг. обнаружил отраслевую миграцию регионов в направлении наибольших предпочтений [2, 3, 4]. Недавно ушедший из жизни выдающийся русский философ и политолог А.С. Панарин [6], исследуя вопросы трудовых отношений в постсоветской России, указал на феномен «дезертирства труда» из отраслей с тяжелыми и низкооплачиваемыми производственными условиями (добывающие

и обрабатывающие отрасли с низкоэффективными сырьевыми технологиями) в более комфортные и высокооплачиваемые отрасли (торговля и услуги, в том числе финансовые).

Приведенные примеры отраслевой миграции регионов, в основном подтверждают наблюдения А.С. Панарина.

Сложившаяся ситуация не совсем отвечает стратегическим направлениям развития экономики России. В начале ставилась задача наращивания ВВП. Наиболее простой путь решения этой задачи – торговля сырьевыми ресурсами страны. В соответствии с этой стратегией отраслевая иерархия региональной деятельности строилась от наиболее значимых торговых через добывающие к наименее значимым обрабатывающим отраслям. Такая стратегия привела к разрушению наиболее технологичных, наукоемких обрабатывающих отраслей и к гипертрофированному развитию торговых и добывающих отраслей. Нынешняя стратегия развития страны ориентирована на восстановление потенциала обрабатывающих отраслей. Отраслевая иерархия региональной деятельности переворачивается в соответствии с новой аксиоматикой отраслей: от наиболее значимых сегодня обрабатывающих через добывающие к торговым и обслуживающим отраслям.

Перечень основных критериев региональной деятельности в соответствии с принятым подходом и структурой природопользования включает (табл. 1): обобщенные показатели эффективности регионального природопользования, экологическую преступность в регионах, соотношение «население – территория – ресурсы – экономика», добродетели народа, производственные характеристики регионов, креативную активность населения, ментальные характеристики.

Важнейшими показателями регионального природопользования являются прибыльобразующий результат и затратно-экологические (негативные) последствия, сопровождающие производство и потребление прибыльобразующего продукта [7].

Показатели прибыльобразующего результата предлагается рассматривать, исходя из позиций основных субъектов региональной деятельности:

1) с позиции работника: цель – повышение благосостояния населения;

2) с позиции администрации: цель – производство валового регионального продукта;

Таблица 1

Критерии и показатели региональной деятельности

№	Критерии	Показатели
1	Административные единицы	Номера и наименования регионов
2 3 4	Обобщенные показатели эффективности регионального природопользования	Организационный фундамент региональной деятельности Прибыльобразующий сектор (ПОС) Затратно экологический сектор (ЗЭС)
5 6 7	Экологическая преступность в регионах	Количество экологических преступлений. Инверсия по цвету от нормированного количества экологических преступлений представляет региональный уровень защиты от экологических преступлений Количество экологических преступлений в расчете на единицу производственных показателей Нормированный уровень количества экологических преступлений в расчете на единицу производительности.
8 9 10 11	Региональные соотношения «население–территория–ресурсы–экономика»	Нормированная среднегодовая численность занятых в экономике Нормированная оценки размеров территории региона Нормированная оценка природных ресурсов и сырья региона Нормированная оценка вклада региона в достижение целей РФ
12 13 14	Добродетели народа	«От разума». Справедливость. Мудрость. Крепость «От сердца». Кротость. Вера. Служение Отечеству Обобщенные показатели добродетелей народа: от разума и от сердца
15 16 17 18 19	Производственные характеристики регионов	Средняя арифметическая по отраслям «Торговля и услуги» Средняя арифметическая по отраслям «Обработка» Средняя арифметическая по отраслям «Добыча» Обобщенные производственные показатели региона. Средняя арифметическая по всем производственным отраслям региона Нормированные обобщенные производственные показатели региона
20 21 22	Креативная активность населения	Нормированные показатели креативной активности населения общенационального направления (ОКАН) Нормированные показатели креативной активности населения индивидуального направления (ИКАН) Нормированное преимущество креативной активности населения общенационального направления над индивидуальным. Отношение ОКАН/ИКАН
23	Ментальные характеристики	Обобщенные показатели ОКАН/ИКАН и добродетелей населения
24 25	Сравнительная характеристика	Временная эффективность регионального природопользования Монетарная эффективность

3) с позиции предпринимателя цель – производство добавленной стоимости.

Единым показателем затрат на достижение целевых показателей всех трех позиций прибыльобразующего сектора являются объемы добычи и обработки природных ресурсов и сырья.

Показатели затратно экологических последствий предлагается рассматривать, исходя из следующих трех позиций:

1) с позиции эффективного использования техногенных рисков – снижение факторов техногенных рисков в региональных процессах добычи и обработки природных ресурсов и сырья;

2) с позиции эффективного использования ресурсов окружающей среды – снижение потребления экологических ресурсов окружающей среды в региональных процессах добычи и обработки природных ресурсов и сырья;

Таблица 2

**Эффективность регионального природопользования
в системе «население – территория – ресурсы, экономика» (на 2006 г.)**
(наименование граф приведено в табл. 1.)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	
Регионы с обрабатывающей отраслевой доминантой																									
21. Р. Чувашия	ОВ	С	ОВ	1,7	0,2	1	9	4	3	10	ОВ	В	9	2,3	5,0	1,5	2,9	8	В	Н	В	9	С		
32. Брянская обл.	В	Н	С	5,5	0,7	5	9	5	3	10	В	В	6	2,4	5,1	1,3	2,9	8	В	С	В	5	В	В	
33. Владимир. обл.	В	В	Н	7	0,8	5,5	10	5	5	10	ОВ	ОВ	10	2,7	4,5	1,9	3,0	9	В	Н	В	10	В	В	
40. Калужск. обл.	В	В	С	5	0,6	4	7	5	3	10	В	В	7,5	2,8	4,4	1,4	2,9	8	В	Н	В	8	С	Н	
43. Кировск. обл.	В	Н	В	8	0,8	5,5	10	10	8	10	ОВ	ОВ	10	2,9	4,6	2,9	3,5	10	С	ОН	В	8	В	В	
58. Пензенск. обл.	В	Н	В	4,3	0,5	3	5	6	5	9	В	В	8	2,5	4,6	1,9	3,0	9	С	Н	В	7,5	В	В	
1. Р. Адыгея	С	В	С	2,5	0,6	4	2	1	1	4	В	Н	4	1,7	4,6	1,1	2,5	4	С	В	Н	4	Н	С	
7. Р. Каб.-Балк	С	С	В	1	0,3	2	5	4	4	8	В	С	5,5	1,9	3,8	1,7	2,5	4	В	С	В	2,5	С	С	
12. Р. Марий-Эл	С	В	Н	9	1,5	7	5	4	4	7	С	С	4,7	1,8	4,5	1,8	2,7	6	С	В	Н	4,7	С	С	
13. Р. Мордовия	С	В	С	4,3	0,7	5	6	5	1	9	В	В	6	1,9	5,0	1,2	2,7	6	В	С	В	5,5	В	Н	
37. Ивановск. обл.	С	Н	Н	7,5	1,5	7	7	4	3	8	В	В	7	2,0	4,3	1,5	2,6	5	В	Н	В	7	В	ОВ	
45. Курган. обл.	С	Н	Н	10	2,5	10	7	7	4	8	Н	Н	2,5	2,1	3,6	1,8	2,5	4	С	С	С	2	В	В	
53. Новгород. обл.	С	ОН	Н	5	0,8	5,5	5	6	6	9	С	В	5	1,9	5,0	2,1	2,7	6	В	С	В	4,2	С	С	
57. Орловск. обл.	С	В	Н	3	0,3	2	6	4	5	10	С	С	4,3	2,0	5,1	1,9	3,0	9	В	С	В	6	В	В	
60. Псковская обл.	С	ОН	Н	7	0,9	6	5	6	5	8	В	С	5,5	1,9	4,8	2,0	2,9	8	С	Н	В	5	С	С	
68. Тамбовск. обл.	С	В	С	2	0,3	2	4	5	1	10	С	С	4,3	2,2	5,0	1,2	2,8	7	В	С	В	4	В	В	
3. Р. Алтай	Н	ОН	В	4	0,8	5,5	1	8	6	4	В	С	5	1,4	4,2	1,3	2,6	5	С	Н	В	2,5	Н	С	
9. Р. Кар.-Черк.	Н	ОВ	Н	1,7	0,6	4	2	4	1	6	С	Н	3	1,7	4,3	1,2	2,4	3	С	В	Н	4	Н	С	
15. Р. Сев. Осетия	Н	С	В	1,3	0,4	2,5	3	2	10	7	С	С	3	1,9	3,3	2,0	2,4	3	С	В	Н	3	С	С	
79. Евр. авт. обл.	Н	Н	Н	2,5	0,6	4	1	5	5	3	Н	Н	2	1,1	3,4	1,9	2,5	4	Н	В	Н	1,7	Н	Н	
81. К.-Перм. окр.	Н	ОН	Н	4,7	2,4	9	1	5	1	1	ОН	ОН	1	0,9	3,8	1,0	1,9	2	ОН	В	Н	1	Н	Н	
85. У.-Орд. окр.	Н	Н	Н	6	2,4	9	1	4	3	2	Н	ОН	1,3	0,8	4,8	1,4	2,3	2,5	Н	В	Н	1,3	С	С	
80. Аг. Бурят. о	ОН	В	ОН	2	2	8	-	4	3	2	Н	Н	1,7	0,7	3,1	1,3	1,7	1	Н	ОВ	Н	2	ОН	С	
Регионы с добывающей и обрабатывающей отраслевыми доминантами																									
69. Тверская обл.	ОВ	В	С	8	0,9	4	9	7	6	7	ОВ	ОВ	10	3,0	4,4	3,3	3,6	9	В	Н	В	4	С	С	
46. Курская обл.	В	В	В	1	0,1	1	8	1	3	7	В	В	7	2,4	3,9	2,8	3,0	7	В	В	С	5	В	В	
47. Ленингр. обл.	В	С	В	9	0,9	4	10	6	10	10	В	ОВ	9	3,1	4,0	4,9	4,0	10	ОВ	ОН	ОВ	2	Н	Н	
62. Рязанская обл.	В	ОВ	Н	3	0,4	2	7	1	3	7	В	В	8	2,7	4,0	2,9	3,2	8	В	В	С	4	С	ОВ	
10. Р. Карелия	С	В	ОН	4	1,3	6	4	8	4	3	В	В	6	2,0	2,8	3,1	2,6	3	С	С	С	5	Н	В	
28. Амурская обл.	С	С	В	5	1	5	6	10	8	5	С	С	5	2,0	3,0	3,6	2,9	5	С	С	С	6	Н	Н	
4. Р. Бурятия	Н	ОН	В	10	2,5	8	5	10	6	5	ОН	Н	3	2,1	2,9	3,3	2,8	4	С	В	Н	7	С	С	
8. Р. Калмыкия	Н	Н	ОВ	7	7	10	1	4	1	2	Н	Н	3	1,4	2,3	2,1	1,9	1	Н	В	Н	3	В	В	
44. Костром. обл.	Н	Н	ОН	6	0,9	4	4	4	6	3	С	С	4	1,9	3,7	3,3	3,0	7	С	В	Н	10	С	В	
17. Р. Тыва	ОН	В	Н	2	0,7	3	1	8	6	1	ОН	ОН	1	1,3	3,1	3,3	2,6	3	ОН	В	Н	1	ОН	ОН	
Регионы с обрабатывающей и торговой отраслевыми доминантами																									
26. Ставроп. край	ОВ	Н	ОВ	1	0,1	1	8	10	8	5	ОВ	ОВ	10	4,8	4,0	3,3	4,0	7	Н	Н	С	9	Н	Н	
36. Воронеж. обл.	В	В	В	7	1,8	6	8	9	3	6	С	Н	3	4,0	4,4	2,3	3,6	4	С	В	Н	4	В	В	
50. Московск. обл.	В	В	В	10	1	4	10	8	10	10	В	В	7	6,9	4,9	4,0	5,3	10	ОВ	В	В	10	С	В	
76. Ярославск. обл.	С	С	Н	9	1,8	6	4	5	3	3	Н	С	4	4,2	4,7	2,2	3,7	5	С	В	Н	3	ОВ	В	
31. Белгород. обл.	Н	Н	Н	6	6	10	4	5	4	5	С	С	4	3,0	3,7	2,4	3,0	1	В	С	В	5	В	В	
71. Тульская обл.	Н	Н	С	3	0,8	3	6	5	5	3	В	В	8	3,5	4,4	2,9	3,6	4	Н	ОН	В	8	В	В	
39. Калинин. обл.	ОН	ОВ	ОН	8	4	8	1	1	2	4	В	Н	5	3,7	3,5	2,0	3,1	2	В	ОВ	Н	7	ОН	ОН	
73. Ульянов. обл.	ОН	Н	С	5	5	9	3	5	1	1	ОН	ОН	1	3,0	4,2	1,7	3,0	1	ОН	ОВ	ОН	1	ОН	ОВ	
Регионы с добывающей, обрабатывающей и торговой отраслевыми доминантами																									
64. Саратовск. обл.	ОВ	С	В	2	0,3	1	10	5	8	9	ОВ	ОВ	10	5,0	3,5	3,8	4,1	8	В	Н	В	9	В	В	
25. Приморск. край	В	В	В	8	1,3	5	8	8	6	8	В	В	8	4,7	3,4	3,3	3,8	6	С	Н	В	10	В	В	
27. Хабаров. край	В	Н	ОВ	9	1,8	10	5	10	9	6	Н	ОН	1	3,7	3,1	4,2	3,7	5	В	В	Н	1	Н	Н	
54. Новосибир. обл.	В	В	В	10	1	3	10	8	9	10	В	В	7	5,3	4,6	4,1	4,7	10	В	С	В	7	В	В	
55. Омская обл.	В	ОВ	В	5	1,7	9	7	6	5	7	С	С	4	4,5	4,3	3,2	4,0	7	С	ОВ	Н	6	С	С	
18. Р. Удмуртия	С	С	Н	4	1,3	5	6	3	5	5	В	В	6	3,6	3,0	3,2	3,3	3	В	ОН	В	8	ОВ	В	
67. Смоленск. обл.	С	С	ОН	3	1,5	7	2	4	3	3	В	Н	5	2,4	3,3	2,5	2,7	2	В	В	Н	5	В	В	
22. Алтайск. край	Н	Н	С	7	1	3	9	8	7	7	ОН	С	3	4,2	4,3	3,5	4,0	7	С	В	Н	4	С	С	
29. Арханг. обл.	Н	ОН	В	2,5	1,4	6	4	9	10	3	Н	Н	2	3,9	3,1	4,4	3,8	6	Н	Н	С	1	В	В	
35. Вологод. обл.	Н	ОН	Н	6	1,5	7	3	7	8	6	Н	Н	1	3,6	2,9	4,0	3,5	4	В	В	С	2	С	С	
6. Р. Ингушетия	ОН	В	С	1	1	3	1	1	1	1	С	ОН	3	1,2	1,4	1,6	1,4	1	Н	В	Н	3	ОН	ОН	
Регионы с добывающей и торговой отраслевыми доминантами																									
66. Свердл. обл.	ОВ	ОВ	С	7,5	0,8	3	10	5,5	5,5	8	В	ОВ	10	7,5	2,7	5,6	5,3	10	В	С	В	8	В	В	
2. Р. Башкортостан	В	В	В	3	0,5	2	8	5	5	7,5	В	В	8	5,6	2,9	4,4	4,3	6	Н	С	Н	7,5	С	С	
34. Волгоград. обл.	В	В	В	9	1,8	6	5,5	4	3	4	ОВ	В	10	4,6	3,1	4,6	4,1	5	С	ОН	В	10	В	В	
59. Пермская обл.	В	Н	В	7	1,9	7	6	5	5	5,5	В	С	7	5,1	3,4	4,9	4,5	8	С	В	Н	5	В	В	
72. Тюмен. обл.	В	Н	В	4	0,4	1	9	9	9	10	С	В	7,5	7,6	0,8	6,4	4,9	9	Н	С	Н	7	С	С	
74. Челябин. обл.	В	В	Н	4,3	0,8	3	7,5	2,5	2,5	6	В	В	9	5,6	2,1	4,8	4,2	5,5	В	Н	В	9	ОВ	В	
24. Краснояр. край	С	Н	ОВ	6	0,9	4	7	10	10	7	С	В	5,5	5,1	1,6	6,6	4,4	7	С	Н	В	5,5	В	В	
38. Иркутск. обл.	С	Н	В	8	1	5	5	8	8	4,7	Н	Н	3	4,8	3,0	5,6	4,5	8	Н	В	Н	1,7	ОВ	В	
42. Кемеров. обл.	С	Н	С	1,7	0,4	1	5,5	3	3	5	С	С	6	5,1	1,4	5,4	4,0	4	С	С	Н	6	В	В	
86. Х.-Ман. округ	С	ОН	В	5,5	1,8	6	4	7,5	7,5	9	Н	Н	2,5	4,8	0,2	5,3	3,4	3	ОВ	В	В	3	В	В	
5. Р. Дагестан	Н	С	С	5	2	8	3	2	2	2	В	Н	7	4,1	2,8	2,9	3,3	2,5	Н	Н	В	5,5	Н	Н	
11. Р. Коми	Н	ОН	С	2	0,7	2,5	2,5	7	7	2,5	ОН	ОН	1	3,6	2,2	4,4	3,4	3	С	С	В	1	В	В	
30. Астрахан. обл.	Н	С	С	10	10	10	2	2	2	1	В	С	5	2,2	1,9	2,9	2,3	1	Н	В	Н	2,5	Н	Н	
65. Сахалин. обл.	Н	В	Н	4,7	4,7	9	1	2,5	2,5																

Таблица 2. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Регионы с торговой отраслевой доминантой																								
78. г. С-Петербург	ОВ	ОВ	Н	1	0,2	1	8	1	1	7	ОВ	ОВ	10	8,5	3,9	2,7	5,0	5	В	В	В	9	ОВ	
23. Краснодар. край	В	С	ОВ	8	1,1	6	6	6	8	4	В	В	8	6,9	4,6	3,6	5,1	7	С	С	С	7	ОН	
61. Ростовск. обл.	В	ОН	В	10	1,4	8	4	10	10	2	В	В	6	6,9	4,4	4,0	5,1	7	Н	Н	С	10	С	
77. г. Москва	В	В	В	4	0,4	3	10	1	3	10	С	В	6	9,6	4,0	3,1	5,6	10	ОВ	В	В	4	С	
52. Нижегород. обл.	С	Н	С	5	1,3	7	2	8	10	1	В	Н	5	5,9	3,8	3,8	4,5	4	ОН	ОН	С	3	Н	
63. Самарск. обл.	Н	Н	Н	3	0,8	5	1	4	8	3	ОН	ОН	1	6,8	3,1	3,7	4,5	4	С	В	Н	1	В	
16. Р. Татарстан	ОН	Н	ОН	6	6	10	2	6	5	5	Н	С	3	6,1	2,9	3,4	4,1	1	С	В	Н	6	В	
Регионы с добывающей отраслевой доминантой																								
56. Оренбург. обл.	ОВ	С	С	7,5	0,8	4	10	2,5	9	9	ОВ	ОВ	10	3,7	1,8	5,4	3,6	10	В	Н	В	3	В	В
14. Р. Сах.-Якут.	В	В	В	4	0,4	1	7	10	10	8	В	В	6	3,6	0,6	5,8	3,3	9	С	С	С	8	С	В
19. Р. Хакасия	В	В	Н	8	1,3	7	4	2	7	6	В	В	9	1,7	2,0	4,1	2,6	6	С	С	С	7	В	В
41. Камчатск. обл.	В	ОВ	Н	9	1,3	7	3	6	4	5	В	В	5	2,1	3,0	3,3	2,8	7	С	Н	В	4	С	
49. Магадан. обл.	В	С	Н	5	1	5	2	5,5	5	4	С	С	7,5	1,9	0,9	3,6	2,1	5	Н	С	Н	10	В	В
51. Мурманск. обл.	В	В	С	7	0,8	4	7	3	8	8	С	В	7	3,0	2,5	4,4	3,3	9	В	С	В	5	В	
75. Читинск. обл.	В	В	В	10	1,3	7	7	5	8	7	В	В	8	2,4	1,9	4,6	3,0	8	С	Н	В	6	В	ОН
89. Я.-Нен. округ	В	Н	В	6	1,1	6	5	7,5	7	10	Н	С	4	2,7	0,1	4,1	2,3	5,5	ОВ	В	В	2	С	С
84. Таймыр. округ	С	ОН	ОВ	1,7	0,6	3	–	9	3	5	В	В	6	1,1	1,1	2,9	1,7	3	Н	Н	С	2	Н	
87. Чукотск. округ	С	Н	С	3	0,8	4	1	7	5	5	Н	Н	3	1,2	0,9	3,6	1,9	4	С	В	Н	3	В	ОН
82. Коракск. округ	Н	ОН	ОН	2,5	0,6	3	–	4,7	4	1	В	С	5,5	1,0	1,3	3,4	1,9	4	Н	С	Н	9	С	
83. Ненецк. округ	Н	В	Н	1	0,5	2	–	4	3	5	Н	Н	2	0,9	0,1	2,8	1,3	2	С	В	Н	1	Н	Н
88. Эвенк. округ	ОН	ОН	Н	2	0,8	4	–	8	4	2	Н	Н	2,5	0,6	0,6	3,3	1,5	2,5	Н	В	Н	1	Н	ОН
20. Р. Чечня	Н	ОН	В	5,5	5,5	10	–	1	1	3	ОН		1	0,2	0	1,0	0,4	1						

3) с позиции эффективного использования ресурсов человеческого потенциала – снижение потребления ресурсов человеческого потенциала в региональных процессах добычи и обработки природных ресурсов и сырья.

С этих позиций интересно рассмотреть неоднократно упоминавшийся синдром российской диспропорции в системе «население – территория – природные ресурсы – экономика» (НТРЭ): в России 2% всего населения Земли обладает 14% территории Земли, 30% от всех природных ресурсов Земли и производит 1,5% мирового продукта. Это значит, что если 100% мирового продукта производит 100% населения Земли за счет 100% природных ресурсов Земли, то производительность населения России составляет в денежном исчислении лишь 75%, а вклад природных ресурсов России в мировую экономику составляет всего лишь 5%. Такая диспропорция российского соотношения НТРЭ вносит серьезные напряжения в отношении России с мировой экономикой и в ситуацию внутри страны. Единственный путь снижения этой диспропорции, ведущий к росту экономического могущества страны – наращивание креативной (творческой и духовной) активности населения.

Результаты расчетов региональных соотношений «население – территория – природные ресурсы – экономика» (НТРЭ) по РФ представ-

лены в графах 5–8 таблицы 2. Из представленных данных видно, что ряд регионов, имеют диспропорцию НТРЭ. По регионам торговли и услуг это Самарская и Нижегородская области; по обрабатывающим регионам Республика Карачаево-Черкессия, Республика Чувашия; по регионам добывающих, обрабатывающих отраслей и отраслей торговли услуг – Архангельская область; по добывающим регионам Эвенкийский автономный округ, Таймырский автономный округ.

По данным таблицы 2 можно выявить ряд признаков принадлежности регионов к тем или иным отраслевым группам, обусловленным влиянием на труд ментальных характеристик населения регионов: креативной активности населения общенационального направления (ОКАН); креативной активностью населения индивидуального направления (ИКАН) и показателей добродетелей народа (ДН).

По торговым регионам выявляются две группы регионов. 1. Группа преимущественно торговли собственными ресурсами (высокие показатели региональных объемов ресурсов и сравнительно низкие показатели ОКАН) или сравнительно низкие потенциалы ОКАН (для Нижегородской и Ростовской областей), усиленные высокими объемами региональных ресурсов: Республика Татарстан, Самарская, Нижегородская, Ростовская области, Краснодарский

край. 2. Группа торговли собственной готовой продукцией (низкие показатели региональных объемов ресурсов и сравнительно высокие показатели ОКАН) или высокие потенциалы ОКАН, при скудных объемах собственных ресурсов: Москва, Санкт-Петербург

По обрабатывающим и торговым регионам можно составить две группы регионов. 1. Группа преимущественной торговли собственной готовой продукцией (низкие показатели региональных объемов ресурсов и высокие показатели ИКАН) или высокие потенциалы ИКАН, при скудных объемах собственных ресурсов: Калининградская, Ульяновская, Ярославская и Воронежская области. 2. Группа торговли собственной готовой продукцией: высокие показатели региональных объемов ресурсов и высокие показатели ОКАН (Московская, Белгородская, Тульская области) или высокие потенциалы ОКАН, усиленные высокими объемами собственных ресурсов.

По обрабатывающим регионам можно выделить шесть групп регионов. 1. Низкие показатели объемов региональных ресурсов и высокие показатели ИКАН или высокие, несмотря на скудность ресурсов, потенциалы населения в достижении личного благосостояния: Агин-Бурятский автономный округ, Коми-Пермяцкий автономный округ, Усть-Ордынский автономный округ, Республика Карачаево-Черкесия, Республика Адыгея. 2. Средние и высокие показатели объемов региональных ресурсов и высокие показатели ИКАН или высокие, обеспеченные объемами региональных ресурсов, потенциалы населения в достижении личного благосостояния: Еврейская авт. область, Республика Северная Осетия. 3. Высокие показатели объемов региональных ресурсов и относительно высокие показатели добродетелей народа или высокие, обеспеченные объемами региональных ресурсов, потенциалы населения в достижении общенационального и личного благосостояния: Республика Алтай. 4. Средние и высокие показатели объемов региональных ресурсов и высокие показатели ОКАН или высокие, обеспеченные объемами региональных ресурсов, потенциалы населения в достижении общенационального благосостояния: Курганская, Орловская, Псковская, Новгородская области; Республика Кабардино-Балкария, Республика Марий-Эл. 5. Низкие показатели объемов региональных ресурсов и высокие показатели ОКАН или высокие, несмотря на скудность региональных ресурсов, потенциалы населения в

достижении общенационального благосостояния: Республика Мордовия, Ивановская, Тамбовская, Калужская и Брянская области и Республика Чувашия. 6. Высокие и средние показатели объемов региональных ресурсов и высокие показатели добродетелей народа или высокие, обеспеченные объемами региональных ресурсов, потенциалы населения в достижении общенационального и личного благосостояния: Пензенская, Владимирская и Кировская области.

По добывающим и обрабатывающим регионам низкие объемы ресурсов для Республики Калмыкия, Рязанской и Курской областей могут указывать на истощение их запасов или высокую стоимость их разработки и на значительную вероятность миграции этих регионов в группу обрабатывающих регионов.

По добывающим регионам низкие объемы ресурсов для Ненецкого и Таймырского автономных округов могут указывать на истощение их месторождений и на вероятность переориентации направлений развития отраслей в этих регионах.

Как мы указывали выше, на эффективность регионального природопользования существенное влияние оказывает креативная активность и добродетели населения. В целом, можно говорить о двух основных направлениях креативной активности населения: 1) общенациональное направление (ОКАН) – направление, определяемое соотношением регионального вклада в экономику РФ к числу занятых в экономике; 2) индивидуальное (ИКАН) направление, косвенно определяемое величиной коэффициента фондов (отношением дохода 10% высокодоходных слоев населения к 10% низкодоходных), в расчете на одного занятого в экономике региона.

Результаты расчетов креативной активности населения регионов представлены в графах 11, 12, 13 (креативная активность населения общенационального направления) и 14, 15, 16 (креативная активность населения индивидуального направления)

Очень важен тип соотношений показателей креативной активности населения общенационального и индивидуального направлений. Превосходство показателей креативной активности населения общенационального направления над индивидуальным нужно рассматривать как положительный фактор организации креативной активности населения. В этом случае креативный региональный вклад в обеспе-

чение роста экономики страны и общего благосостояния населения выше, чем для личного обогащения. «Деяния выше воздаяний». Это обеспечивает рост благосостояния страны.

Равенство показателей креативной активности населения общенационального направления и индивидуального нужно рассматривать как явно отрицательный фактор организации креативной активности населения. В этом случае рост общего благосостояния населения снижается за счет того, что креативная активность переориентируется на личное обогащение. Это приводит к застою развития страны.

Занижение показателей креативной активности населения общенационального направления относительно индивидуального нужно рассматривать как крайне недостаточный фактор организации креативной активности населения. В этом случае рост экономики страны и общего благосостояния населения прекращается за счет того, что креативная активность в основном переориентирована на личное обогащение. «Деяния ниже воздаяний». Это приводит к ухудшению благосостояния страны.

На характер соотношений креативной активности общенационального и индивидуального направлений оказывает влияние организационный фундамент региональной деятельности (ОФРД). Это важный показатель качества управленческих решений. Он определяет качество региональных технологий (способов достижения целей) и инвестиционную привлекательность региона. Организационный фундамент и креативная активность должны быть взаимообусловлены. Важно, чтобы креативная активность и организационный фундамент, обогащая друг друга, совместно возрастали. В обеспечении такого взаимно обуславливающего роста креативной активности и организационного фундамента и состоит задача управления регионом. Организационный фундамент должен раскрепощать креативную активность и, в свою очередь, креативная активность должна стимулировать рост организационного фундамента. В регионах, где они в наибольшей степени поддерживают друг друга, должен наблюдаться подъем региональной деятельности.

Существует еще один ряд важных факторов, входящих в состав организационного фундамента региональной деятельности, определяющих принципы стратегического управления регионом. Это добродетели населения. Нами

предлагаются следующие показатели добродетелей населения.

Справедливость. Общественно установленное соответствие прав и обязанностей, свободы и ответственности, деяний и воздаяний. Количественно выражается величиной, обратно пропорциональной региональному коэффициенту фондов.

Мудрость. Расчет, осторожность, эффективность при разработке и реализации решений, с учетом последствий. Количественно выражается обобщенным показателем организационного фундамента региональной деятельности.

Крепость. После принятия решения «да» или «нет» настойчиво и умело выполнять решение. Количественно выражен средней арифметической от количественно выраженных показателей Справедливости и Мудрости

Кротость. Довольствоваться необходимым, пренебрегать излишеством. Основа эффективного природопользования. Количественно выражен величиной, обратно пропорциональной региональному коэффициенту фондов.

Свобода вероисповедания. Бог един, но путей к нему много. Иди своим путем, но уважай пути других. Количественно выражается нами стоимостью имущества религиозных и общественных организаций.

Служение Отечеству. Прославляя Отечество, всюду и всегда защищай интересы Отечества и соотечественников. Крепи единство народов Отечества. Возвеличивай богатство, мощь и красу Отечества. Количественно выражается системными показателями региона как элемента системы РФ.

Результаты расчетов показателей добродетелей населения регионов представлены в графах 9 и 10 таблицы.

Заключение. Предложенный подход к оценке эффективности природопользования в отличие от традиционного монетарного, во-первых оперирует натуральными единицами: вес, объем, площадь, время, количество рубли. Во-вторых, региональная деятельность рассматривается как процесс – целенаправленная последовательность действий, ограниченная привлеченными ресурсами, – и характеризуется целями действий, способами действий и затратами ресурсов на достижение целей. Впервые исследовался важнейший фактор управления региональной деятельностью – влияние ментальных показателей региональной деятельности (креативной активности и добродетелей населения) на эффективность природопользования. Вспом-

ним высказывание Р.У. Эмерсона: «Истинный показатель цивилизации – не уровень богатства и образования, не величие городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной» [6]. При исследовании причин, формирующих эффективность регионального природопользования, нас интересуют в этом обличье главным образом те аспекты, которые формируют рачительного хозяина России, вкладывающего свой талант в становление экономического могущества России, в повышение эффективности природопользования России.

Дальнейшее развитие работ по эффективности регионального природопользования

прежде всего связано с постановкой ежегодного мониторинга эффективности природопользования. Очень важно привлекать специалистов из регионов к сбору и анализу показателей эффективности регионального природопользования, креативной активности и добродетелей населения. Это позволит, во-первых, получать исходные данные на 1,5–2 года раньше, то есть давать оценки эффективности регионального природопользования оперативно, в «реальном масштабе времени». Во-вторых, государственная задача повышения эффективности природопользования обретет общенациональное значение.

Библиографический список

1. Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. – СПб., 1995.
2. Кочуров Б.А., Смирнов А.Я. Опыт разработки экспресс-мониторинга эффективности регионального природопользования // Юг России экология и развитие. – 2006. – № 4. – С. 6–19. Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики. – М., 2006.
3. Борис Кочуров, Андрей Смирнов. Эффективность регионального природопользования. Региональные соотношения «население-территория-ресурсы-экономика». Креативная активность населения. Добродетели народа // Экономические стратегии. – №3. – 2007 (53). – С. 32–44.
4. Кочуров Б.И., Смирнов А.Я., Лобковский В.А., Лобковская Л.Г. Оценка и мониторинг эффективности регионального природопользования // Научное наследие Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского и его роль в развитии современной науки // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, 2007. – С. 101–122.
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУВШЭ, 2001 г.
6. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 493.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики. – М., 2006.

Н.А. Метальникова
(г. Смоленск)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ НОВЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Metalnikova N.A.

THE NEW THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES OF THE ETHNIC AND LINGUISTIC GEOGRAPHY

The ethnic and linguistic geography is a research study to explore of the transformation and distribution of modern ethnic and linguistic structure in the context of languages and dialects distribution during the process of ethnics expansion on the territory at times. The interaction of ethnic and linguistic processes (factors) which has an influence on the geopolitical situation and migration processes of the nations are considered and analysed in the article. The findings of this research are considered against a background of geopolitical and cultural tendencies and represent as geography of a «linguistic landscape». The «linguistic landscape» is a total amount of isoglotic lines (the lines are restricted to a territory of separate language data rs distribution) and the territories of dialects, languages interaction and linguistic communities or linguistic unions.

История народов мира, особенно в XX столетии, показала, что языковая политика государств нуждается в научном обосновании. Прежде всего, это касается понимания общественными и государственными деятелями и членами языкового коллектива (в дальнейшем именуемого этнолингвистической общностью) самого феномена языка как одного из основополагающих признаков этнической идентификации. Наука призвана обобщить многовековой опыт существования многонациональных государств, проводившейся в ней языковой политики и дать правильные рекомендации, обеспечивающие свободное применение и развитие языков народов, проживающих в том или ином государстве. Взаимосвязь языка и общества не ограничивается ассоциацией конкретных языков с нациями, политическими единствами или более мелкими локальными группами. Тем не менее, это очевидная связь, и ее изучение однозначно доказывает обусловленность определенных сторон системы языка жизнью и развитием общества: наличие в языке функциональных стилей, территориальных и социальных диалектов. Данной проблематикой занимается этнолингвистическая география.

Этнолингвистическая география – научное направление, изучающее пространственно-временную трансформацию и современную территориальную организацию этнолин-

гвистической структуры в контексте трансформации языковых (диалектных) явлений на фоне этнических процессов в хронотопологическом (пространственно-временном) аспекте. Что же означает понятие «этнолингвистическая структура» в данном понимании? Опираясь на специфическим лингвогеографическим терминологическим аппаратом, мы вводим термин «этнолингвистическая общность», означающий исторически сложившуюся общность людей, расселенную на определенной территории и обладающую в силу этого языковой спецификой – некоторой реально существующей знаковой системой или этническим языком. До некоторого времени проблема функциональной дифференциации этнического языка занимала центральное место в социолингвистических исследованиях, в географической науке она приобретает политико-географическую «окраску». Термин «этнический язык» толкуется несколько шире, чем распространенный термин «национальный язык» и означает некоторую реально существующую знаковую систему, используемую в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве, и, прежде всего, осуществляющий коммуникативные функции в данном социуме [17]. Как семантически более емкий, данный термин может быть применен к любому периоду в жизни социума – национальному, донациональному, постнациональному поскольку язык

как важнейшее средство человеческого общения тесно связан с обществом и продуктами его жизнедеятельности политическими, социальными, культурными и иными институтами.

Общепринятая концепция (модель) этнического языка, в основу которой положен принцип структурирования этнического языка в виде проецирования на плоскость его коммуникативной функции, представлена в виде двух автономных, но взаимосвязанных подсистем или континуумов (сообществ) – коммуникативного и языкового [17]. Роль коммуникативного континуума состоит в том, что его возникновение представляет собой движущую силу развития соответствующих коммуникативных средств, а, стало быть, и языковых процессов. В основе его лежит единство хозяйственно-экономической, общественно-политической, культурной семейно-бытовой деятельности, требующее обмена информацией. Его границы между ними могут быть нечеткими, они могут переплетаться и взаимопроникать друг в друга, некоторые носят временный, неустойчивый характер (делегация), другие более стабильны, их внутренние связи многосторонни крепки (производственный коллектив, политическая партия, государственное-административное образование). Этим сообществам свойственна высокая степень «плотности» коммуникации, ее большая интенсивность [18]. Языковой континуум (языковой коллектив, лингвосоциум или этнический язык) – это группировка носителей на основе единства языка как средства общения [17]. Совокупность обоих ареалов составляет комплексный языковой континуум, т.е. этнический язык [17]. Объединяя людей по разным аспектам, коммуникативные и языковые сообщества часто не совпадают: члены одного языкового сообщества могут входить в разные коммуникативные сообщества, и наоборот – одно коммуникативное сообщество может делиться на несколько языковых. И в том и в другом случае возникают условия для функционирования, развития и территориальной дифференциации языков внутри этнической общности – процессов языковой дивергенции, конвергенции, что со временем влечет за собой лингвистические изменения [17]. В случаях, когда эти общности представляют собой государственные образования, их границы будут препятствовать свободному распространению языковых инноваций за пределы данной общности. В каждой этнолингвистиче-

ской общности существует особая языковая ситуация, своя специфика отношений данного языка с другими контактирующими языками, что также способствует дивергенции. Эта концепция не объясняет всех ситуаций языковой вариантности, например, немецкого языка в Швейцарии, Австрии и других странах (не являющейся следствием дезинтеграции какой-либо ранее существовавшей языковой общности) [14]. Модель этнического языка отражает взаимосвязи, существующие между идиомами, их распределение в коммуникативном пространстве и группировку идиомов в соответствующие функциональные блоки (ярусы или страты). Итак, коммуникативная функция языка является одним из главных факторов, влияющих как на этнические, так и на геополитические процессы в целом.

Любая этнолингвистическая общность как всякое системное явление рассматривается нами с точки зрения системного подхода, что, пожалуй, обусловлено потребностями современной теоретической науки, которая ставит своей задачей выявление наиболее общих законов построения пространственно-временных систем и структур, изучаемых как в географической, так и лингвистической науке. При этом в рамках пространственно-временных отношений предполагается сосуществование этнической и лингвистической подсистем: с одной стороны, языка или диалекта, носителем которого является данная нация (этнос), с другой – аспектов лингвистического взаимодействия в рамках данной общности: процессов конвергенции, дивергенции, языкового сосуществования, смешения, скрещивания, языковой интерференции, заимствования и собственно языковых ситуаций подобно билингвизму, диглоссии, мультилингвизму. Исходя из данного положения предполагаем, что этнолингвистическая система включает внешний или пространственно-временной иерархический уровень, объединяющий все вышеперечисленные виды дифференциации, возникшие под воздействием внешних факторов – временных, пространственных, социальных. Применительно к внутренней или собственно языковой системе можно говорить о разных уровнях организации ее элементов: фонологическом, грамматическом, лексическом, семантическом, – находящихся в непосредственном взаимодействии и иерархическом соподчинении. Системы отдельных ярусов этнической и лингвистической структуры

взаимодействуя друг с другом, образуют общую этнолингвистическую систему, обладающую собственными законами развития этнических общностей и происходящих в них лингвистических процессов, взаимодействие которых в комплексной системе преломляется через законы развития общества. Общность, как правило, осознает свое языковое своеобразие. На субэтническом уровне осознаваемое диалектное своеобразие выделяет этнические подгруппы внутри этноса. Любой этнический процесс реализуется, прежде всего, через общение, а стало быть, и через речевое общение, через язык. Поэтому язык есть универсальный медиатор этнических процессов [3]. Соответственно, любое изменение языка во времени происходит определенных условиях. Этими условиями оказываются внутренние и внешние системные связи языка: первые устанавливаются и меняются в самом языке, вторые устанавливаются и меняются между языком и внешними структурами [4, 28]. Меняются внешние по отношению к языку факторы – социальные и психофизиологические, однако структурные возможности того или иного языка определяют результат любых внешних воздействий на него [4]. Процесс речевого функционирования языковой структуры находится под сильным влиянием множества социолингвистических факторов, возникающая при этом дифференциация по своему существу социальная, затрагивающая свойства и особенности структуры, и в итоге приводящая к территориальному расслоению языковой структуры (вследствие глубокого различия общества) [2].

Основная задача системного исследования в этнолингвистической географии состоит в том, чтобы объяснить особенности поведения и свойств целостного объекта – этнолингвистической структуры (общности) с помощью синхронического анализа элементов, образующих систему, их взаимоотношений, развитости и иерархической структуры [24], и диахронического анализа (сопоставления разных временных отношений), предполагая при этом, что лингвистическая структура находится в состоянии непрерывного движения, взаимодействия с другими системными элементами (например, этническими), которые в той или иной степени обуславливают его существование. Исследование изменения системы включает ретроспективный обзор, анализ современной динамики, прогнозирование спонтанных и целенаправ-

ленных изменений этнической и языковой структуры. Последнее особенно важно при решении конструктивных лингвогеографических и этнополитических задач.

В то же время не следует забывать, что языковые системы – это теоретические модели, созданные для описания закономерностей языкового поведения членов определенной этнолингвистической общности. Реальные естественные языки в действительности не являются ни абсолютно статичными, ни абсолютно однородными. Тем не менее, речь для тех, кого принято считать носителями одного языка, все же обладает достаточной степенью статичности и однородности для того, чтобы признать использование такого рода конструктов при описании естественных языков полезным и с научной точки зрения оправданным [28].

В первую очередь нами рассматривается пространственно-временная дифференциация диалектов языков как наиболее крупных единиц территориального членения. Собственно диалект – разновидность некоего языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью [2]. Кроме того, следует различать следующие понятия: «диалектный (языковой) континуум» – континуум, где выделяются и постулируются ареальные нормы (зоны) единого языка или диалекта с некоторыми вкраплениями других языковых вариантов [13]. «Социальный (или этнический) континуум» – территория формирования и развития некоторой социальной группировки людей, являющейся носителем некоего общего языка, не исключая при этом владение различными языковыми вариантами [13]. Географическое положение – не единственный фактор диалектного варьирования: речь людей различается в зависимости от их принадлежности к разным социальным группам. В отличие от диалектного континуума любой контактный континуум имеет не территориальную, а социальную обусловленность [10]. Таким образом, принято различать территориальные диалекты – разновидности языка, используемые на определенной замкнутой территории в качестве средства общения местного населения, и социальные диалекты – разновидности языка, на которых говорят определенные социальные группы населения (религиозные, этнические, экономические, политические, профессиональные) [9, 13]. Социальные диалекты имеют в своей основе литературный

язык или территориальный диалект, отличаясь от них лишь специфической лексикой, словообразованием и фразеологией. В то же время современные территориальные диалекты в большинстве языковых коллективов одновременно являются и социальными диалектами, поскольку на них говорят только низшие слои городского населения (таково положение в России, Англии, Франции, где социальный статус диалектов низок). Напротив, в тех странах, где территориальные диалекты пользуются большим престижем (например, в Германии или Швейцарии) или отношении к территориальным разновидностям языка более безразличное (как в США), употребление территориальных диалектов менее привязано к социальным классам, а сами они имеют более чистый «территориальный» характер [27].

Для описания как территориальных, так и социальных диалектов существенны два параметра: 1) барьеры, или границы; 2) расстояние или дистанция (социальные или территориальные). С географической точки зрения региональные границы часто совпадают с географическими физическими препятствиями, и чем резче граница и больше географическое расстояние между двумя диалектами, тем дальше они с лингвистической точки зрения [2]. Сей факт только лишь очередной раз доказывает неопровержимую взаимосвязь и взаимозависимость лингвистических и географических явлений и процессов. Эта закономерность нашла свое отражение в модели генетической дифференциации индоевропейских языков, известной под названием модели «родословного древа», охватывающей 12 языковых семей (96% языков мира) [6]. Генеалогическая схема отражает представление о возникновении родственных языков в результате разделения языка-предка (праязыка) и относительную древность распада праязыков в соответствии со степенью различий между языками-потомками. Так, традиционный способ построения генеалогического древа – по общим инновациям: чем меньше времени прошло с момента распада общего праязыка, тем ближе родство языков, тем больше совпадений в области базисной лексики (термины родства и т. д.) и, соответственно, тем ближе они окажутся на схеме. Так, все индоевропейские языки разных подгрупп имеют между собой около 30% совпадений, все балтославянские языки имеют между собой 45–50% совпадений, все славянские и все германские языки имеют между собой 80–90% совпа-

дений. Налицо, таким образом, явная корреляция между степенью родства и количеством совпадений в базисной лексике. В целом, определение первоначального ареала реконструируемого общего языка и определение путей миграции и переселения племен, говоривших на диалектах этого общего языка, понимаются как «историко-географический аспект собственно лингвистической проблемы членения языковой общности» [16].

Различие социальных диалектов можно объяснить с помощью сходных понятий. Границы между социальными классами неотчетливы и проницаемы, ибо существует так называемая вертикальная мобильность – возможность подняться и опуститься по социальной лестнице. Степень варьирования языка и его социально-территориальный статус находятся в обратно пропорциональных отношениях: чем выше статус, тем меньше территориальных вариантов; и, наоборот, более низкие варианты используют большее число лексических и грамматических вариаций. Таким образом, чем разнообразнее общество, тем разнообразнее его языковые территориальные варианты [15]. Тем не менее следует отметить, что социальные явления подчиняются своим специфическим законам, часто идущими вразрез с законами изменения языковых систем. Достаточно сказать, что всякому языковому изменению оказывает стремление говорящих сохранить свой язык в состоянии коммуникативной пригодности, сказывается и сила усвоенной привычки [9]. Мы не случайно подчеркиваем важность социальных явлений в жизни любой языковой общности, поскольку социальный критерий является основополагающим в территориальной дифференциации этнолингвистических общностей.

Собственно географические закономерности лингвистической структуры достаточно специфичны и наблюдаются во многих языковых явлениях и процессах. Языки, распространяясь по территории, где они приходят в соприкосновение с другими языками, теряют свои наиболее специфические черты. Скрытые в каждом языке тенденции часто развиваются скорее и полнее, если язык выходит далеко за пределы своей родины. Так, некоторые новшества скорее проявились во французском языке Канады, чем на французском языке запада Франции, откуда французскую речь перенесли в Канаду в XVII в. (он освободился от многих ветхих черт, сохраняемых во Франции по

традиции). Аналогично и голландский язык буров ушел в своем развитии дальше, нежели голландский язык Голландии [19]. Языки, не меняющие места, более консервативны. Языки, носителями которых является население замкнутых областей, находящихся вдали от космополитических центров и больших путей сообщения, остаются удивительно архаичными (исландский, литовский). Лучше всего языки сохраняются в горных областях или на краю полуостровов, куда внешние воздействия доходят в слабой степени. Примерами могут служить баскский язык, кавказские и кельтские языки. Напротив, географическая среда без явных границ (равнины, побережья) часто приводит к возникновению так называемых диалектных цепей, или континуумов, в которых соседние популяции хорошо понимают язык друг друга, а отдаленные – нет. Так устроены юго-восточные диалекты французского и северные диалекты итальянского языков, настолько похожие, что их можно принять за один язык, и граница между ними проводится исходя из политических, а не лингвистических факторов. Густота населения также сказывается на развитии языков. Локальная разбросанность населения благоприятствует дифференциации диалектов. При условии высокой урбанизированности населения эта концентрация способствует созданию общих языков, являющихся своего рода средним арифметическим языков различных общественных классов, живущих в этих городах (лондонский койне). Географические факторы могут объяснять и скорость языковых изменений. Например, грамматический консерватизм исландского языка на фоне его родственных по индоевропейской семье часто объясняется тем, что исландцы в течение многих веков находятся в географически изолированной области. С другой стороны, языковые инновации также могут быть вызваны географическими обстоятельствами (инновации из славянских и романских языков в гагаузском) [23]. Кроме того, существует некая зависимость между размером территории – ареалом распространения языка и генетической плотностью функционирующих в ней языков. Возьмем за основу понятие лингвистической географии – языковой ареал. Различают большие (Старый свет) и малые ареалы (вплоть до ареала распространения диалекта). В работах американского лингвиста Дж. Николса были указаны важные типы ареалов – протяженные и замкнутые зоны. Для каждого из этих ареалов характерна

своя генетическая плотность – количество генетических семей, приходящихся на единицу площади, которая зависит от физико-географических факторов (Старый Свет имеет генетическую плотность 1,5, а Новый Свет – 10,6). Высокое структурное разнообразие обычно сочетается с высокой генетической плотностью (особенно в замкнутых зонах). На разнообразие языковой популяции влияют три типа диахронических изменений: повышение разнообразия (Новый Свет), стабилизация (Европа, центральная и южная Австралия) и вымирание языков под влиянием волн колонизации [18]. Мы можем видеть, что результирующее языковое разнообразие в значительной степени является функцией географических факторов, в частности, размера территории. Тем не менее, именно общественные воздействия не только замедляют или ускоряют языковое развитие, в том числе территориальное (географическое), но, кроме того, они определяют значение и размах этого развития.

С позиций географического подхода анализируется механизм исторической динамики трансформации этнолингвистических явлений в свете широко распространенной и официально принятой в научных лингвистических кругах теории индоевропеистики. Прежде всего, рассматриваются явления моно-, и полигенеза (теории происхождения языков из одного языка или нескольких диалектных групп) на фоне географии неостратических и евроазиатских языков. На данном этапе наиболее перспективным решением индоевропейской проблемы представляются некоторые области Центральной Европы, составлявшие ареал расселения «древнеевропейских» народов начиная с эпохи бронзы; Балкано-Карпатский регион, ставший «прародиной» для части носителей индоевропейских диалектов. Этому предшествует их период пребывания в степях Поволжья и Северного Причерноморья в составе индоевропейской диалектной общности, куда еще входили индоиранская, тохарская и иные группы. Тем не менее, вопрос о том, был ли данный ареал первичной прародиной всех индоевропейцев, или промежуточной областью расселения («вторичной прародиной») для большинства индоевропейских диалектных групп, все еще остается открытым [11, 33]. Стоит отметить и то, что в индоевропейских языках, распространившихся на территории Европы, обнаруживаются элементы явно неиндоевропейского

происхождения. Это так называемая субстратная лексика – реликты исчезнувших языков, вытесненных индоевропейскими языками, образующая несколько субстратных слоев на юге Балканского полуострова и островах Эгейского моря (эгейский и эгейско-азиатский субстраты), на Аппенинах (иберийско-кавказского происхождения на о. Сардиния), автохтонный иберийский субстрат в Западном Средиземноморье, финно-угорский субстрат в Северо-Восточной Европе). Крайний запад Европы до появления там индоевропейцев был заселен народами, по антропологическому типу близкими к средиземноморским, население северных районов Ирландии относилось как полагают, к эскимоидному типу [26]. Субстратная лексика этого региона пока не исследована. Впоследствии на древние местные культуры Европы происходит наслоение носителей индоевропейских диалектов, постепенно их ассимилировавших.

С точки зрения географической науки рассмотрим основные лингвистические концепции социально-территориальной динамики и общие географические закономерности этнолингвистических процессов. Этнолингвистическая общность, будучи в принципе целостной, социально неоднородна. Неоднородность общества приводит к расслоению языка на социально-территориальные подсистемы. Эта закономерность выражена лингвистической динамикой, которую принято рассматривать сквозь призму трех процессов: эволюции языка, развития языка и его совершенствования. Эволюцией (изменением) языка называют род процессов, связанных с изменением единицами языка своих фонетических и смысловых качеств, исключая количественное и качественное усложнение их отношений. Она способствует сохранению стабильности многообразия типов языков [21]. Развитием языка можно назвать род динамических процессов, при которых происходит увеличение во времени числа единиц языка и качественное усложнение их отношений. Совершенствование языка – динамические процессы, которые, воплощаясь в изменении и развитии языка, возникают вследствие сознательного воздействия человека на язык. Все указанные процессы протекают на фоне взаимодействия этнических общностей, проще говоря, языковых контактов, среди которых принято выделять три вида взаимодействий: интеграцию, интерференцию и переключение. Процессы сугубо лингвистические, за-

трагивающие внутреннюю структуру языка, но именно они обуславливают основные внешние лингвогеографические процессы, протекающие внутри этнической общности и обеспечивающие разнонаправленный процесс: с одной стороны, они служат «кузницей» новых диалектов и языков, с другой, стремительно сокращают их количество.

Итак, прежде всего, будем говорить о двух ведущих процессах: дивергенции (дифференциации) – территориальном делении языка на родственные языки и диалекты (увеличении числа языков), и конвергенции (интеграции) – обратном процессе, в ходе которого происходит объединение языков и диалектов (сокращении их числа). Дифференциация и интеграция – прежде всего социальные процессы, так как расхождение и схождение языков объясняется экономическими, военными, политическими и культурными причинами [2]. Рассмотрим следующие пять способов языковой дивергенции: расселение, разделение диалектного континуума, суперстратное влияние, неполная ассимиляция, пиджинизация.

Расселение – самый простой способ языковой дивергенции, в результате которой образующиеся диалекты, накапливая языковые изменения, превращаются в отдельные языки. Этот способ встречается сравнительно редко – только там, где: а) совершенно прекращается общение между носителями данных идиомов; б) отсутствует влияние других языков на эти идиомы. Иногда приближается к этому ситуация в горах и на удаленных друг от друга островах. Но даже в этих регионах так бывает не всегда. Более обычна ситуация, когда те, кто отселился, не прерывают контакта с теми, кто остался, и изменения, происходящие в языке тех и других, большей частью совпадают. После ряда переселений этносов, не прерывающих между собой контакта, образуется так называемый диалектный континуум. Существуют еще два способа, связанные с иноязычным влиянием [6]. Во всех случаях наиболее существенным является прекращение общения между носителями разделяющихся языков. В случае, если общение не прекращается, языки не разделяются: они будут обмениваться инновациями, и их эволюция пойдет в одном направлении [6].

Наряду с дивергенцией языков идут процессы конвергенции в ходе которых различия между родственными языками стираются (языковое сродство). Конвергенция языков на территориальной основе не зависит от генетического

родства языков, но протекает она в разных случаях по-разному: в случае близкородственных языков возможно особенно массовое заимствование лексики и грамматических черт. В случае отдаленного родства, исключаящего взаимопонятность, но сохраняющего определенную типологическую близость языков, также имеется возможность для диффузных влияний. Языки, вообще не родственные между собой, также способны к конвергентному сближению (тюркские языки в Европе). Иногда тип грамматической структуры препятствует иноязычным влияниям (атабаскские языки Северной Америки), даже несмотря на территориальное соседство и активные этнические контакты. В реальной истории языковые процессы дивергенции и конвергенции постоянно сочетаются и переплетаются друг с другом, сохраняя необходимый баланс языковых средств языков (диалектов) [2, 6].

В ходе указанных процессов принято выделять три главных аспекта влияния: сосуществование, смешение и скрещивание языков. Сосуществованием принято считать длительное взаимное влияние друг на друга двух или более смежных языков при мирном сожительстве на одной территории разноязычного населения. Ни один из этих языков при этом не теряет своей самостоятельности и индивидуальности, но в результате сосуществования они могут приобрести некоторые общие черты (кавказские языки) [2, 7, 14]. Смешение – такой вид взаимодействия, при котором два языка сталкиваются на одной территории, один из них оказывает влияние на другой, после чего они расходятся, и каждый из них продолжает развиваться самостоятельно [19]. Отметим, что в случае, когда соперничают два культурных языка, оба одинаковой мощи и к тому же достаточно различные по структуре, то такое соперничество языковых последствий почти не дает и протекает исключительно в области политико-экономической. В противном случае более «слабый» язык подвергается субстратному влиянию, а потом практически исчезает. Подобным образом стали «мертвыми» многие языки (латинский, древнегреческий) [2]. Третий тип взаимодействия – скрещивание языков – столкновение на одной территории двух языков, из которых сохраняется только один, а второй исчезает, обогатив отдельными элементами язык-победитель. Следствием этого процесса является возникновение так называемых языковых союзов, для ко-

торых характерны черты сходства всех языковых ярусов (балканский языковой союз, скандинавский, эфиопский) [2, 14]. Считают также, что немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки в условиях единого государства Швейцарии образуют языковой союз, в пределах которого языки подвергаются качественным изменениям, способствующим этнической консолидации разноязычных граждан Швейцарии в единую нацию [27]. В процессе скрещивания можно наблюдать явления субстратного и суперстратного влияния. В случае исчезновения языка местного населения, перешедшего на язык завоевателей, сохранение отдельных элементов языка местного населения в языке завоевателей называется субстратом (Дж. Асколи) [2, 14, 27]. Субстратом стал дравидийский язык для языков индийских, кельтский – для романских, можно также говорить о финском субстрате для ряда русских говоров севера Европейской части России. Явление субстрата присутствуют в европейских языках: галльский субстрат во французском, иберийский субстрат в испанском языке. Если же завоеватели сами переходят на язык местного населения, то сохранившиеся элементы их языка в языке местного населения называются суперстратом (В. Вартбург) [2, 14, 27]. Суперстратом стал латинский язык по отношению к ряду местных языков Западной Европы, франкский суперстрат во французском языке, кельтский суперстрат в английском языке. Наиболее проницаемой для иноязычных воздействий, идущих со стороны субстрата или суперстрата, оказывается лексика, менее доступна такому воздействию синтаксическая система и словообразование, еще менее «проницаема» система морфологии [25]. Помимо перечисленных явлений при языковых контактах возникают также адстратные (интерстратные) явления. Язык-адстрат (М. Бартоли) – это язык, усваиваемый (ассимилирующийся) другим языком при условии территориального соседства населения, говорящего на ином языке и распространяющийся вглубь территории. В данном случае языки-интерстраты находятся в отношении взаимного воздействия друг на друга (белорусско-литовские, польско-литовские языковые отношения в период средневековья, языки юго-востока Франции и северо-итальянские диалекты) [14]. Как правило, каждое из перечисленных нами явлений в большей или

в меньшей степени находит свое отражение в контактирующих языках на определенном этапе коммуникации в билингвальном или многоязычном коллективе. Однако в отличие от диалектного континуума любой контактный континуум имеет не территориальную, а социальную обусловленность [8, 27].

Все три процесса языковой динамики происходят одновременно, стихийны и различаются только теоретически. С одной стороны, мы имеем тенденцию усложнению языка, с другой – воздействие человека на язык направлено на систематизацию и упрощение его форм. Введение языковой политики позволяет в определенных пределах управлять процессами динамики языка, но оно не является абсолютным, поскольку всегда остается, а в некоторых отношениях расширяется возможность существования стихийных процессов динамики языка (в области фразеологии) [21, 27].

Принято считать, что языковой коллектив – это наиболее значительная из социальных группировок. Другие виды социальных связей, такие, как экономические, политические или культурные группировки, в какой-то мере соотносены с языковыми группировками, но обычно не совпадают с ними [4, 8]. Вместе с тем, языковой коллектив находится в прямо пропорциональной зависимости от указанных выше процессов, происходящих в любом этническом обществе, следствием чего является территориальная трансформация языка, в основе которой лежат выполняемые им общественные функции. Трансформация включает указанные лингвистические процессы, следствием которых является языковое развитие. Здесь мы обнаружили некоторую линвогеографическую закономерность. Согласно мысли выдающегося французского лингвиста Ж. Вандриеса, «скорее развиваются те языки, которые больше перемещаются, иначе говоря, имеют больший территориальный охват, на которых говорит большее число людей, более разнообразное по своему составу» [8]. Следовательно, развитие языка прямо пропорционально территориальному распространению. В свою очередь, коммуникативная плотность языка тем больше, чем выше его территориальный охват (количество говорящих на данном языке на единицу площади), следовательно, оба фактора тоже находятся в прямо пропорциональной зависимости. Поскольку увеличение площади, занимаемой языком, ведет к территориальному расщеплению языка, то увеличение коммуникативной

плотности непременно способствует развитию языка в сторону территориальной дифференциации [7]. Основной причиной территориальной неоднородности языка (возникновение и сохранение диалектных различий) считается экономический, культурный и географический регионализм (областная ограниченность) [25]. Согласно другому мнению, причиной географического разнообразия языков, как отметил выдающийся лингвист Ф. де Соссюр, является время [25]. Собственно территориальный фактор языкового охвата находится в прямо пропорциональной зависимости от фактора времени (чем больше временной промежуток, тем шире территориальный охват языка).

Синтагматический план внешней системы любой этнолингвистической общности представлен определенной языковой ситуацией, своей спецификой отношений данного языка с другими контактирующими языками, что также способствует социально-территориальной дивергенции. Собственно языковая ситуация – это, во-первых, совокупность форм существования одного или нескольких языков, обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований; во-вторых, это совокупность всех языковых и внеязыковых факторов, существующих синхронно и взаимодействующих с данным языком как факторы его среды [4, 7]. Внешняя среда – это та социальная среда, в которой существуют этнос и язык. Как правило, языковая ситуация обычно отражает существующие социально-экономические условия жизни общества. Рассматриваются особые условия языковых контактов и взаимодействий, формы существования языков, двуязычия и многоязычия, а также их общественные последствия, характерные для каждой общественно-экономической формации. Создающиеся противоречия между органической и неорганической частями языковой ситуации должны учитываться при разработке общенациональной языковой политики [7]. При описании языковых ситуаций используют количественные признаки, включающие число идиомов на данной территории, число их носителей, число коммуникативных областей, обслуживаемых каждым идиомом, качественные признаки, характеризующие соотношение идиомов (родственные или неродствен-

ные, диалекты или языки), функциональную равнозначность или неравнозначность идиомов, характер доминирующего идиома; оценочные признаки, означающие внешние и внутренние оценки идиомов по ряду параметров: коммуникативная пригодность, престижность, эстетическая ценность. Совокупность оценок языковым коллективом своего идиома составляет *language loyalty* – языковую приверженность коллектива [9].

По количественным признакам различаются одно- и многокомпонентные языковые ситуации, определяются демографическая и коммуникативная мощности каждого идиома, которые часто могут не совпадать. И уже по этому признаку выделяют равновесные (совпадение коммуникативной и демографической мощностей) и неравновесные (данные мощности не совпадают) языковые ситуации. В неравновесных ситуациях отдельные языки могут быть доминирующими, и по этому признаку их классифицируют как однополюсные и многополюсные. По качественным признакам выделяются одноязычные или многоязычные ситуации, ситуации, включающие родственные и типологически сходные или не родственные и типологически не сходные идиомы, гармоничные и дисгармоничные, эндогlossные и экзогlossные ситуации [9, 27]. Как правило, крупное полиэтничное или просто многоязычное государство всегда представляют собой не одну, а несколько языковых ситуаций. Отдельная языковая ситуация – это лингвогеографическое (ареальное) единство языков и подязыков, соседствующих в границах социума, соприкасающихся и взаимодействующих между собой. Число этнических языков, образующих одну языковую ситуацию, не превышает 5–6; однако больше всего в мире двуязычных ситуаций, они встречаются даже гораздо чаще одноязычных [9]. Как правило, характеристика языковых ситуаций, складывающихся в различных коммуникативных общностях, предполагает обязательный учет всех языковых образований, составляющих данную языковую ситуацию, и особенностей функционирования этих образований, что позволяет лучше ориентировать языковую политику государства [10].

Одним из важных аспектов описания языковой ситуации является характеристика ее состояний, определяемых как билингвизм. Перечислим основные признаки двуязычной ситуации. Социальная стратификация двуязычия определяется склонностью индивидов, различ-

ных социальных групп к двуязычию в связи с данным типом коммуникативных отношений, вытекающих из особенностей общей языковой ситуации. Способ преодоления языкового барьера зависит от количества языков, используемых населением, в связи с чем различается однофокусный билингвизм, когда представители группы А изучают язык группы В (или наоборот), и двуфокусный билингвизм, когда представители групп А и В изучают язык группы В, чей язык становится языком-посредником (языком межэтнического или межнационального общения). Престижность двуязычия определяется той оценкой со стороны членов данного общества, которой наделяются двуязычные люди в связи с социальным статусом данного билингвизма. Учитывая социальные условия усвоения второго языка, различают естественное двуязычие (усвоение языка непосредственно от носителей данного языка) и искусственное двуязычие (усвоение языка через посредника в специфических условиях учебного заведения); характер двуязычия и его общественные последствия – устойчивое двуязычие с разграничением общественных функций языков по принципу двустороннего дополнения, динамическое двуязычие с переходом к другим состояниям (пиджинизация и креолизация языков, языковая смена с наличием субстратных и суперстратных явлений). Следует различать разные формы мультилингвизма: билингвизм, при котором говорящий употребляет все свои языки в одинаковых функциях, и диглоссию, при которой каждый язык выполняет разные функции, которые полностью не дублируются. Таким образом, названные нами признаки двуязычной ситуации представляют собой единый набор терминов (метаязык) для описания особенностей билингвизма в зависимости от социально-экономической структуры общества [7, 9].

Рассмотрим наиболее типичные формы взаимодействия языков: билингвизм (двуязычие), определяемое как взаимодействие языков или диалектов с одинаковым социальным статусом. Различают этническое двуязычие, представляющее собой внутриэтническую коммуникацию на родном языке и межэтническую – на втором (неродном) языке социума (Бельгия, Швейцария). Оно связано с сосуществованием двух этносов в одной стране (городе, штате, пограничье двух соседних государств); культурное двуязычие, которое определяется как коммуникация двух разноязычных этносов между собой

как на родном языке, так и на втором языке социума, обусловленное причинами социального, культурного порядка. Как правило, в этом случае имеет место разграничение функций обоих языков [7]. Классический случай представляет собой французско-русское культурное двуязычие в жизни русского дворянства в XIX в.; культурно-этническое двуязычие (смешанное): таков характер белорусско-русского двуязычия в Беларуси [27]. Обычно билингвизм имеет распространение вдоль этнических границ: эльзасцы (немецкий и французский языки). Он характерен также и для стран массового оседания иммигрантов. Кроме того, значительное влияние на распространение билингвизма оказывает урбанизация как процесс, усиление контактов различных групп населения, общий подъем образовательного и культурного уровней [10].

Диглоссия – взаимодействие языков или диалектов с разным социальным статусом (литературный язык и территориальный или социальный диалект). Для этого вида двуязычия характерно функциональное распределение языков, при котором один из них используется в «высоких» сферах и официальных ситуациях общения, второй язык возможен только в повседневном общении и особых жанрах письменности (договорах, публичных объявлениях, «низких» жанрах художественной литературы), престижность книжного языка в языковом сознании социума, надэтнический характер престижного языка: ни для одной из этнических или социальных групп он не является родным, искусственный (школьный) характер овладения престижным языком (язык не используется в обиходно-разговорной речи). Диглоссную ситуацию могут образовывать как родственные, так и неродственные языки [7]. Диглоссия родственных языков имела место в ареале *Slavia Orthodoxa* (южнославянская область), с церковнославянским языком в качестве *sacra lingua*; в Греции. Такова была ситуация с греческим и новогреческим языком с 1976 г. в Греции [10, 27]. Диглоссия неродственных языков до сих пор существует в тех исламских странах, где классический арабский (25–30% говорящих) находится в генетически далеких отношениях с региональным языком повседневной жизни – диалектами арабского языка: алжирским, египетским, иракским, йеменским, марокканским [7]. Как правило, все это языковое разнообразие обусловлено историко-географическими факторами и прежде всего многочисленными миграциями населения,

вызванными экономическими или политическими причинами.

Методологическую основу исследования этнолингвистической географии составляет понимание механизма трансформации этнолингвистических общностей и на основе комплексного подхода рассматриваются различные формы и способы распространения и взаимодействия их языков. Специфика исследования этнолингвистической географии состоит в сочетании широкого диапазона собственно лингвистических методов исследования с конкретно географическими и задается она особенностью предмета исследования (географией языков этнических общностей).

Среди общих географических методов важным для исследования этнолингвистической структуры является сравнительно-географический метод. На микроуровне его суть состоит в сопоставлении и выявлении сходств и различий свойств, состояний и процессов лингвистической структуры, ее отдельных компонентов, как расположенных рядом, существующих в одно и то же время, так и отдаленных в пространстве и времени, находящихся под влиянием одних и тех же или различных факторов; на макроуровне он предполагает выявление исторических корней, основных этапов и стадий развития этнолингвистической структуры, подтверждает наличие взаимодействий между этнолингвистическими сообществами, дает оценку их современного состояния и определяет тенденции дальнейшего развития. Он подразделяется на собственно сравнительно-географический, который, прибегая к результатам сравнительно-исторических исследований, выявляет и отображает качественные и количественные различия лингвистических явлений и процессов в пространстве и времени; географическое сопоставление изучаемых объектов по лингвистическому составу, структурным связям явлений и процессов, генезису и типу функционирования географическое сравнение, которое использует теоретическое моделирование изучаемых этнических и лингвистических явлений, проецируя их на единую временную и пространственную плоскость, и осуществляет сравнение соответствующей модели и объективно-го развития этнолингвистической структуры [12]. Суть географического сопоставления этнолингвистических явлений – установление закономерностей пространственной дифференциации изучаемых явлений, их динамики и развития, что по-

зволяет в совокупности со сравнительно-историческим исследованием прогнозировать будущие тенденции развития и состояния этнолингвистической структуры на основе анализа лингвистических явлений и процессов во временной плоскости. Метод широко применяется на всех этапах этнолингвистических исследований, начиная с методики камеральных исследований, где используется для сравнения изучаемого лингвистического объекта с эталоном. Более сложная процедура сравнения осуществляется при картографировании лингвистических явлений и их состояний, когда в основе лежат приемы по созданию группировок изоглосс, выбор признаков, их оценка, ранжирование. Конечная цель методики географического сравнения лежит в установлении количественных и качественных показателей этнолингвистической структуры, ее описание и анализ для получения выводов о пространственно-временной структуре этнолингвистических объектов, их функционировании и состоянии и перспективе дальнейшего развития.

Прежде всего, все этноязыковые трансформации и взаимодействия рассматриваются нами с точки зрения синхронического и диахронического подходов, одинаково важные для генетических, лингвогеографических (ареальных) и этнолингвогеографических исследований. Синхронический подход – это своего рода горизонтальный срез, т. е. состояние этнолингвистической структуры в данный момент как готовой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов лингвистического экстралингвистического характера (этнических или этносоциальных) [25, 28]. Диахронический подход связан со сравнением временных состояний этнических и лингвистических явлений и очень важен для этнолингвистических исследований, поскольку понимание современного языкового разнообразия возможно только в контексте диахронических процессов. Он показывает эволюцию отдельных, разрозненных, не связанных в систему и изолированных этноязыковых фактов, при этом рассматриваемые элементы не принадлежат обязательно к одному этническому языку. Он различает две перспективы: проспективную, следующую за течением времени, и ретроспективную, направленную вспять. Различие отдельных наречий создается именно сменой диахронических фактов и их пространственным умножением [28].

Как в любом географическом исследовании, сбор фактического материала для исследова-

ния начинается с описательного метода, являющегося непосредственной составляющей метода полевых исследований и включающего анализ и теоретическое истолкование лингвистических фактов. Теоретической базой метода служит один язык на уровне основных ярусов, рассматриваемых в аспектах синхронном как пространственном, так и внепространственном, идиоэтническом. Целью этого метода является описание неизученных или слабоизученных языков и диалектов на основе наблюдения за информантом при наличии контролируемых условий и воспроизводимости [26, 32]. Включаются специфические методики извлечения лингвистической информации: описание языка-объекта, обнаружения языковых, грамматических фактов, из гипотезы о свойствах языка вообще, из приемов извлечения лингвистической информации, из методик практического обучения языку-объекту принципа диалектометрии – метода статического анализа диалектов, при помощи которого измеряется языковая близость говоров определенной территории. Измерение производится путем подсчета количества признаков, различающих говоры, в заданном списке языковых признаков. Преобладает активный метод целенаправленного интервьюирования по определенной программе – метод социологического исследования [32]. Представление структуры языка, описание его системы является целью таксономического метода, служащего предпосылкой всех типов теоретических конструкций в этнолингвистических исследованиях, включающих сложную процедуру установления причинно-следственных отношений и моделирование языковой структуры [1, 27]. Наиболее распространенные методики дистрибутивного анализа – исследования языка, основанное на изучении окружения (дистрибуции или признаков регулярности) отдельных языковых единиц и классификации этих единиц по этим синтагматическим свойствам; анализ по непосредственно составляющим, раскрывающую системную организацию речи и выявляющую закономерности структурных взаимоотношений; трансформационный анализ, выявляющий различия семантико-синтаксического характера на основе трансформации высказываний; компонентный анализ, определяющий семантические структуры двусторонних языковых единиц (позаимствована из этнологии и этнографии); коммутационной проверки, применяющаяся при исследовании фонемного яруса [1, 27].

Как правило, сходство между двумя или более обществами в любом культуральном аспекте может объясняться одной из трех причин: миграцией, независимой конвергенцией и диффузией. Миграция предполагает генетическое родство, независимая конвергенция предполагает ничего помимо сходств в структуре, диффузия предполагает контактирование двух или более культур в пространстве и времени. Принято выделять три вида объяснений сходств между языками: генетическое, имеющее дело с родством языков, ареальное – с языковым сродством и типологическое – с изоморфизмом; причем фиксируется относительная независимость трех типов сходств [5, 6]. Выявляемое типологическое сходство является наиболее общим видом структурного подобия между языковыми системами, поскольку оно не ограничено ни пространственными, ни временными рамками и может определяться для любых языков и любых состояний языков. Установление ареальных сходств (корреляции) связано с определенными пространственно-временными ограничениями. Наконец, одно из главных условий поиска генетического сходства (соответствия), которое не ограничено определенными пространственно-временными отношениями – непереносимое соответствие формы и значения сравниваемых элементов [26]. Встречаются случаи, когда одной и той же совокупности языков оказывается релевантным применение всех трех методов [27]. В случае близкородственных языков вероятность совпадения генетических и типологических классификационных результатов достаточно высока [24]. Из других подходов можно назвать социолингвистический, при котором имеют дело с категориями типа «литературный язык», «креольский язык» [27].

Методы лингвогенетических исследований основанные на диахроническом подходе к исследованию, важны для изучения пространственной синхронической составляющей этнолингвистической структуры [13], прежде всего, для установления относительной хронологизации географической направленности этнолингвистических явлений в пространственно-временной системе. Результаты исследования являются основой для дальнейших генетических и ареальных исследований.

В общей совокупности различных методов, применяемых для целей сравнительно-генетических исследований, ведущее место принадлежит сравнительно-историческому

методу, рассматриваемому в этнолингвистической географии как совокупность методик, выявляющих состояния и процессы формирования, динамики и изменения этнолингвистической структуры во времени, с тем, чтобы объяснить и спрогнозировать их развитие; он включает такие задачи, как установление и объяснение генетической общности языков определенного ареала, образование отдельных языковых ареалов и самостоятельных языков, объяснение закономерностей эволюции группы родственных языков, выявление вторичных схождения и расхождений между ними, выявление архаизмов и новообразований в языках той или иной генетически родственной языковой группы [22, 31]. Способы установления языкового родства предполагают такие этапы, как выдвижение гипотезы на любом языковом материале на основании сходства морфологических, лексических данных; установление регулярных фонетических соответствий как необходимого условия доказательства языкового родства [22]. Как правило, все внутренние изменения языка будто фонетика, морфология или синтаксис, обусловлены внешними взаимодействиями и это могут быть другие языки или конкретные социальные и политические условия, в которых функционируют этнолингвистические общности [8].

При определении родства языков важно отличать исконную лексику от заимствованной, которая искажает данные математических подсчетов. По этой причине применяется метод выделения заимствований. При заимствовании большого количества слов из одного языка в другой между этими языками возникают регулярные фонетические соответствия (в базисной и культурной лексике), обусловленные действием разных фонетических законов на один и тот же звук, дающих в родственных языках разные рефлексии [26, 33]. А. Рона-Таш сформулировал ряд критериев для выделения заимствований: свидетельства контактирования языков, морфологический (этимологический) критерий, семантико-исторический критерий, историко-фонологический и культурно-исторический критерий, критерий базисной лексики. Каждый из перечисленных критериев по отдельности может и не работать, но в совокупности они позволяют достаточно хорошо опознавать заимствованную лексику. Существует ряд критериев и в случаях бесписьменного языка [6].

Статистические закономерности при сравнении лексики используются в так называемом «методе массового сравнения» базовой лексики большого числа языков Дж. Гринберга. Очевидность языкового родства – это языковое тождество, т.е. осознание идентичности языка и с точки зрения носителей языка оно определяется лексикой, а не грамматикой и находится в прямой связи с глубиной соответствующей семьи и, соответственно, с процентом совпадения в области базисной лексики [4]. Обычно для идиомов, имеющих более 95% совпадений, используется термин «диалекты» (хотя шведский и датский, считающиеся обычно языками, имеют 98% совпадений); напротив, китайские идиомы, имеющие 70–80% совпадений, обычно именуются диалектами, в случаях типа румынского и молдавского взаимопонимаемые диалекты считаются разными языками. Граница между диалектами и «заметно родственными языками» размыта и подвержена влиянию социальных и политических факторов. Сравнительно молодые единства (50–90% совпадений) могут называться и «группами», и «семьями» (германская группа – германская семья), а более глубокие (20–40% совпадений) обычно только «семьями» (индоевропейская семья). Совсем древние единства (менее 20% совпадений, чаще 8–10%) иногда называются «макросемьями» (ностратическая макросемья), но могут именоваться и «семьями» [6]. На этом основан указанный нами метод моделирования конкретных генетических отношений между языками на индоевропейском материале.

Одной из существенных задач является решение вопроса о пространственно-временной соотношенности языковых фактов прошлого с помощью методики относительной хронологии. Метод устанавливает приблизительные исторические соотношения между сопоставляемыми языковыми элементами, определяет временную последовательность явлений и основывается на установлении причинно-следственных отношений [2, 25]. В соответствии со спецификой привлекаемого к сравнению материала все разнообразие частных приемов лингвистической реконструкции сводится обычно к трем основным: внешняя или «сравнительная» реконструкция, внутренняя реконструкция и «филологический метод», основывающийся на приемах дешифровки текста и представляющий собой реконструкцию сообщения, закодированного неизвестной графической системой [1]. Наиболее достоверное

представление об истории этнического языка или языковой группы складывается лишь в условиях, когда используются три приема реконструкции. Метод находит свое применение, в частности, в методике «Wörter und Sachen» [27, 31]. Тем не менее, всякое определение родства языков относительно и зависит от количества языковых свидетельств, подкрепляемых политической и социальной историей, от богатства и разнообразия грамматических форм, от возможности взаимного воздействия языков.

Важное значение имеет методика глоттохронологии (лексикостатистики), выявляющая скорость языковых изменений и определяющая время разделения родственных языков и степень близости между ними [6]. Методика создана американским ученым М. Сводешом и состоит в применении математических методов исследования к лингвистическим фактам языкового родства. Суть метода состоит в анализе базисной лексики языков на основе того общепризнанного факта, что лексические изменения имеют постоянную скорость, в отличие от фонетических и морфологических изменений: известны случаи очень быстрого изменения последних (активные языковые контакты) и фонологического морфологического консерватизма на протяжении долгих периодов времени (в островных или горных условиях). Наиболее надежным оказывается комплексный критерий, охватывающий разные стороны языковой структуры [6]. Для сравнения были отобраны 100 слов базовой лексики, не переходящие из языка в язык, не зависящие от географических, исторических и социальных условий, предельно устойчивые и существующие во всех родственных языках, и оказалось, что за тысячу лет изменяется 14% этой лексики. При этом процент изменчивости лексики каждого языка примерно одинаков. Общий процент сохраняемости основной лексики – 86%.

Отметим, что на сегодняшний день существуют словные списки для языков всех групп индоевропейской семьи [6]. Используемый метод исходит из того, что скорость распада основного списка не является постоянной величиной, а зависит от времени, отделяющего язык от праязыка. Следовательно, один и тот же процент совпадений между современными языками и между ранее зафиксированными языками, будет соответствовать различным периодам дивергенции (при условии, если они восходят к единому праязыку). Для вычисления соответствующей датировки

используют метод табличной корреляции, где s – доля сохранившейся лексики в одном языке, s_2 – доля сохранившейся лексики в двух языках, t – время в тысячелетиях [6]. По иной методике, Ш. Эмблтон, введены различные для разных языков коэффициенты изменчивости базисного лексического фонда и серия коэффициентов темпов заимствований, различной для каждой пары контактирующих языков (проверено на материале английского языка) [6]. С.А. Старостин предлагает коэффициент 5% (за тысячелетие), применив новую формулу расчета времени расхождения языков и новую процедуру применения методики [6, 32]. Следует помнить о том, что глоттохронологический метод М. Сводеша и прием группового сравнения Дж. Гринберга в принципе способны определить лишь относительную степень вероятности генетического родства языков [6]. Этим обстоятельством объясняется существование довольно большого числа гипотетических построений типа ностратической, алтайской, «иберийско-кавказской», американо-индской гипотез, и даже наличие концепции моногенеза всех языков мира, активно развивавшейся А. Тромбетти и поддерживавшейся М. Сводешом [6].

Реконструируемая лексика указывает на область обитания народа, говорившего на реконструированном праязыке – так называемую «прародину». При установлении прародины используется ряд принципов [6]: во-первых, прародина языковой семьи находится там, где наблюдается наибольшая плотность максимально далеких языков этой семьи. Это подтверждается наблюдаемыми фактами диалектов английского языка: на территории небольшой Англии диалектная дробность гораздо выше (поскольку они обособляются с VIII в. н.э.); во-вторых, это анализ лексики на основании восстановленных названий явлений природы в любом праязыке можно судить о том, где находилась прародина данной языковой семьи. В ряде случаев эти названия могут быть созданы вновь или заимствованы [6]; в-третьих, учитываем относительность локализации прародины: анализ источников заимствований дает возможность установить, какие языки были распространены по соседству с прародиной данной семьи (заимствования в праиндоевропейском из семитских и северокавказских языков); в-четвертых, распространность наиболее архаичных языков какой-либо семьи, указывающее на прародину, ибо там

контакты с другими языками сведены к минимуму; в-пятых, культурно-археологическая локализация: прародина данной семьи там, где реконструирована протокультура с тем же набором признаков [6]. Однако это не основополагающий критерий; и, наконец, последний, этнографический подход: народы обычно переселяются в места с похожими природными условиями; при переходе в другие условия первоначальные условия отражаются в мифах [6]. Обычно совпадение нескольких критериев с большой вероятностью указывает на языковую прародину.

Важным для определения прародины является определение путей миграции языков данной семьи (начальной точки этих миграций). Существует несколько источников во-первых, реконструкция лексики промежуточных праязыков: при переходе в другую природную зону в языке появляются новые названия, не характерные для предыдущего места обитания; во-вторых, наличие в праязыке заимствований из некоторого языка L указывает на наличие контактов между ними или миграций. Возможны две интерпретации и обе сводятся к изменению направления прихода: в-третьих, это топонимика: если народ долго жил на некоторой территории, об этом свидетельствуют топонимы (в особенности гидронимы) [6]. В целом, проводится комплексная методика относительной географической локализации лингвистического материала: анализ системы языка, ареальных структур, семантические реконструкции и лингвистическая палеонтология культуры. Общая сумма этих сведений кладется в основу праязыковой схемы, призванной служить удобной точкой отсчета при сравнительно-исторических исследованиях и без наличия которой невозможно изучение различных тенденций языкового развития в конкретных языках какой-либо языковой семьи [6].

Для реконструкции этнической истории особое значение имеют данные этнической ономастики, исследующей номинацию и древние контакты языков и народов, их прародину и миграции. Перечислим лишь ряд приемов: исследование стратиграфии разноязычных и разновременных топонимических пластов данного региона для установления последовательной смены этносов; анализ топонимических слоев и структурных типов и архетипов одного и того же языка с целью проследить ход заселения данным этносом определенного региона; дифференцированный анализ топонимов близ-

кородственных языков с целью локализации определенного этноса; этимологический анализ собственных имен для установления языковой принадлежности известных по источникам древних народов; анализ «мифологических топонимов» в связи с решением вопросов этногенеза и этнической истории народов. При этнолингвистических выводах используется комплекс данных критериев. В целях сравнения охарактеризуем метод выявления топонимических и гидронимических ареалов путем поиска общих элементов, поддающийся этимологизации с помощью слов различных индоевропейских языков и картографируемых в виде изоглосс. Топонимы имеют географическую локализацию, что позволяет выделить места компактного расселения народов и взаимодействия языков [6]. На этом основании было определено, что древнеиндоевропейская гидронимика охватывает область, которая с незапамятных времен является местом расположения таких языков, как германские, кельтские, итальянские, балтийские, иллирийский и венецианский, которые и являются ее создателями. На территории, занятой другими индоевропейскими языками, в частности славянскими, имеются лишь скудные следы древнеиндоевропейской гидронимии. Данное исследование может помочь при определении общих ареалов распространения субстратных языков [6].

Пространственные методы изучения лингвистических явлений и процессов – методы лингвистической географии – являются определяющими в этнолингвистической географии и служат основой всякого рода этногеографических исследований. Лингвистическая география – это всеобъемлющая дисциплина, включающая в себя ареальные и синхронные диалектологические исследования. Ареальная лингвистика, под которой принято понимать изучение географического распространения языкового материала в ретроспективном аспекте (ареалы диалектного и праязыкового единства, межъязыковых и междиалектных схождений), является практически составной частью лингвистической географии, диахроническим ее аспектом [5, 13]. Исходя из такого понимания нами этого научного исследования, мы рассматриваем ареальные и диалектологические методы исследования в совокупности в рамках лингвистической географии, методика исследования которой взята за основу теоретических построений в этнолингвистической географии.

Принципы ареального описания языков являются основанием для теоретических построений в этнолингвистической географии и предполагают описание отдельных языковых единиц и явлений, с учетом их пространственной протяженности и связей между ними, пути и центры их распространения, зоны инноваций с определением ареалов языковых союзов, и, наконец, структуры языка. Основным принципом ареальных исследований является тотальный охват диалектов, который позволяет установить пограничные районы, дает возможность установить источники иррадиации того или иного явления, позволяет выявить определенные географические области языков, характеризующиеся общими структурными признаками. В процессе интерпретации изоглосс используются данные истории этнолингвистической общности (этноса и языка), социолингвистики, учитываются типологические закономерности, а также законы интерференции языков. К области ареальных исследований относится определение и изучение диалектных ареалов внутри территории распространения одного языка; изучение лингвистического ареала группы близкородственных языков; ареальные исследования в области крупного историколингвистического единства как группа или семья индоевропейских языков; изучение контактных связей между неродственными или отдаленно родственными языками. Кроме того, отметим, что в ареальных исследованиях существует понятие лингвистического континуума, которое восходит к концепции языковой непрерывности, характерной чертой которого является его расчлененность на ареалы, не обязательно соответствующие характеру расчлененности территории по языкам и диалектам, тем более по характеру административно-политического деления. Выявленные лингвистические явления наносятся на географическую карту. Знание закономерностей ареального распространения явлений – типологии ареалов (центральный, маргинальный ареал) дает возможность осуществить предварительную интерпретацию карт [13].

Картографический метод требует сбора языкового материала, подлежащего картографированию. В целом каждое лингвогеографическое исследование предполагает три основных этапа работы: подготовка языкового материала; картографирование; интерпретация карт (ранжирование по лингвистическим признакам и оценка) [32]. Только после этих операций

возможна интерпретация языкового материала, его анализ и дальнейшие этнолингвистические исследования. Картографируются изоглоссы, указывающие на те или иные языковые особенности: фонетические изоглоссы – изофоны, лексические изоглоссы – изолексы, сходное семантическое развитие – изосемы. Различают связанные изоглоссы, развивающиеся в языках, относящихся к единой генетической общности, и при их установлении используются сравнительно-генетические исследования, конвергентные изоглоссы возникают как результат длительных территориальных контактов языков, образующих ареальную общность, или же параллельного развития изолированных, территориально не соприкасающихся языков и выявляются приемами типологического анализа. В совокупности данные изоглоссы позволяют судить о соотносительности языковых явлений, направлении и ареале их распространения. Анализ данных изоглоссы и их систематизация позволяет описать структуру отдельного языка в его территориальном диалекте [1, 32].

Основой ареальных исследований служат именно методы выявления диалектов. После необходимого ознакомления с лингвистическим ландшафтом производится общая оценка и установление пучков изоглосс. Следующим этапом является установление иерархий территориальных подразделений структуры говоров данного языка (говоров, в т.ч. переходных, наречий, диалектных зон). Изучение диалектов методами лингвистической географии наталкивается на серьезные затруднения в горных местностях, где изоглоссы теряют свою четкость и достаточную определенность. Кроме того, если языковые единицы еще не достигли порога интеграции (близкородственные диалекты какого-либо языка), то результатом языкового обмена между диалектами может быть языковое смешение. В языках, достигших порога интеграции, не наблюдается фонетических и морфологических заимствований, в то же время многочисленные лексические изоглоссы странствуют из языка в язык независимо от уровня его интеграции, что связано с исключительными особенностями передачи культурной лексики [8, 10].

Рассмотрим приемы ареального описания, связанные с интерпретацией изоглосс [29, 30]. Выделяют несколько типов образования лингвистических ареалов в результате длительных межъязыковых контактов: образование лингвистических ареалов в условиях субстратно-

суперстратных воздействий, в зонах пограничных контактов языковых союзов.

Приемы интерпретации результатов языковой интерференции в условиях контактирования языков и диалектов (в пограничных лингвистических зонах) имеют ряд особенностей. Конечные результаты языковой интерференции (лексической, фонетической, морфологической, синтаксической) позволяют определить особенности самих процессов языковой интерференции, направленность их влияния и частоту их повторяемости в диалектах исследуемого ареала, чаще всего язык или диалект воспринимают явление, отсутствующее в его собственной системе при условии, если оно коммуникативно выгодно или восполняет недостающие лексические и грамматические средства (звонкие звуки, сокращенные формы). В меньшей степени усваиваются явления коммуникативно неудобные, например, тенденция к устранению труднопроизносимых звуков (долгие гласные). Огромна роль географических и социальных факторов: языковому смешению может способствовать скопление разноязычного населения на ограниченном участке [8].

Не менее важное значение имеет изучение явлений языковой аттракции, наблюдающихся обычно в территориально смежных языках в периферийных зонах их распространения, степень которой варьирует в зависимости от действия самых различных факторов. Результаты языковой аттракции изображаются на карте в виде изоглоссы и могут быть выражены в различных формах [30]. При этом требуется подтверждение того, что очаг распространения рассматриваемого явления находится в области распространения соседнего языка и язык, воспринимавший это явление, в основном сохраняет специфическую идиоматичность, которая наблюдается в исходном языке. Соседний язык может частично выступать в роли субстрата, что осложняет процедуру исследования. Потенциально возможны следующие случаи языкового взаимодействия: в условиях соседского двуязычия, если оно не сдерживается нормами литературного языка, может осуществляться своеобразная языковая интерференция, в результате чего смешанные диалекты взаимно приобретают некоторые языковые черты; возможен и обратный процесс. Основная причина этих явлений – частичное этническое и языковое смешение (этническая ассимиляция), которая коммуникативно удобна, при этом интерпретация

языковых явлений представляет большие трудности, и социальная активность языка не может не учитываться. Не исключены случаи, когда сходные черты соседнего языка оказывают консервирующее влияние, в результате чего в данном диалекте могут сохраниться архаические черты, утраченные в других диалектах. Результаты языковой интерференции смежных диалектов могут быть двух типов: полное усвоение черт другого диалекта и так называемая вибрация, когда черты одного диалекта довольно беспорядочно и бессистемно перемежаются с чертами смежного диалекта [10, 30].

Интерпретация языковых явлений, находящихся в зонах вибрации, имеет свои особенности. Это языковые ареалы, в которых различные признаки находятся в колеблющемся неопределенном состоянии языковых явлений, результатом которой является диалектное смешение. Нарушителем системы является социально более активный язык или диалект. Зоны вибрации указывают на промежуточные этапы между двумя языковыми состояниями и на живые процессы, которые с течением времени приводят к ее ликвидации. При вибрации процесс интерференции языков происходит не особенно интенсивно, что может зависеть от целого ряда экстралингвистических факторов: закономерностей системы, различного рода социальных факторов, сохранения архаизмов, чистой случайности.

Объективность подобных лингвистических исследований зависит от правильной интерпретации изоглосс. Изоглоссы могут указывать на пути миграции населения, свидетельствовать о наличии в далеком прошлом определенной языковой общности, быть результатом языковой интерференции или результатом конвергенции [14, 30]. Рассмотрим порядок явления конвергентных и связанных изоглосс. Несмотря на кажущееся сходство языковых явлений, которое нередко является результатом совпадения, ряд языков имеет массу конвергентных явлений благодаря наличию фреквенталий, т.е. потенциально возможных изменений звуков [30]. Отличительным признаком конвергентных изоглосс является их территориальная удаленность, которая исключает возможность контактирования языков. Связанные (вытянутые) изоглоссы возникают в языках, некогда входивших в одну языковую общность, или в языках, расположенных на смежных территориях и контактирующих между собой, что

обуславливает единство их происхождения часто проходят в сравнительно небольших ареалах и служат средством для проверки различных гипотез, касающихся происхождения отдельных языков и народов. Связанные изоглоссы могут объединять языки, удаленные на очень большое расстояние (кыпчакские языковые черты в татарском, хакасском и якутском языках) в тех случаях, когда языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеивается [13].

Ареальные явления могут быть использованы для определения путей этнических миграций, о чем свидетельствуют направление и характер изоглосс [44]. Изоглоссы могут быть квалифицированы как миграционные, если это подтверждается документальными историческими сведениями; явление находится в зоне сосредоточения разнородных изоглосс (чрезвычайная пестрота языковых фактов указывает на зоны интенсивной и многослойной колонизации); изоглосса является единичной и находится в окружении языков, не имеющих подобной изоглоссы. Следует отметить, что абсолютно четких границ между конвергентными, связанными и миграционными изоглоссами нет: конвергентными могут быть изоглоссы, возникающие в рамках отдельных общностей или в двух смежных языках и диалектах и некоторые миграционные изоглоссы. Классификация этих изоглосс основывается на том, какими дополнительными данными мы располагаем [30].

При интерпретации изоглосс достаточно важным является определение инноваций и архаизмов языковых явлений согласно методике М. Бартолли, описавшим механизмы этих явлений для каждого лингвистического ареала: нормы изолированных областей, где могут сохраняться архаизмы [13, 30]; нормы периферийных областей: утверждение о большей сохранности архаизмов в окраинных или периферийных областях, ограничивающихся естественными препятствиями; нормы большей области, могущей иметь исключение: меньшая область не показывает более позднего состояния языка, если она отрезана от путей сообщения или состоит из окраинных территорий [30]; нормы более поздней области. Следует учитывать возможность промежуточных контактов между периферийными зонами. Это далеко не полный перечень приемов выявления архаизмов и инноваций лишней раз

показывает, насколько ограничены в данном отношении возможности методов лингвистической географии. Дж. Боттильони замечает, что лингвистическая география может сказать очень мало о причинах инноваций [30]. Эти причины приходится определять другими методами [30].

Следующим важным этапом является определение центров распространения инноваций и других языковых явлений, которое сводится к установлению возможного очага зарождения явления, при этом должно быть доказано, что зарождение явления в других точках ареала не представляется возможным. Если при этом имеются ярко выраженные зоны затухания явления, то центр инновации всегда находится в зоне сгущения встречаемости явления [13, 30]. Встречаются случаи, когда географический ареал распространения явления относительно ограничен (одни из неодинаково звучащих форм в его пределах являются инновациями). Важным признаком инновации служит конфигурация языкового ландшафта: клинообразный или ступенчатый ландшафт обычно связан с ее распространением [30]. Центральные формы являются более архаичными. Чаще при определении центров распространения лингвистических явлений приходится пользоваться другими методами, например, изучением памятников древней письменности [30]. Если одна из территорий известна как центр сосредоточения какой-либо определенной деятельности (ремесла), а другие территории не имеют данной характеристики, то первая территория является наиболее вероятным центром распространения определенных словарных новшеств. Параллельно с выявлением центров инновации может проводиться изучение истории изоглоссных явлений в определенных ареалах. Это осуществляется обычно путем выявления реликтов. На основании изучения волновой передачи языковых явлений возможно выявление лингвистической ориентации территориально соседних языков. Данная методика основана на принципе лингвистической непрерывности, гласившем, что «географически ближе расположенные друг к другу языки больше имеют между собой сходства, чем языки, более далеко отстоящие» [13, 30].

Выявление результатов влияния исчезнувшего языка-субстрата производится в пределах одного языка и их группы, если предполагается, что эти языки имеют общий язык-субстрат. Применение субстратных элементов до-

статочно важно при определении лингвистических и этнических ареалов. Полнота доказательства и очевидность влияния языка-субстрата зависят от наличия следующих условий: его влияние должно отражаться в разных языковых сферах, которые должны обнаруживать показатели системной организации; если его нельзя объяснить следствием органического развития структуры языка, подвергшегося языковому влиянию; должны привлекаться данные топонимики и гидронимики, позволяющие определить ареал распространения предполагаемого языка-субстрата [30]. Одновременное сочетание всех вышеперечисленных показателей представляет относительно редкое явление, чаще язык-субстрат проявляется в одной сфере (родственный язык в качестве субстрата: языки Волгокамья) или усиливает однонаправленные явления в суперстратном языке (новогреческий в балканском языковом союзе). Язык-субстрат легче определить, когда он исчезает только в одной части территории и продолжает существовать на другой. Субстрат не всегда связан с экспансией одного этноса на территорию другого этноса и языки, столетиями соседствующие на смежной территории, также могут быть субстратами и суперстратами. Иногда субстрат может играть роль катализатора (теория субстратного происхождения «оканья»). Существенную роль в исследовании языкового и этнического субстрата играют данные топо-, гидронимики и ономастические данные. Так, исследователи субстратной топонимики Пиренейского полуострова, принадлежащей языку иберов, заметили, что некоторые составные части этих топонимов созвучны с отдельными словами баскского языка, на основании чего был сделан вывод о том, что баскский имел какое-то отношение к языку древних иберов [23]. Существует попытка статистического подхода И. Дуриданова, с помощью которой дается сравнительная оценка различных областей расселения, прослеживается время и пути расселения древних племен на территории Балканского полуострова [30].

Большое значение отводится и таким пространственным лингвистическим исследованиям, как определение ареалов языковых союзов. Этот метод сводится к выявлению общих особенностей языков, входящих в данный языковой союз, вынесению их на карту и интерпретации. Генезис общих явлений может быть очень сложным: влияние общего языка-субстрата, возникновение явления в каком-либо

одном языке и последующее его распространение на другие языки, влияние смежного по территории языка, возможность случайных конвергенций. Так, общие черты Балканского языкового союза (румынского, болгарского, албанского и греческого языков) объединяются автохтонными элементами и объясняются влиянием ныне исчезнувших балканских языков — иллирийского и фракийского [30].

Итак, перечисленные нами методы исследования подтверждают, что процессы языкового скрещивания совершаются повсеместно, и почти нет пределов языкового взаимодействия. Определить тип конкретного языка и его пространственные пределы довольно трудно — к такому выводу некогда пришел французский диалектолог Г. Парис, имевший многих последователей, и, согласно его мнению, диалектов вообще не существует, имеется лишь разное географическое распределение тех или иных языковых фактов, нет даже четких границ между родственными языками [30]. Однако такому утверждению есть достаточно веские опровержения, в реальной действительности существуют не только процессы языковой интерференции, но и процессы обособления определенных языковых черт, которые могут быть основой классификации языков. Чтобы выявить эти особенности в массе перекрещивающихся изоглосс, характеризующих ареалы распространения языков, необходима общая методика, основанная на выделении дистинктивных (классификационных) признаков, возводящихся в ранг типологической характеристики. Дистинктивными являются признаки, достаточно четко отличающие один язык от другого или группу языков от другой группы языков, встречаются они не часто и типичны для изолированных и сильно разошедшихся языков, например,

таких, как чувашский и якутский. При выделении классификационных признаков чрезвычайно важно различать случаи с внешне одинаковыми чертами: языковые изменения, происходящие в одинаковых условиях, наблюдающиеся в условиях языковой общности, и языковые признаки, возникающие в различных условиях, характеризующие разные языковые общности [37, 44]. Остра проблема совмещенности языковых признаков, относящихся к разным сферам языка, особенно лексической. Ареалы в зонах вибрации не могут служить основой для классификации [13].

Все перечисленные нами методы и методики лингвогеографических исследований подлежат комплексному рассмотрению на фоне анализа географического положения этноязыковых признаков явлений. Только суммируя результаты каждой из методик, можно сделать наиболее объективный вывод о распространении и протяженности лингвистического явления и на этом основании реально спрогнозировать любые этнические или миграционные процессы. Зоны распространения ряда явлений, а также некоторые типы изоглосс (особенно конвергентные) отражают существенные языковые процессы, являющиеся предметом исследования этнолингвистической географии. Результаты ареального описания, устанавливая динамику распространения изоглосс, определяя потенциальную направленность их влияния и выявляя классификационные дистинктивные признаки, также способствуют прогнозированию реальных этнических, миграционных, иных геополитических процессов, даже в какой-то степени экономических, поскольку определяют демографическую динамику и характер трудовой миграции в том или ином географическом регионе.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 416 с.
2. Березин Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин. — М.: Высшая школа, 1975. — 304 с.
3. Бромлей Ю.В., Козлов В.И., Арутюнов С.А. Этнические процессы в современном мире / Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов. — М.: Наука, 1987. — 446 с.
4. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 608 с.
5. Бородин М.А. Проблемы лингвистической географии / М.А. Бородин. — М., 1966. — 212 с.
6. Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику / С.А. Бурлак, С.А. Старостин. — М., 2001. — 270 с.
7. Быховец Н.Н., Гаркавец А.Н., Дерканбаева И.Т. Языковые ситуации и взаимодействие языков / Н.Н. Быховец, А.Н. Гаркавец и др. — Киев: Наукова Думка, 1989. — 203 с.
8. Вандриес Ж. Язык / Ж. Вандриес. — М.: УРСС, 2001. — 407 с.
9. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. — СПб.: Изд-во Европейского ун-ва, 2004. — 336 с.

10. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Выща школа, 1979. – 345 с.
11. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Тбилиси, 1984. – Т. 2. – 404 с.
12. Голубчик М.М., Евдокимов, С.П., Максимов, Г.Н. История географии / М.М. Голубчик, С.П. Евдокимов и др. – Смоленск: Универсум, 2001. – 186 с.
13. Десницкая А.В. К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики / А.В. Десницкая / Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Ленинград: Наука, 1977. – 262 с.
14. Мельничук А.С. Освещение результатов языкового взаимодействия / А.С. Мельничук // Современное зарубежное языкознание. Вопросы теории и методологии. – Киев: Наукова Думка, 1983. – 303 с.
15. Макдэвид Р.И. Дialeктные и социальные различия в городском обществе / Р.И. Макдэвид // Новое в лингвистике. Социоллингвистика. – М., 1975. – Вып. 7. – С. 365
16. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М., 1938. – 322 с.
17. Нецименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) / Г.П. Нецименко. – Munchen: Verlag Otto Sagner, 1999. – 234 s.
18. Николс Дж. Языковое разнообразие во времени и пространстве / Дж. Николс. – М., 1992. – 256 с.
19. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. – М. / СПб.: ГЛОССА / КАРО, 2004. – 336 с.
20. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. – М.: Прогресс, 1964. – 375 с.
21. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию / Ю.В. Рождественский. – М.: Высшая школа, 1990. – 381 с.
22. Смирницкий, А.И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства / А.И. Смирницкий. – М.: МГУ, 1955. – 157 с.
23. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г.В. Степанов – М., 1976. – 33 с.
24. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: УРСС, 2003. – 313 с.
25. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // пер с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
26. Сусов И.П. Принципы ареального языкознания / И.П. Сусов // Введение в теоретическое языкознание. – М., 2001
27. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов. – М.: Наука, 2004. – 512 с.
28. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Ленинград: Наука, 1974. – 326 с.
29. Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии / Д.И. Эдельман. – М., 1968. – 357 с.
30. Ярцева В.Н., Серебренников Б.А. Принципы описания языков мира / В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
31. Allen W.S. Relationship in comparative linguistics / W.S. Allen. – TPS, 1953. – 143 p.
32. Bonfante G. On Reconstruction and Linguistic Method / N.Y: «Word», 1945. – v. I. – №1–2.
33. Meillet A. Les dialectes indo-europeen / A. Meillet. – Paris, 1988. – 317 p.

Т.Е. Благовестова
(г. Смоленск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПИТАНИИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Blagovestova T.E.

TERRITORIAL DIFFERENTIATION IN A FOOD AND QUALITY OF A LIFE OF THE POPULATION

The main point of this article is that customers' food of a region is influenced by climate and geographic conditions of this region, its social and economic development, its urbanization. This article also includes the results of mathematic analysis which is based on the following principle kinds of food depend on a region.

Человек и его качество жизни становятся в XXI веке центральным объектом исследования территориального аспекта жизнедеятельности. Исследования качества жизни за рубежом широко используются в экономике, политике и общественной жизни. Например, на уровне Европейского Союза проводится скоординированная политика повышения качества жизни населения. Во Франции создано министерство качества жизни, в функции которого входит решение проблем окружающей среды, городского благоустройства, туризма, спорта и досуга.

В России в связи с реализацией национальных проектов также активно заговорили о повышении качества жизни. Однако в нашей стране пока еще не выработано единого подхода не только к методике его оценки, но и к определению самой категории «качество жизни». По мнению С.А. Айвазяна, качество жизни населения – это совокупность показателей, характеризующих материальное, социальное, физическое, культурное и духовное благополучие населения страны [1]. Другими словами, это степень удовлетворенности населения своей жизнью с точки зрения различных потребностей и интересов.

Потребности выступают движущей силой жизнедеятельности человека. Потребность – это отношение личности к миру, переживаемое как противоречие и выступающее движущей силой поведения [2]. Исследователи, пытавшиеся выделить общие для всех людей потребности, неизбежно сталкивались с уникальностью соотношения потребностей отдельного индивида. Всем известна «лестница потребностей» А. Маслоу. Основанием ее Маслоу считает физи-

ологические потребности и, прежде всего, потребность в пище: «Для человека, испытывающего сильное чувство голода, не существует иного интереса, кроме пищи. Он мечтает и думает о ней, он вспоминает ее и стремится к ее обретению... Свобода, любовь, чувство общности, уважительное отношение – все они отменяются как мишура, ибо ими нельзя наполнить желудок. Воистину такой человек живет только хлебом единым» [9].

Одним из компонентов категории «качество жизни» является важнейший национальный ресурс любой страны – качество его населения, прежде всего его здоровье и долголетие. Фактором, в значительной степени определяющим состояние здоровья, поддержание высокой работоспособности, является питание населения. С древних времен известно изречение Гиппократов: «если отец болезни не всегда известен, то мать ее – пища». Наблюдаемое в последние годы снижение продолжительности жизни, повышение заболеваемости и смертности населения во многих регионах страны в определенной степени может быть связано с прогрессирующим нарушением принципов здорового питания. Кроме того, многочисленными исследованиями доказано, что вредные вещества, содержащиеся в почве, воде и воздухе, в конечном итоге концентрируются в пищевых продуктах. У человека, как и у животных, отсутствуют механизмы их детоксикации, и ксенобиотики, попадая в его организм, становятся балластом и либо зашлаковывают организм, либо активно влияют на внутриклеточные процессы и нередко вызывают мутации генетического аппарата. В связи с этим питание является одним

из основных показателей, определяющих здоровье населения и уровень онкологической заболеваемости желудочно-кишечного тракта. По мнению А.А. Королева и М.В. Богданова, на долю издержек питания приходится около 40% злокачественных опухолей [3].

Национальная кухня – это своеобразное отражение экосистемы, в которой формировался этнос. Характер и состав пищи жителей каждого из регионов России зависят от многих причин. Важнейшими среди них являются природные условия, характер и степень развития местной экономики, историко-культурные традиции и привычки. В рыночных условиях большее влияние на структуру питания оказывает уровень материального благосостояния населения. От географических условий в первую очередь зависит, какие продукты животного и растительного происхождения употребляются в пищу местными жителями. Кроме того, природная среда во многом определяет количественный и качественный состав пищи. Например, в зонах с холодным климатом человеческий организм нуждается в жирной и белковой пище в значительно большей степени, нежели в достаточно теплых регионах. Калорийная пища способствует адаптации организма к суровому климату, его энергозатратам. Так, жители северных Корякского, Таймырского, Эвенкийского, Ненецкого автономных округов лидируют по потреблению рыбы (более чем по 30 кг на каждого жителя) и мяса (Таймырский, Ямало-Ненецкий и Эвенкийский округа), а южный Краснодарский край занимает первое место среди субъектов страны по потреблению овощей (141,3 кг на одного жителя в год).

Таким образом, наблюдаются климатические различия в структуре питания: с увеличением суровости климата возрастает общее потребление рыбы и мяса, сахара при одновременном сокращении потребления овощей и яиц. Снижение потребления овощей на Севере определяется сложностью доставки и длительного хранения этой категории продуктов в условиях долгой зимы. Следовательно, у населения северных регионов страны наблюдается белково-липидный рацион питания, а с продвижением к югу он становится более углеводным. На структуру питания влияет и связанный с температурным режимом тип почв. Имеющие черноземы Курская, Новосибирская и Тамбовская области лидируют по потреблению картофеля, доля овощей в питании жителей этих территорий достаточно высока, чего нельзя ска-

зать о питании в северных регионах с подзолистыми, мерзлотно-таежными и другими менее продуктивными почвами. Велика зависимость состава пищи и от профиля местного сельского хозяйства. Так, на равнинах умеренного пояса традиционной отраслью специализации является молочное животноводство и население этих территорий испокон веков употребляет больше молочных продуктов, чем жители полупустынной Калмыкии или гористых Тывы и Бурятии.

Влияние экологических условий выражается не только в степени доступности пищевых ресурсов или уровне интенсивности обмена веществ у населения того или иного региона страны. Специфика конкретных природных условий влияет и на возникновение так называемых национальных традиций питания. Потребности организма в питательных веществах в сочетании со специфическими ресурсами среды обитания ведут к формированию привычек и традиций, которые закрепляются на столетия. Например, большое количество пряностей в блюдах кавказской кухни – консервант, помогающий сохранить продукты в жару, и вместе с тем – стимулятор активности органов пищеварения, необходимый в условиях жаркого климата.

Однако в XXI веке влияние названных выше причин на состав и характер пищи сказывается все слабее. Бурное расширение торговых связей, совершенствование способов консервации продуктов питания, развитие пищевой промышленности и транспортных средств доставки пищи к потребителям – все это в значительной степени скрадывает влияние местных географических, хозяйственных и историко-культурных факторов на состав пищи населения в различных географических зонах. В современном мире социальные и экономические аспекты, связанные с пищей, в определенной мере становятся ведущими. Постепенно наблюдается переход от традиционных типов питания к современному «вестернизированному» варианту. Кроме того, в результате экономического кризиса в стране в 90-е годы наблюдалось снижение уровня жизни большинства населения страны, что также отложило отпечаток на структуру питания в эти годы.

На основании официальных статистических данных 1990 года нами был проведен кластерный анализ, который позволил выделить на территории России 8 типов регионов, различающихся структурой питания населения. Для этого

Таблица 1

**Результаты кластерного анализа регионов России
по структуре питания в 1990 г.**

№ кластера	Регионы	Показатели потребления
1	Республика Коми, Красноярский и Алтайский края, Вологодская, Пензенская, Оренбургская, Курганская, Новосибирская, Омская, Томская области	Достаточно высокий уровень потребления основных продуктов питания
2	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская, Саратовская, Магаданская области, республика Якутия	Максимальное потребление мясных (92 кг) и молочных продуктов (436,5 кг); высокое – овощей (92 кг), сахара, растительного масла; низкое – картофеля (74 кг); минимальное – хлеба (106 кг)
3	Брянская, Костромская, Рязанская, Орловская, Калужская, Ленинградская, Калининградская, Ульяновская области, республика Мордовия	Максимальное потребление хлебных продуктов (131 кг), картофеля (155 кг), яиц (362 шт.), сахара (50 кг); высокое потребление мясных и молочных продуктов
4	Новгородская, Смоленская, Тамбовская, Курская, Липецкая, Воронежская, Амурская области, республики Удмуртия, Чувашия, Башкирия, Марий-Эл, Хабаровский край	Максимальное потребление хлеба (133 кг), картофеля (158 кг), растительного масла (10,5 кг); достаточно высокое – овощей, сахара, мясных и молочных продуктов
5	Челябинская, Кировская, Иркутская, Самарская, Псковская области, республика Бурятия	Высокое потребление мясных продуктов, яиц, хлеба, растительного масла; низкое – овощей, молочных продуктов, сахара и кондитерских изделий
6	Республики Карелия, Татарстан, Тверская, Тульская, Владимирская, Ивановская, Ярославская, Нижегородская, Белгородская, Свердловская, Тюменская, Кемеровская, Сахалинская, Ростовская области, Ставропольский край	Достаточно высокое потребление хлебных продуктов (120 кг), овощей (90 кг), яиц, сахара, растительного масла; невысокое – картофеля, молочных продуктов, мяса
7	Республики Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Калмыкия, Тыва, Мурманская и Читинская области	Низкие показатели потребления всех основных продуктов питания, в том числе минимальное потребление хлебных продуктов (102,5 кг)
8	Астраханская, Волгоградская, Камчатская, Пермская и Архангельская области, Краснодарский и Приморский края	Максимальное потребление овощей (108 кг); достаточно высокое – сахара и растительного масла; низкое – мясных, молочных продуктов, хлеба, картофеля, яиц.
9	Республики Чечня, Дагестан и Ингушетия	Минимальное потребление мясных (37 кг) и молочных продуктов (284 кг), яиц (145 шт.), сахара (41 кг) и картофеля (44 кг); низкое потребление хлеба и достаточно высокое – овощей (80 кг).

все территории страны кластеризовались методом Варда по евклидову расстоянию. В статистическом плане количество выделяемых кластеров определялось при помощи дисперсии (максимизация значений между кластерами и минимизация внутри кластера). Для каждого кластера – группы регионов России – характерно свое определенное соотношение продуктов питания в рационе. В результате данного

вида анализа в один кластер попали территории, схожие по структуре питания населения, однако не всегда находящиеся в схожих природных условиях (табл. 1). Это обусловлено влиянием на структуру питания других факторов, помимо природных: уровня социально-экономического развития региона, уровня жизни населения и его материальной дифференциации, культурных традиций и др.

Для сравнения интересно рассмотреть, какие изменения произошли в структуре питания населения России за 16-летний промежуток времени (с 1990 по 2006 г.), какие перестановки произошли в группах регионов, имеющих сходную структуру питания? Для этого был проведен кластерный анализ регионов России на основе данных 2006 г. (теми же статистическими методами, что и по данным 1990 г.). К сожалению, из-за отсутствия официальных статистических данных по потреблению рыбы и фруктов в 1990 г. получить полную картину дифференциации регионов страны по структуре питания не представляется возможным. Рыбные продукты являются традиционной пищей народов Севера, поэтому при наличии данных по их потреблению состав кластеров был бы несколько иным. Для сопоставимости результатов анализа и при кластеризации по данным 2006 г. потребление рыбы и фруктов также не учитывалось. В 1990 году для большей части населения страны дифференциация по доходам в основном определялась климатическими особенностями места проживания, следовательно, пищевой рацион в большей степени зависел от природных факторов и традиций, нежели от экономических факторов.

За исследуемые 16 лет состав кластеров по структуре питания несколько изменился. Так, Томская, Курганская области и Красноярский край перешли из кластера с высоким потреблением всех продуктов питания в кластер со средними показателями потребления, республика Якутия – из группы регионов с высоким потреблением мяса и минимальным потреблением хлеба оказалась по данным 2006 г. в кластере с максимальным потреблением хлеба и средними показателями по мясу; Тюменская область, наоборот, из кластера с низким потреблением мяса и большим потреблением хлеба перешла в кластер с достаточно высоким потреблением мяса и низким – хлеба.

Смоленская область из группы с максимальным потреблением картофеля перешла в группу с его низким потреблением. Подтвердили свое нахождение в кластере в высоком потреблением практически всех продуктов питания (кроме хлебных изделий) города федерального подчинения и Московская область. Все это является свидетельством ухудшения уровня и качества жизни населения за исследуемый период времени в одних регионах страны, и его улучшения в других.

Анализ потребления продуктов питания отдельных территорий страны позволил выя-

вить некоторые парадоксы в питании жителей Смоленской области в 2006 г. Так, среднестатистический смолянин – житель средней полосы России – потребляет овощей в 1,6 и 1,5 раза меньше, чем жители более суровых в климатическом отношении Камчатской и Магаданской областей соответственно в 2,4 раза меньше фруктов, чем жители более северного Ямало-Ненецкого автономного округа, в 1,2 и 1,4 раза меньше картофеля, чем в республике Коми и Камчатской области соответственно в 1,2 раза больше хлеба, чем в южных Ростовской области и Ставропольском крае. Эта аномалия, с точки зрения влияния природных условий на рацион питания, связана, прежде всего, с падением уровня жизни населения региона в переходные 90-е годы.

Например, в Смоленской области за годы трансформаций изменилась структура расходов населения, что является показателем динамики уровня и качества жизни. Так, по сравнению с 1990 г. в области, как и в целом по стране, возросла доля расходов на питание с 38% до 44,5% в 2006 г. Причем максимум ее приходился на 1995–1996 гг. – 56% (рис. 1). В развитых странах эти расходы, как правило, не превышают трети всех расходов домохозяйств. Рост доли расходов на питание в структуре расходов свидетельствует о росте стоимости жизни и снижении уровня благосостояния. Этот закон сформулировал еще в XIX веке немецкий статистик Э. Энгель [6]. В условиях резкого снижения доходов и роста цен население вынуждено было ориентироваться на удовлетворение лишь первичных потребностей. После 1998 г. доля расходов на питание у населения области медленно снижалась, что говорит об улучшении уровня жизни.

Анализ динамики потребления продуктов питания в Смоленской области за период с 1990 по 2006 г. показывает, что структура питания населения несколько изменилась. В рационе смолян снизилась доля наиболее ценных в биологическом отношении пищевых продуктов – богатых белком (и особенно животного происхождения) – мяса и мясных продуктов, рыбы, молока и молочных продуктов (яиц), а также овощей и фруктов (рис. 2). Резкое уменьшение потребления мяса наблюдалось до 2000 г. (с 71 кг до 40 кг, т.е. почти в половину), в 2006 г. уровень потребления практически достиг уровня 1990 г. Однако с медицинских позиций это ниже нормы на 16%. Проведенный корреляционный анализ показал достаточно значительную прямую

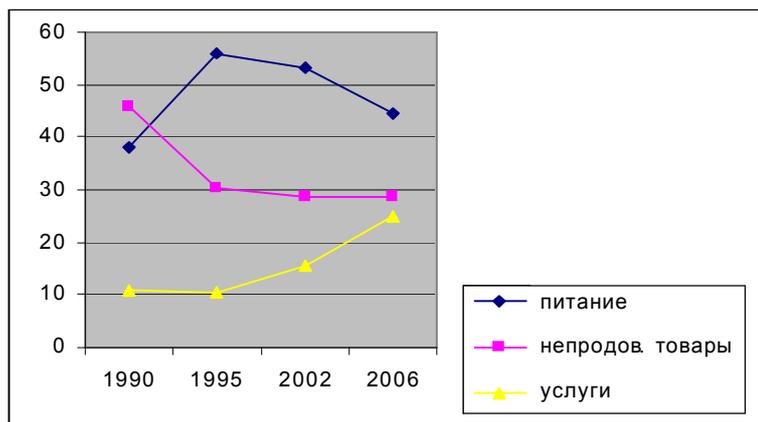

Рис. 1. Динамика структуры расходов населения Смоленской области в 1990–2006 гг., %

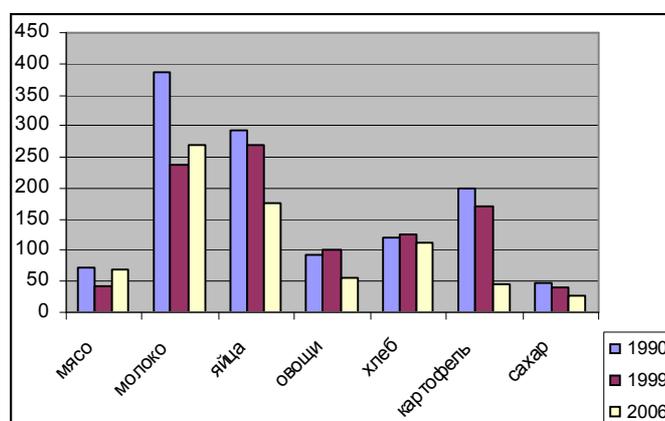

Рис. 2. Потребление продуктов питания в Смоленской области, кг на 1 чел. (яйца – штук).

зависимость между уровнем доходов населения (в расчетах использовалась покупательная способность душевых доходов как отношение доходов к прожиточному минимуму) и потреблением мясных продуктов линейный коэффициент корреляции равен 0,75. То есть с повышением уровня жизни населения наблюдаются положительные тенденции в структуре питания, в частности увеличение потребления мяса. С 1990 г. ежегодно уменьшается потребление молочных продуктов (в 2006 г. на 30% относительно 1990 г.). Среднестатистический смолянин в настоящее время употребляет на 120 литров молока (и концентрированных производных из него – сметаны, сыров, творога и др.) меньше, чем в начале 90-х гг. Это ниже медицинской нормы на треть (табл. 2) и нетипично для Смоленщины как территории с традиционно развитым молочным животноводством. Тесной связи между потреблением мо-

лочных продуктов и уровнем доходов населения не выявлено (коэффициент корреляции равен 0,19).

Следовательно, можно говорить о некотором изменении традиций питания в регионе. Потребление яиц по сравнению с 1990 г. снизилось на 40%, причем это снижение было почти неощутимым в 90-е годы и резким с 2004 г. Можно предположить, что этим компенсировался недостаток животного белка, вызванный резким падением потребления мясных изделий. В области уменьшается также потребление сахара (почти в 2 раза по сравнению с 1990 г.), картофеля. Потребление этой традиционной культуры в рационе жителей Смоленщины снизилось по сравнению с началом 1990-х гг. в 4,5 раза, что не вполне объяснимо на фоне снижения потребления практически всех компонентов продуктовой корзины. Корреляционный анализ показал наличие достаточно значимой

Таблица 2

**Соотношение потребления продуктов питания в Смоленской области в 2006 г.
с медицинскими нормами и потреблением в 1990 г.**

Продукты питания	Медицинская норма на душу в год (кг)	Потребление в 2006г. к медицинской норме, %	Потребление в 2006г. в % к 1990 г.
Хлеб	107	103,7	93,2
Мясо и мясопродукты	83	84,1	98,3
Молоко и молокопродукты	404	66,8	70
Яйца	298	59,3	60,1
Картофель	120	36,7	21,9
Овощи	145	37,9	59,1
Фрукты и ягоды	76	50,9	–
Сахар	40,7	65,8	54,7
Рыба	23,7	75,1	–

Примечание: Медицинские (рациональные) нормы потребления разработаны Институтом питания АМН, одобрены Минздравом СССР 30 июля 1986 года и Государственным Комитетом СССР по науке и технике 8.06.1987 года.

обратной связи ($r = -0,64$) между уровнем доходов населения и потреблением картофеля.

Потребление овощей, фруктов и ягод как поставщиков витаминов, клетчатки, микроэлементов в регионе остается очень низким: овощи – почти в 3 раза ниже медицинской нормы и в 2 раз – минимальной потребительской нормы для РФ; фрукты и ягоды – в 2 раза ниже медицинской нормы. Потребление хлебных изделий за эти годы практически не менялось.

О некотором улучшении структуры питания смолян в последние 3 года свидетельствует увеличение потребления мяса (оно почти достигло уровня 1990 г., что в 2 раза выше минимальной потребительской нормы для РФ), рыбы, молока (рост относительно 2003 г. на 15%, когда его потребление было минимальным за весь исследуемый период). Однако с другой стороны, по всем продуктовым группам, за исключением хлебопродуктов у жителей области наблюдается дефицит различной степени выраженности относительно медицинских норм потребления. Конечно, такая ситуация не является абсолютно типичной для всего населения региона. Например, в семьях с разным количеством детей наблюдаются существенные различия в питании. Так, семьи с тремя детьми по сравнению с однодетными семьями потребляют на душу населения меньше почти всех основных продуктов на 45% меньше рыбы, на 43% меньше мясных продуктов почти в 2 раза меньше сахара и кондитерских изделий, фруктов и ягод на 54% меньше яиц, и лишь потребление хлебных и молочных продуктов практически не зависит от количества детей в семье. Потребление растительного масла увеличивается с увеличением числа детей в семье.

Интересно сравнить потребление продуктов питания смолянами и жителями некоторых стран мира (рис. 3). Среднестатистический житель области потребляет в год мяса на 42% меньше, чем американец, на 25% меньше, чем француз и на 58% больше, чем японец; овощей – почти в 2,5 раза меньше, чем француз или американец, в 2 раза меньше, чем японец; хлебных продуктов – на 40% больше, чем немец и на 25% больше, чем японец; потребление молочных продуктов смолянами и американцами сопоставимо, но на 40% меньше, чем немцами или французами. Конечно же, это объясняется не только природными условиями, существующими традициями питания, но и уровнем доходов населения рассматриваемых стран.

Известно, что одним из главных условий гармоничного психосоматического развития детей является рациональное (сбалансированное) питание. Однако на Смоленщине на фоне ухудшившейся структуры питания жителей области наметилась стойкая тенденция к ухудшению показателей здоровья детского населения. Так, за последние 10 лет случаи детской онкологии возросли в 2,3 раза, а общая заболеваемость органов пищеварения – в 1,6 раз. По мнению академика В.А. Тутельяна (ГУ НИИ питания РАМН), ведущим по степени негативного влияния на здоровье населения в настоящее время является дефицит так называемых микронутриентов – витаминов, микроэлементов, отдельных полиненасыщенных жирных кислот, приводящий к резкому снижению устойчивости организма к неблагоприятным факторам окружающей среды [8]. Благодаря техническому прогрессу, уровень энергетических затрат человека в последнее время значительно

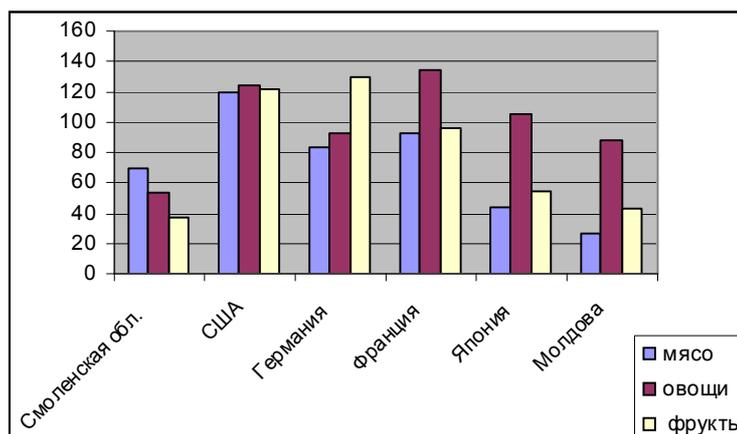

Рис. 3. Потребление продуктов питания в Смоленской области (2006 г.) и некоторых странах мира (2003 г.)

снизился. Нормой ВОЗ считается показатель в 2,5–3 тыс. килокалорий в день, но мужчины, по подсчетам российских ученых [8], тратят в среднем 2,2 тыс. килокалорий, а женщины – 1,9 тыс. килокалорий. То есть снизилась и необходимость в восполнении энергии, а значит в объеме пищи, которую человек ест. При этом потребность в микроэлементах осталась на прежнем уровне, насыщенность этими микроэлементами продуктов – тоже. По мнению специалистов РАМН, современный человек даже теоретически не может получить микроэлементов в нужном количестве, питаясь обычными продуктами. Жителям России не хватает кальция, йода, железа, фтора и селена. Эта тенденция прослеживается и на Смоленщине, свидетельством чему является возрастание детской заболеваемости всеми видами болезней за исследуемый период в 1,6 раза. Кроме того, с 1990-х годов многие регионы России захлестнул поток импортного продовольствия, которое в своем большинстве получается при интенсивном способе производства. Общей характеристикой его является использование большого количества разнообразных химических веществ для удобрения почвы, борьбы с насекомыми, возбудителями болезней растений, сорняками, стимуляции роста и цветения растений и т.д. Все эти вещества действуют на организм человека явно не положительно.

В последние годы в области отмечается существенный рост числа заболеваний раком желудка, а смертность взрослого населения от болезней органов пищеварения увеличилась с 1990 г. в 2,7 раза (рис. 4). В значительной мере это связано с отсутствием должного контроля за качеством продуктов как отечественных, так

и импортных. Импортные продукты характеризуются часто не только низким качеством, но и снабжены во многих случаях вредными полихлорвиниловыми упаковками, дополнительно обрабатываемыми ядохимикатами для лучшего сохранения содержимого.

В ходе проведенного исследования выявилась триада категорий, взаимно влияющих друг на друга: природные условия – качество питания – качество жизни населения. Так, природные условия в некоторой степени определяют качественную и количественную структуру питания, качество природной среды оказывает значительное влияние на качество питьевой воды и питание населения. Особенности питания, в свою очередь, влияют на отдельные характеристики качества жизни населения, прежде всего на его здоровье и долголетие, а через них в какой-то мере и на образовательный потенциал общества. Высокое качество жизни – одна из главных целей развития любого социально ориентированного государства – должно положительно влиять на природные условия. Это осуществимо через усовершенствование экологического законодательства и изменения потребительского отношения к природе. С другой стороны, природные условия сами влияют на качество жизни через степень комфортности климата, через возможность развивать определенные отрасли хозяйства, строить объекты инфраструктуры. Уровень жизни как важнейшая составляющая качества жизни населения в значительной мере определяет структуру питания: с увеличением уровня жизни питание становится более рациональным и сбалансированным, что положительно сказывается на качестве человеческого потенциала.

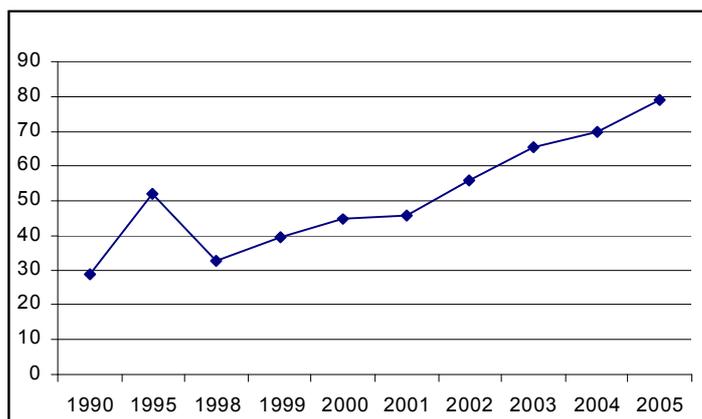

Рис. 4. Динамика смертности населения Смоленской области от болезней органов пищеварения в 1990–2006 гг., чел. на 100 тыс. населения

Качество жизни определенным образом влияет и на качество питания. Так, население, имеющее достаточно высокий образовательный потенциал (высшее образование), в большей степени заботится о качестве своего питания, интересуется вопросами рационального питания, нежели со средним или среднеспециальным образованием.

Однако на качество питания оказывают влияние не только указанные факторы, но и степень урбанизации территории. Так, Мартынов А.С. и Виноградов В.Г. [4] предлагают свою классификацию зависимостей потребления разных групп продовольственных продуктов от структуры расселения. Они выделяют городские типы питания, питание сельского населения и северные типы питания.

Питание горожан авторы разделяют на 2 типа – питание жителей мегаполисов и питание жителей рабочих поселков и городов с численностью менее 700 тысяч человек. Наиболее серьезным отличием питания населения в мегаполисах является высокий уровень потребления мясопродуктов. В среднем за год потребляется по 93 кг на каждого жителя, тогда как в других городах эта величина составляет около 81 кг. Относительный дефицит белкового питания жители рабочих поселков и средних городов в большей степени покрывают за счет значительного потребления яиц. Жители малых и средних городов потребляют сахара (56,3 кг в год) и хлебопродуктов (123 кг) существенно больше, чем жители мегаполисов (46,9 и 116 кг соответственно). Высокий уровень доходов позволяет жителям мегаполисов потреблять больше молочных продуктов, причем, не столько в виде молока, сколько в виде таких кон-

центрированных его производных как масло, сыры, сметана. В пересчете на молоко жители больших городов потребляют 471 л, тогда как в малых городах и поселках – 417 л. Следующей особенностью является последовательное повышение доли овощей и фруктов в структуре питания горожан по мере укрупнения городов. Жители мегаполисов потребляют овощей почти столько же, сколько и деревенское население, имеющее собственные огороды – по 124 кг в год, тогда как в средних городах овощей потребляется уже 111 кг, а в малых всего 87. Фрукты же в условиях большей части территории России потребляются преимущественно импортные (цитрусовые, виноград, бананы, отчасти яблоки). В силу этого обстоятельства их повышенное потребление в крупных городах вполне объяснимо.

Среди сельского населения отчетливо выделяются два совершенно разных типа питания – питание жителей сельскохозяйственных деревень и питание в поселках с промыслово-скотоводческой формой занятости основного населения. Эти группы сильно различаются как по средним объемам потребляемой пищи, так и по ее составу. Деревенское население, отличительным признаком которого являются значительные огородные наделы, имеет значительные объемы потребления углеводов – картофеля и хлеба. В среднем один деревенский житель потребляет за год 166 кг хлебопродуктов, тогда как промыслово-скотоводческое население лишь 93 кг. По картофелю разница еще больше – 169 и 60 кг в год. В то же время белковое наполнение продовольственной корзины населения в сельскохозяйственных деревнях крайне низкое.

Данные официальной статистики потребления свидетельствуют о резком снижении потребления мяса и рыбы в тех регионах страны, где преобладает указанная группа населения. На столы деревенских жителей его попадает лишь 27 кг в год, тогда, как в семьях промышленников и скотоводов годовое потребление мяса (88 кг) уступает лишь потреблению жителей мегаполисов. Деревенские жители также много потребляют овощей.

Для северного типа питания характерны следующие особенности: с увеличением суровости климата возрастает общее потребление рыбы и мяса, увеличивается их доля в структуре питания, растет потребление сахара и хлебопродуктов. Одновременно сокращается потребление овощей и яиц. Пищевые традиции малых народов Севера весьма своеобразны: это потребление сырой рыбы, проквашенного

мяса морского зверя, употребление сырой печени добытых оленей, а также птиц.

В заключение стоит отметить, что проблемы рационального питания характерны не только для населения России, но и многих развитых стран мира. Идеального уровня питания еще нигде не достигли – это возможно только на уровне отдельного человека. Однако, как отмечает В.А. Тутельян [8], политика государств этой сфере должна обеспечивать свободное потребление обогащенных продуктов, необходимых для здоровья: «Человек должен иметь возможность купить йодированную соль, обогащенный железом хлеб, пить фторированную воду или витаминизированное молоко». Следовательно, вопросы повышения уровня и качества жизни в регионах страны, помимо прочих важных факторов, во многом зависят и от улучшения качества питания населения.

Библиографический список

1. Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 11.
2. Алешина И.В. Поведение потребителей: Учебное пособие. – М: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
3. Королев А.А., Богданов М.В., Королев Ал. А. Медицинская экология. – М.: Академия, 2003.
4. Мартынов А.С., Виноградов В.Г. Атлас Окружающая среда и здоровье населения России. М-ПАИМС, 1995
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004. – М.: Росстат, 2004.
6. Социальная статистика под ред. Ефимовой М.Р. – М.: Финансы и статистика, 2003
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006. – М.: Росстат, 2006.
8. Черноиванова А. Здоровое питание населения России // Газета, 05.11.2003.
9. Maslow A. Theory of Human Motivation Psychological Review, 1943.
10. www.admin.smolensk.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Г.К. Куликов
(г. Москва)

КРУПНЫЕ ГОРОДА – ТОЧКИ РОСТА УРАЛОПОВОЛЖЬЯ

Kulikov G.K.

LARGE CITIES – POINTS OF GROWTH OF THE URAL AND VOLGA REGION

The article is devoted to problems of regional development. The main aim of the article is to investigate the tendencies of growth of large cities and their role in regional development as points of growth. The research was conducted on three levels. First of all, large cities was compared with two federal agglomerations. Then comparative characteristic was conducted on level of all Ural and Volga region. The last comparison was conducted on regional level (rates of growth of cities were correlated with parameters of their regions). The result of these comparisons is that differences of level of economic development between two capitals and cities-millionaires decrease. The article also placed emphasis on problem of increasing territorial differences within regions: only few regions have more than one center of rapid growth – regional capital.

В условиях достаточно длительного периода экономического роста в России сформировались центры опережающего развития, основанного на разных преимуществах: агломерационных, ресурсных, географического положения. Они играют определяющую роль в региональном развитии, так как концентрируют человеческие ресурсы и экономическую активность, являются экономическим каркасом территорий. По мере перехода к постиндустриальной экономике роль крупных городов и агломераций еще больше возрастает, так как в них высок уровень развития отраслей сектора услуг. С географической точки зрения, крупные города являются центрами роста и его трансляции на прилегающие территории и менее крупные города.

В Урало-Поволжье концентрируется значимая часть человеческого и экономического потенциала России. Экономика района диверсифицирована, активно развивается сектор услуг. Терциализация активно усиливается именно в крупнейших городах, которые таким образом продуктивно осваивают капитал, пришедший из других секторов экономики. Такой механизм

значительно повышает устойчивость регионального развития и крупные города и регионы Урало-Поволжья могут стать значимыми зонами роста в России, не уступая уже сформировавшимся зонам роста.

Тема расширения пространства роста изучена слабо, хотя является одной из самых актуальных. Недостаточно изучена и роль городов в региональном развитии. Обычно региональная экономика вообще не рассматривает внутреннюю структуру региона, а занимается лишь анализом общерегиональных показателей. Но при резких внутрирегиональных различиях исследование крупных городов крайне необходимо.

Основной гипотезой исследования является предположение об особой роли в региональном развитии городов с многофакторными и стабильными преимуществами, главное из которых – агломерационный эффект. Эта роль должна проявляться в увеличении экономической значимости крупнейших центров и в трансляции роста на полупериферию и периферию.

Эта гипотеза может быть подтверждена в рамках центрально-периферийной парадигмы и

диффузионистской концепции роста. Данное исследование нацелено на выделение особенностей роста городов регионов Урало-Поволжья и диффузии роста в крупных городах разного типа.

Исследование проводится на основе большого массива статистических данных и охватывает период экономического роста (1999–2005 гг.). Именно в это время произошла активная передача волны роста от федеральных городов к другим крупным городам за счет реализации их социально-экономических и географических преимуществ.

Необходимо также отметить, что понятие «Урало-Поволжье» в данной работе включает в себя Поволжский и Уральский макрорегионы, выделенные Министерством регионального развития, а также Курганскую область. Таким образом, исследование охватывает 17 регионов и 45 городов с населением более 100 тысяч человек (на 2005 г.).

1. Основные факторы развития крупных городов России.

На развитие городов влияют 3 основных фактора: агломерационный, статусный и выгодной промышленной специализации.

Агломерационный эффект возникает вследствие концентрации населения и экономической активности, увеличения производственных связей, растущих обменов в сочетании со снижением транспортных и других издержек.

По мере перехода к постиндустриальной экономике агломерационный эффект будет подавлять локальные факторы развития такие, как близость к минеральным ресурсам или благоприятность природных условий.

Агломерационный эффект ускоряет рост городов уже обладающих социально-экономическими и экономико-географическими преимуществами. В этом смысле наблюдается синергия нескольких факторов.

Механизм экономического агломерирования сводится к следующей схеме [1].

Разнообразие фирм в городе ведет к разнообразию продукции, увеличивается разнообразие товаров, что повышает реальный уровень потребления населения; фирмы конкурируют за рабочую силу, что ведет к повышению уровня оплаты труда; рост заработных плат повышает уровень потребления населения, что способствует развитию розничной торговли; более высокий уровень доходов стимулирует миграцию населения в город, что приводит к

еще большей концентрации экономической деятельности.

Явным следствием агломерационного эффекта является концентрация занятых, опережающий рост заработных плат, оборота розничной торговли, вводимых жилых площадей. Сравнение городов в работе проводится именно по этим показателям.

Влияние *статусного фактора* на развитие крупнейших городов – региональных центров – также значительно. Административный статус позволяет городам концентрировать финансово-бюджетные ресурсы. Доходы городского бюджета формируются за счет налогов с зарегистрированных в административном центре фирм, производство которых находится в других муниципалитетах, также в бюджет региональной столицы поступает часть подоходного налога, который платят занятые в городе жители соседних муниципальных образований. Статусный фактор в сочетании с агломерационным эффектом способствует активному привлечению капитала и экономических агентов. Эти факторы действуют совместно: агломерационный эффект снижает производственные издержки, а статусный фактор уменьшает предпринимательские риски и обеспечивает дополнительные ресурсы развития.

Фактор выгодной специализации является очень значимым для России в целом и для многих промышленных центров Урало-Поволжья с экспортно-ресурсными отраслями. Но необходимо учитывать, что узкая специализация является фактором роста лишь при благоприятных условиях на рынке сбыта продукции отраслей специализации. В случае изменения конъюнктуры, город может из центра опережающего роста превратиться в депрессивную зону.

2. Место крупных городов Урало-Поволжья среди зон опережающего роста.

По динамике важнейших социально-экономических показателей в России выделяются три типа зон опережающего роста [3]:

- федеральные агломерации (Московская и Санкт-Петербургская);
- монопрофильные города с ведущими предприятиями крупных компаний, в основном экспортно-ориентированных;
- новый тип зон роста – приморские регионы и города.

Города-миллионеры Урало-Поволжья все еще сильно отстают от уровня федеральных столиц, еще более низкий уровень развития

наблюдается в прочих городах-центрах регионов. Но все они – зоны опережающего роста второго порядка, благодаря, в первую очередь, административному статусу [4]. Эти города концентрируют большую часть экономического потенциала своих регионов, являются доминирующими центрами обслуживания территорий, имеют высокий относительно периферийных районов уровень развития сферы услуг, часто промышленности (в этом случае являются не только центрами третичной сферы в своих регионах, но и крупными промышленными центрами по причине лучшей адаптации предприятий к рыночным условиям – Челябинск, Уфа, Ижевск, Саратов), в этих городах выше уровень жизни [6].

Ускоренный рост крупных городов Приволжского и Уральского ФО достигается не только посредством агломерационного и статусного эффекта, но и экономических преимуществ тех регионов, в которых они расположены. Экономическое положение регионов является одним из главных факторов развития городов.

Сегодня семь наиболее развитых регионов Урало-Поволжья находятся в числе первых 15 по современным объемам ВРП. В них концентрируется 15% суммарного ВРП России. Центрами всех семи регионов являются миллионные города, во всех семи регионах «вторыми» городами являются крупные специализированные центры. Таким образом, высокий экономический потенциал регионов способствует активному развитию крупнейших центров этого макрорегиона.

Но все же по совокупным темпам роста важнейших экономических показателей (ВРП, промышленное производство, инвестиции, численность занятых, реальные доходы) все регионы Урало-Поволжья уступают наиболее динамично растущим областям – Калининградской, Ленинградской, Сахалинской и Московской. Наименее отстают от них Свердловская область и Татарстан.

Благодаря общерегиональным и собственным преимуществам, улучшилось положение некоторых миллионных агломераций Урало-Поволжья в конкурентной борьбе с агломерациями федеральных городов. За период экономического роста (1999–2005) особенно сократился разрыв между двумя группами агломераций по душевым показателям оборота розничной торговли, объема платных услуг и инвестиций. Внутренние ресурсы развития, такие, как слабо насыщенный рынок услуг спо-

собствуют приближению этих городов по душевому обороту розничной торговли к Москве и Петербургу где насыщение уже произошло (рис. 1). Однако различия в уровне оплаты труда (рис. 2) и обеспеченности вводимым жильем увеличились. Следовательно, в конкуренции за трудовые ресурсы миллионные города Урало-Поволжья проигрывают федеральным городам.

3. Тенденции концентрации экономической активности в крупных городах регионов Урало-Поволжья

Степень концентрации. Концентрация населения и экономической активности в крупных городах является прямым следствием агломерационного эффекта. Вместе с тем процесс концентрации определяет значимость городов в региональном развитии.

Из миллионных городов наиболее высока концентрация основных показателей в Перми, она лидирует по большинству показателей (рис. 3).

Сравнение доли городов по выбранным показателям с долей в численности населения региона (рис. 3) показало, что наибольшее отличие наблюдается в Екатеринбурге на него приходится только 29% населения и 61% оборота розничной торговли региона, выше и концентрация ввода жилья. Это свидетельствует о проявлении агломерационного и статусного эффекта, определивших большую степень концентрации экономической активности в городе. Во всех городах-миллионниках наиболее сильна степень концентрации розничной торговли и ввода жилья.

В большинстве «вторых городов» только степень концентрации промышленного производства и инвестиций (рис. 4) выше, чем степень концентрации населения (следствие промышленной специализации). Не велика концентрация розничной торговли жилищного строительства.

В центрах наименее развитых регионов наблюдается наибольшая степень концентрации населения и экономической деятельности, так как это промышленно-аграрные регионы. Так, Курган занимает 1-е место среди всех городов Урало-Поволжья по концентрации промышленного производства (68%).

Таким образом, степень концентрации экономической деятельности зависит не только от концентрации населения, но и от факторов развития городов.

• Концентрация розничной торговли, объема строительства, ввода жилья, численности

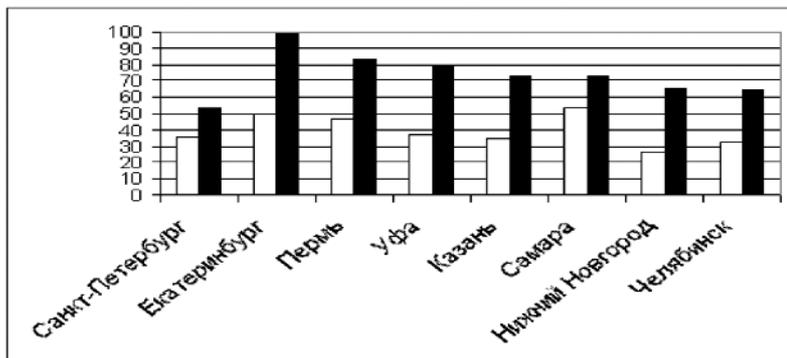

Рис. 1. Отношение оборота розничной торговли на душу населения городов-миллионеров Урало-Поволжья и Санкт-Петербурга к показателю Московской агломерации (средневзвешенное значение Москвы и Московской области) в 1999 и 2005 гг, %

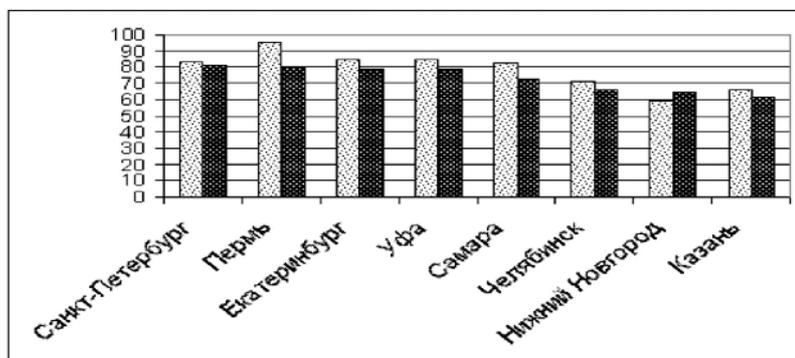

Рис. 2. Отношение средней заработной платы в городах-миллионерах Урало-Поволжья и Санкт-Петербурге к показателю Московской агломерации (средневзвешенное значение Москвы и Московской области) в 1999 и 2005 гг, %

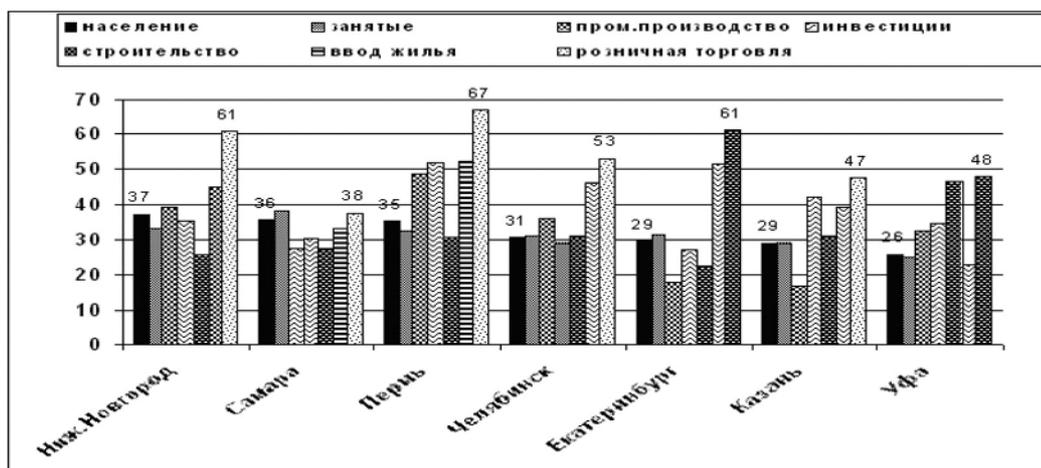

Рис. 3. Доля региональных центров в основных показателях своего региона в среднем за 1999–2005 гг., %

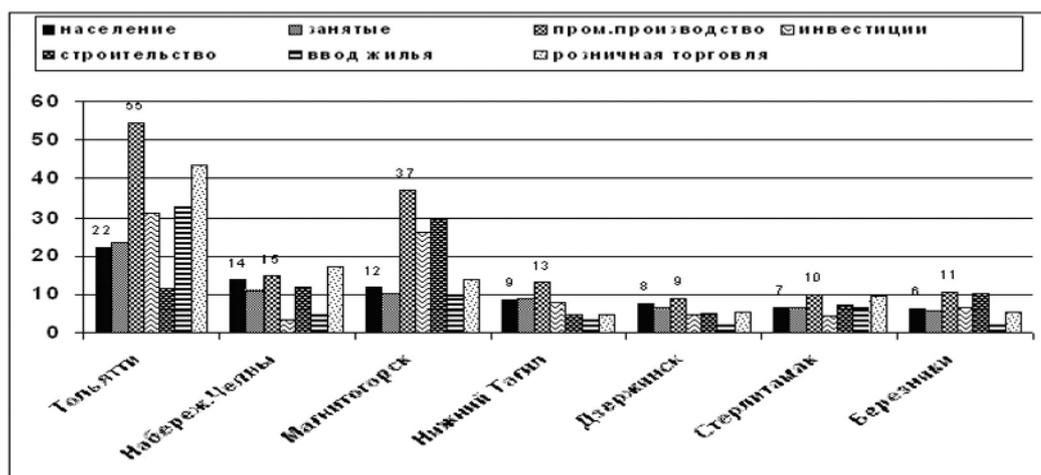

Рис. 4. Доля вторых городов в основных показателях своего региона в среднем за 1999–2005 гг, %

занятых в миллионных городах превосходит удельный вес в численности населения. Агломерационный эффект стимулирует дополнительный приток трудовых ресурсов и рост доходов населения, а вместе с ними строительство и розничную торговлю.

- Статусный фактор часто имеет сходное агломерационным эффектом действие для региональных центров меньшего уровня. В них концентрируется экономическая активность, причем не только розничная торговля и строительство, но и промышленное производство и инвестиции, что не характерно для миллионных городов (исключение – Пермь).

- Концентрация экономической деятельности (промышленного производства и инвестиций) во вторых городах развитых регионов определяется эффектом специализации. При этом в тех городах, где специализация выражена слабее, различия между концентрацией различных показателей меньше.

Динамика концентрации. Во всех 29 городах Урало-Поволжья с населением более 250 тысяч человек растет концентрация занятых, хотя лишь в 16 городах увеличивается концентрация населения. Этот факт свидетельствует о прямых следствиях агломерационного эффекта: привлечении экономически активного населения в города и увеличении численности рабочих мест.

Города-миллионники, менее крупные региональные центры и вторые города имели различные особенности концентрации экономической деятельности в 1999–2005 годах.

Миллионные города активно концентрировали строительную деятельность, что связано с опережающим ростом цен на жилье и активным строительством объектов третичного сектора, связана с этим процессом активная концентрация инвестиций в основной капитал. Продолжала усиливаться концентрация розничной торговли и ввода жилищных площадей, но меньшими темпами. Особенностью таких городов является рост концентрации занятых, опережающий концентрацию населения.

Менее крупные региональные центры. Для данных центров еще более явна концентрация занятых: в десяти рассматриваемых городах она выросла на 7–16% пунктов с 1999 по 2005 г. Эта особенность связана с изменением демографической структуры населения регионов (депопуляция сельской местности) и притоком трудоспособного населения в региональные столицы. Другой особенностью является слабее выраженный рост концентрации экономических показателей, особенно розничной торговли. В Йошкар-Оле, Пензе, Саранске даже произошла деконцентрация.

Вторые города – экспортноориентированные промышленные центры. Наибольший рост концентрации промышленного производства произошел в развитых специализированных центрах, но по другим показателям наблюдается либо очень слабая концентрация (не проявляется мультипликативный эффект развития промышленности), либо деконцентрация, которая происходит за счет активной концентрации экономической активности в миллионных городах.

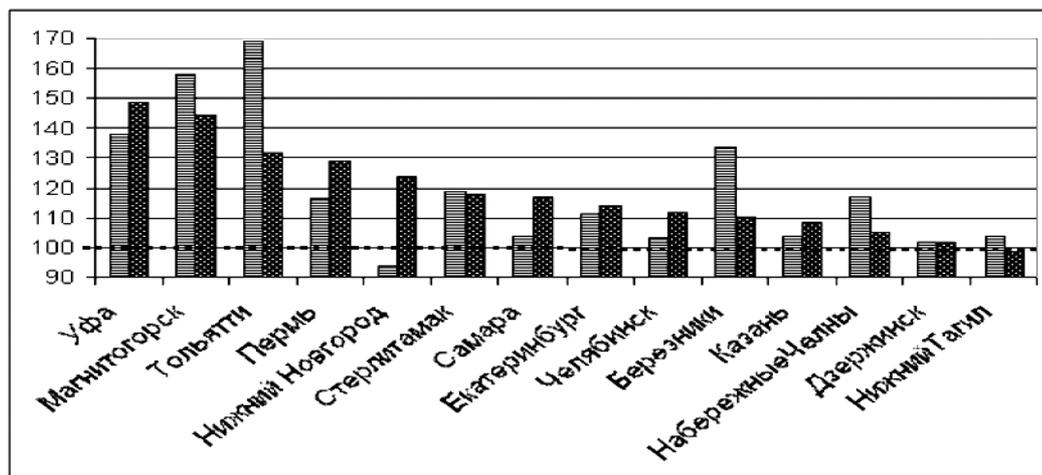

Рис. 5. Отношение средней заработной платы в миллионных и вторых городах к средней по региону за период в 1999 и 2005 гг., %

Менее развитые вторые города. Если в развитых промышленных городах регионов с городами-миллионниками происходит активная деконцентрация экономической активности, то в менее развитых регионах динамика развития вторых городов-промышленных центров несколько иная: во многих растет концентрация розничной торговли (Балаково и Новочебоксарск), так как нет конкуренции со стороны миллионных городов.

4. Тенденции внутрирегиональной дифференциации уровня оплаты труда

Статистика показывает, что разрыв между уровнем заработной платы в крупных городах и регионах в целом меняется по-разному: в столицах он продолжает усиливаться, а в крупных промышленных центрах сокращается.

В 1999 году столицы имели меньшее опережение среднерегионального уровня зарплат, чем экспортноориентированные вторые города. Средняя заработная плата в них была и остается выше, чем в любом из 7 миллионных городов – около 10,5 тыс. рублей (2005). Другие вторые города, где положение градообразующего предприятия не так благополучно, опережают среднерегиональный уровень заработной платы меньше, чем столицы регионов.

Однако в период экономического роста для всех вторых городов тех регионов, где центром является миллионный город, наблюдалось сокращение отрыва промышленных центров по средней заработной плате от своих регионов в целом. А во всех миллионных городах отрыв от среднеобластного значения увеличился.

Во всех рассмотренных вторых городах низок агломерационный эффект в силу невысокого уровня развития градообслуживающих отраслей и гипертрофированного развития одной отрасли промышленности (черной металлургии в Магнитогорске и Нижнем Тагиле, машиностроения в Тольятти и Набережных Челнах, химии в Стерлитамаке, Дзержинске, Березниках). В то время как в столицах регионов с диверсифицированной экономикой агломерационный эффект проявляется в ускоренном росте заработной платы.

Из менее развитых региональных центров, лишь в Ульяновске за счет восстановления производства на градообразующих предприятиях произошло увеличение разрыва со средней зарплатой по области, а в Кирове, Пензе, Чебоксарах и Новочебоксарске разрыв значительно сократился. Главная причина – рост заработной платы в аграрном секторе и бюджетной сфере (доля занятых в этих отраслях в периферийных районах высока).

Таким образом, миллионные города уступали по степени отрыва зарплат от среднерегиональных центрам менее развитых регионов, а часто и специализированным центрам, где действовал фактор выгодной специализации. Однако именно в миллионных городах наблюдается устойчивое и быстрое увеличение этого отрыва, в то время как в специализированных центрах и центрах слабо развитых регионов он значительно сокращается. При этом устойчивый рост зарплат (главным образом в секторе услуг) крупнейших городов является следствием постоянно действующего агломерационного

эффекта, а не временных факторов благоприятной конъюнктуры на рынке продукции (специализированные центры) и быстрого роста оплаты труда в сфере управления (центры слабо развитых регионов).

5. Города Урало-Поволжья как точки опережающего роста

Охарактеризовать крупные города как точки роста можно на основе сравнения городов между собой по динамике различных показателей и на основе сравнения значимости городов как центров опережающего роста на уровне своих регионов. Таким образом, можно выделить как центры роста на уровне всего Урало-Поволжья (сравнение городов между собой), так и наиболее яркие центры ускоренного роста на внутрирегиональном уровне, то есть определить центры роста на мезо- и микроуровне

Уровень Урало-Поволжья. Миллионные города лидировали по темпам роста населения (Екатеринбург), строительства (Казань), заработных плат (Нижний Новгород). В специализированных центрах, помимо быстрого роста промышленности, наблюдалось ускоренное развитие строительства (Нижний Тагил), розничной торговли (Каменск-Уральский), платных услуг (Стерлитамак). В промышленных центрах действует эффект низкой базы: при низких исходных значениях показателя темпы роста всегда выше. Часто рост 1999–2005 годов восполнял спад, вызванный неблагоприятной ситуацией в отрасли специализации или на градообразующем предприятии.

Таким образом, в большинстве случаев лидерами роста являются города с исходно низким уровнем показателей на душу населения. К этим городам относятся и промышленные центры (Нижний Тагил), и региональные центры (Чебоксары), и даже миллионный город (Нижний Новгород).

Еще одна категория лидеров – крупные города, в составе агломераций миллионных городов. Это прямое следствие закрепления внутриагломерационной специализации за городами-спутниками. В этих городах наблюдается активный рост жилищного строительства и тесно связанным с ним ростом занятых (Копейск), так же происходит рост оборота розничной торговли (Новокуйбышевск), связанный с тенденцией выноса торговых центров в пригороды миллионных городов

В период экономического роста несколько уменьшился разрыв между наиболее развитыми

миллионными городами Урало-Поволжья и региональными центрами с меньшими конкурентными преимуществами. Нижний Новгород, сильно отстававший от других миллионников по уровню доходов стал в рассматриваемый период лидером в Урало-Поволжье по темпам роста заработной платы (сработали и статусный фактор центра ПФО, и рост сервисных отраслей экономики). Подобная тенденция, хотя и не такая сильная, наблюдается и в центрах менее развитых регионов (Чебоксары, Ижевск, Киров). Они используют не только преимущества статуса, возрос их потребительский потенциал, быстрее развивается сектор услуг благодаря агломерационному эффекту

Внутрирегиональный уровень. Для выделения центров опережающего роста на уровне регионов, проведено сравнение отношений средних за период темпов роста городов к темпам роста регионов, в которых они расположены. Результаты отличаются от предыдущего сравнения. Намного выросла значимость небольших региональных центров, которые часто являются единственными центрами роста слабо развитых и депрессивных регионов. Снизилось значение миллионных городов. Они как региональные точки роста испытывают конкуренцию со стороны крупных промышленных центров.

На основании проведенного анализа можно выделить типологические группы городов, показав географию распространения волны роста. При этом для выделения иерархических групп необходимо учесть не только темпы роста, но и уровень развития. Это позволит определить порядок распространения волны ускоренного роста.

Таким образом, ускоренный рост концентрируется не только в региональных центрах, а передается на полупериферию (в пригороды агломерации и крупные города с преимуществами потребительского потенциала). При этом рост крупнейших региональных центров может быть меньше, чем у городов с исходно низким уровнем развития, но именно миллионные города с высоким уровнем экономического развития являются трансляторами роста.

После проведенного исследования особенностей ускоренного роста, можно провести типологию регионов на основании опережающего роста городских центров. Были выделены 3 типа регионов с несколькими подтипами, для которых обозначены особенности диффузии роста.

Таблица 1

Крупные города-лидеры по средним темпам роста

Численность населения	Численность занятых	Промышленное производство	Ввод жилья
Екатеринбург Казань Новочебоксарск Нижнекамск Стерлитамак Копейск Салават Оренбург Челябинск Сызрань	Каменск-Уральский Тольятти Копейск Самара Челябинск Чебоксары Сызрань Нижний Тагил Новокуйбышевск Казань	Набережные Челны Нижний Тагил Дзержинск Златоуст Миасс Каменск-Уральский Октябрьский Новокуйбышевск Чебоксары Саранск	Ижевск Копейск Первоуральск Пенза Каменск-Уральский Новочебоксарск Екатеринбург Уфа Новокуйбышевск Энгельс
Заработная плата	Розничная торговля	Платные услуги	Инвестиции
Нижний Новгород Саранск Миасс Каменск-Уральский Первоуральск Чайковский Ульяновск Екатеринбург Новокуйбышевск Салават	Чебоксары Новокуйбышевск Нижний Тагил Сызрань Каменск-Уральский Казань Екатеринбург Уфа Копейск Челябинск	Стерлитамак Салават Уфа Октябрьский Екатеринбург Чайковский Пенза Новочебоксарск Нижний Тагил Нефтекамск	Копейск Салават Киров Оренбург Глазов Казань Балаково Дзержинск Новочебоксарск Златоуст

Таблица 2

Города с наибольшим опережением региональных темпов роста

Численность населения	Численность занятых	Промышленное производство	Ввод жилья
Екатеринбург Новочебоксарск Киров Пенза Пермь Арзамас Копейск Чайковский Димитровград Саранск	Каменск-Уральский Чебоксары Тольятти Копейск Самара Курган Челябинск Нижний Тагил Киров Йошкар-Ола	Набережные Челны Нижний Тагил Новотроицк Златоуст Октябрьский Миасс Оренбург Березники Орск Дзержинск	Копейск Энгельс Йошкар-Ола Уфа Пенза Ижевск Альметьевск Набережные Челны Первоуральск Ульяновск
Заработная плата	Розничная торговля	Платные услуги	Инвестиции
Нижний Новгород Чайковский Новокуйбышевск Миасс Самара Пермь Ульяновск Салават Каменск-Уральский Уфа	Чебоксары Новокуйбышевск Сызрань Нижний Тагил Новочебоксарск Балаково Уфа Казань Н. Новгород Пермь	Стерлитамак Салават Чайковский Екатеринбург Уфа Новочебоксарск Нижний Тагил Октябрьский Магнитогорск Новотроицк	Глазов Копейск Салават Киров Оренбург Балаково Дзержинск Новочебоксарск Березники Казань

**Иерархия городов по порядку распространения
волны ускоренного роста**

Иерархические группы	Города	Индикаторы и особенности роста
Крупнейшие региональные центры развитых регионов	Пермь, Казань, Самара, Челябинск, Екатеринбург, Уфа	Розничная торговля, заработная плата, строительство
Крупнейшие города, отстающие по уровню доходов	Нижний Новгород	Заработная плата (наибольший рост), розничная торговля
Центры менее развитых регионов	Чебоксары, Киров, Оренбург (промышленный фактор роста)	Численность занятых, жилищное строительство
Города, входящие в крупные агломерации	Копейск, Новокуйбышевск, Новочебоксарск, Энгельс	Жилищное строительство, розничная торговля
Крупные промышленные центры с высоким уровнем доходов, часто с высокими темпами роста	Магнитогорск, Нижний Тагил (исходно низкий уровень развития).	Промышленное производство, платные услуги, розничная торговля (слабо проявляются)

1. Регионы с полицентрической конфигурацией точек роста (ускоренный рост характерен для центра и других городов).

1.1. Ускоренное развитие центра и, по более узкому спектру направлений, второго города (по 1-3 показателям, один из которых промышленное производство): Башкортостан, Татарстан, Свердловская область.

1.2. Темпы роста некоторых крупных городов почти равны темпам роста регионального центра: Челябинская, Самарская.

2. Регионы с моноцентрической конфигурацией точек роста (ускоренный рост только в главном городе).

2.1. Сильное отставание других крупных городов от среднерегиональных темпов роста, за исключением показателей, связанных с индустрией (промышленное производство, заработные платы, инвестиции): Пермский край, Оренбургская область, Удмуртия

2.2. Сильное отставание других городов по большинству показателей. Саратовская, Ульяновская области.

2.3. Отсутствие других крупных городов при ускоренном росте регионального центра (или центральной агломерации): республика Марий Эл, Чувашия, Кировская, Пензенская, Мордовия, Курганская области.

3. Регион с миллионным городом, в котором относительно слабо выражена функция региональной точки роста: Нижегородская область.

Именно в регионах первого типа с центром-лидером ускоренного роста и другими центра-

ми, способными перенять от него импульс роста, происходит развитие регионов в рамках диффузии роста от центров первого порядка к центрам второго порядка (полупериферии). В этом случае не происходит значительного усугубления неравномерности регионального развития, которое признано одной из главных проблем мирового экономического развития [2]. Однако, большинство регионов относятся ко второму типу, в них происходит усиление внутрирегиональной дифференциации уровня развития.

Для сравнения городов между собой по темпам роста был подсчитан интегральный индекс (I) – сумма девяти приведенных в таблице 1 нормированных показателей с учетом коэффициента $n/9$, где n – число показателей, значения которых увеличивались в среднем за рассматриваемый период. Полученный индекс определяет совокупные темпы роста всех показателей с поправкой (коэффициентом), уменьшающей значение центров с ярко выраженным ростом лишь по нескольким из них.

Для создания интегрального индекса опережающего роста городов относительно своих регионов (I_{reg}) проведено нормирование и суммирование 9 показателей опережающего роста (табл. 2) для каждого города по отношению к своему региону. Поправочный коэффициент введен по тому же принципу. Индекс отражает силу проявления функции городов как региональных центров ускоренного роста.

Расчеты показали, что по значению индекса I выделяются Казань, Екатеринбург и Уфа.

Таблица 4

**Группы городов по значимости как центров опережающего роста
на внутрирегиональном уровне и в масштабах Урало-Поволжья**

		Значимость на уровне Урало-Поволжья		
		Низкая	Средняя	Высокая
Значимость на внутрирегиональном уровне	Низкая	Новотроицк Орск Энгельс Балаково Сызрань Тольятти Димитровград Березники Миасс	Саранск Альметьевск Нефтекамск	Стерлитамак Набережные Челны Нижнекамск
	Средняя	Ульяновск Курган Глазов Чайковский Дзержинск Арзамас	Нижний Новгород Саратов Златоуст Октябрьский Салават Первоуральск	Чебоксары Новочебоксарск Нижний Тагил
	Высокая		Пермь Киров Оренбург Пенза Йошкар-Ола Магнитогорск	Казань Екатеринбург Челябинск Самара Уфа Ижевск Новокуйбышевск Копейск Каменск-Уральский

Из крупных промышленных центров наиболее значительны темпы роста во вторых-третьих городах – Нижнем Тагиле (причем не только промышленности), Набережных Челнах и Каменск-Уральском

По значению индекса $I_{\text{рег}}$ лидирует Киров. За ним следуют 6 миллионных городов, а Нижний Новгород значительно уступает другим региональным центрам, опережая лишь Чебоксары, Саратов и Саранск.

Следующим этапом сравнения тенденций роста городов является соотнесение их значимости как центров роста в Урало-Поволжье и как региональных точек роста (на основании 2-х интегральных индексов). Это позволит, во-первых, четко обозначить города, роль которых как точек опережающего роста недооценивается при сравнении показателей их роста с другими городами Урало-Поволжья. Во-вторых, определить города, которые являются как значимыми локальными точками роста, так и лидерами роста Урало-Поволжья в целом. В-третьих, определить субъекты, где ускоренный

рост главного города усиливает отрыв от других городов региона.

Таблица 4 показывает, что наиболее явными и устойчивыми центрами роста являются крупнейшие региональные центры и отдельные города, входящие в их агломерацию (правый нижний угол). Нескольконеожиданно попадание в эту группу Ижевска, что может быть связано с эффектом низкой базы, так как рост начался после длительной депрессии, а также с концентрацией в столице республики возросших финансовых ресурсов от добычи нефти. Из промышленных городов Урало-Поволжья самым динамичным оказался Каменск-Уральский благодаря существенному улучшению экономической ситуации в 2000-е годы, что привело к росту всех основных показателей.

Вторая группа – более локальные точки роста – менее крупные региональные центры (Киров). В одиночку действующий статусный фактор роста может обеспечить этим городам лишь опережающий рост в рамках своего не очень развитого региона.

В данную группу входит также почти миллионная Пермь, что указывает на проблемы ее развития. Можно полагать, что Пермь по разным причинам исчерпала потенциал динамичного роста, в том числе и по причине роста конкуренции со стороны соседнего Екатеринбурга.

Крупные промышленные центры, являясь лидерами роста Урало-Поволжья, играют значительно меньшую роль (при сравнении с другими городами) как центры опережающего развития своих регионов. Это происходит либо из-за высоких среднерегionalных темпов роста (Татарстан и Свердловская область), либо по причине ускоренного роста региональных центров благодаря агломерационному и статусному эффекту (большинство регионов).

Таким образом, крупные города, темпы роста в которых выше, чем темпы роста в регионе, способствуют его развитию. При этом наиболее значимыми региональными точками роста являются города, которые и на фоне других центров Урало-Поволжья показывают опережающее развитие (Уфа, Казань).

В заключение еще раз отметим важнейшие особенности развития крупных городов и регионов Урало-Поволжья.

1. Положением миллионных городов на фоне уже сформировавшихся зон роста за период экономического роста (1999–2005) улучшилось. Хотя конкуренция за трудовые ресурсы миллионные города Урало-Поволжья проигрывают федеральным городам, но внутренние ресурсы обеспечивают сокращение разрыва уровня развития в целом.

2. Миллионные города являются наиболее значимыми центрами сосредоточения социальных и экономических ресурсов своих регионов, причем степень концентрации экономической активности усиливается. Об этом свидетельствует повсеместное сокращение разрыва в уровне оплаты труда между экспортно-промышленными городами, лидировавшими по заработной плате в начале периода экономического роста, и миллионными городами.

3. Наиболее значимыми региональными точками роста являются крупные города, которые показывают опережающее развитие как на уровне своего региона, так и на фоне других центров Урало-Поволжья (Казань, Екатеринбург, Челябинск, Самара, Уфа). Они действительно являются локомотивами роста регионов. Эти города

имеют высокие темпы роста инвестиций, строительства, розничной торговли, заработной платы и занятых на уровне Урало-Поволжья. На фоне регионов опережающе растет уровень заработной плат, строительства и розничной торговли. Среди промышленных центров значимых точек роста немного (Каменск-Уральский, Магнитогорск, Нижний Тагил).

4. В пределах региона волна роста распространяется от центра к крупным городам двух типов: города-спутники региональных центров и промышленные центры с выгодной специализацией и высоким уровнем доходов, но слабо развитым третичным сектором. При этом темпы роста различных показателей этих городов часто слабо связаны с уровнем их развития, так как действует эффект низкой или высокой базы.

5. В Татарстане, Башкортостане, Свердловской и Челябинской областях происходит диффузия роста от центра к периферии, что не дает значительного усугубления неравномерности внутрирегионального развития. Но в большинстве регионов внутрирегиональная дифференциация усиливается: региональная столица является единственным центром опережающего роста.

Активный рост крупнейших городов за счет агломерационного и статусного эффекта часто отрицательно сказывается на развитии других городов региона на стадии первичной концентрации экономических ресурсов. Но если эта стадия имеет место во всех рассмотренных регионах, то последующая стадия трансляции роста от центра к периферии возможна только на территориях со сформировавшейся иерархией потенциальных точек роста. В регионах, где центральная агломерация концентрирует почти все экономические ресурсы, эта трансляция почти невозможна. Но и в регионах, где существуют несколько центров сосредоточения экономической активности, диффузия роста встречает барьеры. Главными из них являются специфические проблемы промышленных городов, так как других нестоличных центров сосредоточения экономической активности в Урало-Поволжье нет. Следовательно, глубоко промышленный характер большинства городов этой части страны препятствует устойчивому региональному развитию и способствует усугублению дистанции в уровне развития третичного сектора между центрами с диверсифицированной и узкоспециализированной экономикой. Но именно развитие третичного сектора решает проблему устойчивого развития регионов и России в целом.

Библиографический список

1. Martin P., Ottaviano G. Growth and Agglomeration, 1996.
 2. The 2009 World Development Report. Report Outline, the Document of the World Bank.
 3. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003.
 4. Зубаревич Н. В. Стратегии пространственного развития в период экономического роста // Вестник МГУ, Серия география. – 2008. – № 1.
 5. Регионы России 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006. Статистический сборник. – М.: Госкомстат.
 6. Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Сильные и слабые города России / Известия РАН. – Серия география. – 2000.
-
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Ю.Ю. Ковалев, А.В. Степанов
(г. Екатеринбург)

РЕГИОНЫ ЕС В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГ)

Kovalev Yu.Yu., Stepanov A.V.

REGIONS OF EU IN GLOBAL ECONOMIC SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF THE FEDERAL GROUND BADEN-WURTTENBERG)

In this article some aspects of influence of globalization of the world economy on economic development of one of the federal grounds Germany – Baden-Wurttemberg, concerning to regions of the world which win from the given processes are examined. The regional economy is guided on by a foreign market more and more, and the basic changes in economy are connected to development of the high technology branches.

Процессы глобализации хозяйственной деятельности оказывают все большее воздействие на экономическое развитие регионов Европы. Изменение политической ситуации в мире в начале 1990-х гг., либерализация международной торговли, технический прогресс ускорили процессы «сжатия» мирового хозяйства. Это нашло свое отражение в росте показателей товарооборота между странами мира, проникновении и отчасти взаимопроникновении национальных хозяйственных структур экономических пространств других стран. Открытие границ усилило конкурентную борьбу как среди ТНК, так и между регионами мира: борьбу за успех, за экономическое процветание. Компании вынуждены менять стратегии развития, делая упор на производство наукоемких продуктов, рационализацию производства и логистику, глобальный аутсорсинг. Это ведет к «ломке» традиционной отраслевой и секторальной структуры хозяйства стран и регионов, к изменениям в социальной структуре населения. Многие старопромышленные отрасли развитых стран не выдерживают конкуренции со стороны более дешевых иностранных производителей и вынуждены искать новые штандорты для своей деятельности. Эти процессы характерны и для хозяйства федеральной земли ФРГ Баден-Вюртемберг. Так, напри-

мер, его текстильная промышленность уже на протяжении десятков лет характеризуется постоянным сокращением производства. Многие известные немецкие швейные и кожевенно-обувные концерны, имевшие здесь свои производственные центры («Adidas», «Rieker», «Salamander»), отказываются от производства и переходят к стратегии создания дочерних предприятий в регионах с низкими производственными издержками. В компетенции немецких отделов остается управление, планирование, маркетинг, дизайн, НИОКР. Например, спортивная одежда и обувь марки «Adidas» производится сегодня на 96% в странах Азии, но разрабатываются новые модели в Германии и США. Доктрина перехода от производства товаров к производству идей в крупных немецких швейных и обувных концернах прямо отражается на динамике численности занятых. Известная на весь мир вюртембергская марка «Salamander», имевшая в середине 1960-х гг. тысячи занятых, насчитывала в 2007 г. около 40 сотрудников, работающих лишь в системе глобального управления.

Наличие в мире регионов с дешевой, но глубоко мотивированной рабочей силой, с одной стороны, с другой – регионов с быстрорастущими национальными рынками стимулирует инвестиции из Баден-Вюртем-

берга. Они направляются на создание новых производственных и дистрибутивных предприятий. Экспансия регионального капитала отражается на показателях прямых иностранных инвестиций, отток которых из региона в 2006 г. на более чем 30 млрд. евро превышал их приток. Более 40% региональных предприятий можно отнести к категории ТНК. Дочерние или совместные предприятия «Bosch», «SAP», «Daimler» и др. действуют в десятках стран мира, а число их сотрудников измеряется сотнями тысяч. В одной только Индии насчитывалось в первой половине 2008 г. около 350 компаний из Баден-Вюртемберга; более 60 компаний осуществляли собственное промышленное производство¹.

Высокие показатели внешней торговли Баден-Вюртембергаскладываются во многом за счет интенсивной торговли по каналам производственных цепей. По данным статистики, около 40% комплектующих деталей, необходимых для сборки автомобиля «Mercedes» на заводах «Daimler» в Штутгарте поступают из других регионов мира. Доля продукции автомобилестроительной индустрии занимает второе место в структуре регионального импорта. В 2006 г. автомобильный регион № 1 в Европе – Баден-Вюртемберг – импортировал продукцию автомобилестроения на сумму, превышающую 11 млрд. евро. В то же время экспорт автомобилей и их компонентов превышал 34,5 млрд. евро. Глобальный игрок – концерн «Daimler AG» – отправляет каждую ночь два полных железнодорожных состава с автомобилями и их комплектующими от центрального рассылочного пункта компании в Унтертюркхайме (р-н Штутгарта) до немецкого порта Бремерхафена, откуда они поступают в другие регионы мира. В аванпорты Штутгарта – Роттердам и Антверпен – автомобильные комплектующие (моторы, ходовые части, оси) поступают водным путем: три раза в неделю контейнеры, загруженные деталями для автобусов, легковых и грузовых автомобилей марки «Mercedes» транспортируются судами речного флота по рекам Неккар и Рейн вплоть до портов назначения. Детали, узлы и модули предназначены для заводов-филиалов в Северной и Южной Америке, Азии и Африке.

Деятельность региональных ТНК способствует все большей интеграции Баден-Вюртемберга в глобальную экономическую систему

Он превращается в т.н. «глобальный регион», т.е. в регион с высокой зависимостью местной экономики от экспорта товаров и услуг в зарубежные страны, с относительно высокой долей занятых на предприятиях иностранных ТНК, с набором собственных ТНК, имеющих здесь свои «командные посты», центры НИОКР и оперирующих по всему миру.

Значительную роль играет Баден-Вюртемберг в глобальной системе промышленного производства. Регион не только производит промышленные товары для внутреннего, германского и внешнего рынков, но также является одним из мировых лидеров по инновационному развитию отдельных отраслей и прежде всего автомобилестроения и электротехники. Тесная взаимосвязь науки и промышленного производства усиливает конкурентоспособность региона, делает его продукцию инновационной, современной, привлекательной для покупателей. Неслучайно то, что регион занимает высокие позиции в мировой торговле промышленными товарами. В 2006 г. федеральная земля экспортировала товаров на сумму около 142 млрд. евро, что составляло около 2% глобального экспорта. Доля Баден-Вюртемберга в экспорте Германии составляла 15,7%. По этому показателю он уступал лишь федеральной земле Северной Рейн-Вестфалии (160 млрд.).

Рост регионального экспорта оказал значительное влияние на темпы роста ВВП региона (более 3% в 2007 г.). Зарубежный спрос на продукцию автомобильной промышленности Баден-Вюртемберга на 80% превосходил спрос на внутреннем рынке. Это было характерно и для других отраслей промышленности региона. Внутренний спрос на их продукцию был крайне низким (2007 году, например, в Германии было продано наименьшее число автомобилей с момента ее объединения). Низкий внутренний спрос заставляет компании все более ориентироваться на внешний рынок. Это отражается на росте числа дочерних предприятий Баден-Вюртемберга за рубежом, а также на показателях экспорта: в период 1995–2005 гг. стоимость экспортируемой продукции ежегодно росла на 7%, что более чем в два раза превышало рост ВВП региона.

Из ведущих стран-импортеров продукции Баден-Вюртемберга в 2006 г. необходимо отметить: США (12%), Францию (10%), Италию (8%), Великобританию (7%), Швейцарию (6%),

¹ «Stuttgarter Zeitung». № 160. 11.07.2008.

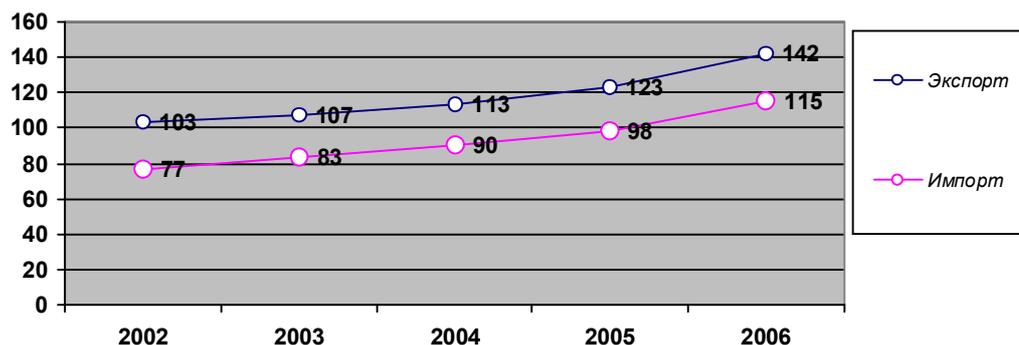

Рис. 1. Внешняя торговля Баден-Вюртемберга в период 2002–2006 гг. (млрд. евро)

Источник: Statistisches Landesamt Baden-Württemberg²

Испанию (5%), Нидерланды (5%), Бельгию (4%). На страны ЕС, в целом, приходилось более 50% экспорта Баден-Вюртемберга. В последние годы выросла роль КНР и России, как новых рынков сбыта продукции региона. Объем экспорта в эти страны имеет наибольший рост. Так, в Россию он увеличился в первом квартале 2008 г. по сравнению с 2007 г. на 25%, в Китай – на 19,7%. В то же время экспорт товаров в Великобританию, Италию, Бельгию и ряд других стран сократился.

Основными статьями экспорта региона является продукция автомобилестроения, электротехника и электроника. Эти отрасли относятся к наукоемким производствам, с высокими затратами на НИОКР. Исследования показывают, что существует определенная корреляция между уровнем расходов на НИОКР и величиной экспортной квоты, а именно: экспортная квота растет одновременно с ростом затрат на НИОКР. Так, экспортная квота компаний, инвестирующих менее 5% от их оборота капитала на НИОКР, не превышает 12%. Предприятия, с расходами на НИОКР свыше 5%, имеют экспортную квоту, превышающую 22%. Инновационные продукты остаются основой экспорта Баден-Вюртемберга.

Большую часть регионального импорта составляла продукция обрабатывающей промышленности. Это – изделия химической и фармацевтической промышленности (23 млрд. евро), автомобилестроения (11 млрд.), товары электронной и электротехнической отрасли

(8 млрд.), общего машиностроения (10 млрд. евро). Основная доля продукции импортировалась из стран Европы и США. Из главных стран-экспортеров нужно отметить США, Францию, Италию (каждая по 9%), Швейцарию (8%) и др.

Глобализация экономической деятельности региона выражается не только в росте экспорта промышленной продукции и услуг, но и в широкой миграции производства в другие страны мира. Так, в основном, крупные компании Баден-Вюртемберга имеют свои производственные мощности, филиалы, дочерние предприятия за рубежом. Их доля составляет около 41% всех предприятий региона. Таким образом, большая часть компаний земли (59%) пока еще не имеют филиалов за рубежом. В основном, это малые и средние предприятия, ориентированные на внутренний рынок, на обслуживание местного населения. Что касается отдельных отраслей, то здесь показатель транснационализации сильно варьирует по секторам и отраслям хозяйства. Наиболее транснационализированной является автомобилестроение Баден-Вюртемберга. В нем около 70% компаний имеют зарубежные филиалы. В электротехнике этот показатель составляет 55%; в техническом консалтинге – 50%; в правовом консалтинге – 33%; информационных и телекоммуникационных услугах – 30%; оптовой торговле – 28%. Из этого вытекает, что промышленный сектор имеет больший уровень транснационализации в регионе.

² Statistisches Amt Baden-Württemberg. Электронный адрес: <http://www.statistik.baden-wuerttemberg.de/>

Таблица 1

Создание рабочих мест на территории ФРГ и за рубежом промышленных компаний Баден-Вюртемберга в 2007 г.

Компания	Новые места в ФРГ, (чел.)	Новые места за рубежом, (чел.)
Robert Bosch AG	2 000	8 000
Mahle	335	9 011
ZF Friedrichshafen	1 300	1 700
Voith	1 050	1 250
SAP	535	3 601
Trumpf	272	307
Porsche	400	100
Würth	1 006	2 005

Источник: Stuttgarter Zeitung. № 51. 2008.

Показателем, определяющим уровень транснационализации компаний региона, является объем их прямых иностранных инвестиций. В 2005 г. объем прямых иностранных инвестиций компаний Баден-Вюртемберга за рубежом превысил 102 млрд. евро, что составляло 26% от ВВП региона. Таким образом, квота иностранных инвестиций региона превосходила на 2% средний показатель по Германии. Но, однако, была значительно ниже, чем средний показатель по ЕС (37%) и сильно уступала показателю Бельгии, Люксембурга, Швеции, где она превышает 60%. Из ведущих стран-получателей инвестиций наибольший вес имели страны ЕС, США (27,1 млрд. евро), Бразилия (2,2 млрд. евро). Крупными реципиентами являлись также новые страны-члены ЕС, Китай, Россия, Турция. Основная причина оттока капитала за рубеж (по данным опроса местных предпринимателей) – стратегия освоения и закрепления позиций компаний на новых (КНР, страны Восточной Европы), а также старых (США, ЕС 15) региональных рынках. Львиная доля инвестиций региональных компаний (около 50%) идет на покупку акций других зарубежных фирм, в большинстве случаев компаний-конкурентов. Так, одним из значительных приобретений компании SAP, специализирующийся на производстве компьютерных программ для промышленности и сферы услуг стала в 2007 г. покупка пакета акций французской компании «Бизнес объект» (Business Objects) на сумму 4,9 млрд. евро. Слияния и поглощения – главные статьи инвестиций.

Более 20% прямых инвестиций идут на создание промышленных предприятий в других странах. Не только крупные («Bosch», «Daim-

ler»), но и средние, малые по численности сотрудников предприятия, инвестируют в новые производственные штандорты за рубежом. В экономической литературе это явление получило название «утечки рабочих мест». По данным Федерального статистического бюро ФРГ в Висбадене, из Германии в период 2001–2006 гг. «эмигрировало» 188 тыс. рабочих мест. Из них 60% приходились на новые страны-члены ЕС, 36% – на Китай³. В 2007 г. рост численности занятых крупных промышленных компаний Баден-Вюртемберга происходил в основном, в их зарубежных филиалах. Компания «Bosch AG» трудоустроила в филиалах более 8 тыс. специалистов у себя дома в Баден-Вюртемберге – 2 тыс. чел. У некоторых крупных концернов региона эти показатели были еще выше (см. табл. № 1).

Как мы уже отмечали, основная причина оттока рабочих мест – захват новых рынков сбыта. Высокие производственные издержки внутри наукоемких отраслей, по мнению региональных экономистов не играют существенной роли на принятие решения о передислокации производства. Однако экономические реалии последних лет заставляют усомниться в правильности этого утверждения. Многие наукоемкие предприятия в области ИТК, микроэлектроники, автомобильной промышленности успешно ведут свою деятельность на мировых рынках, вопреки растущим показателям закрывают свои производства в Германии, чтобы открыть их в более удобных территориальных точках. Так, мюнхенский концерн «Эпкос», специализирующийся на производстве электронных компонентов и имеющий один из своих заводов в Баден-Вюртемберге (г. Хайденхайм), перенес уже

³ Stuttgarter Zeitung № 33 8.02.2008.

80% своих производственных мощностей в Индию и Китай. Причина – высокие производственные издержки в Германии. По данным компании, на 20% персонала, работающего в Германии, приходится 2/3 всех расходов на зарплату. В 2007 г. руководством компании были запланированы очередные сокращения кадров в немецких центрах и, в то же время, создание новых рабочих мест в Китае и Малайзии. Даже такие виды деятельности, как НИОКР и управление, ожидается в скором будущем закрытие и перенос в другие страны. По словам директора компании Г. Пегама, через 10–15 лет компания полностью изменит место прописки и перенесет свою штаб-квартиру из Мюнхена в одну из азиатских стран.

Другой пример – это история филиала финской компании «Nokia» в г. Бохум. Одно из самых современных предприятий концерна было закрыто в июне 2008 г. Решение о закрытии предприятия было оглашено в январе 2008 г. С этого времени коллектив завода пытался различными способами изменить постановление руководства концерна. Однако все мероприятия, направленные против этого решения (вплоть до бойкота населением продукции «Nokia»), закончились неудачей – завод в Бохуме закрыли и одновременно открыли новый филиал в румынском городе Клуж. Логика действий руководства проста: Германия слишком дорогой штандорт для концерна Румыния, напротив, дешевый и одновременно лояльный к иностранным инвесторам регион ЕС. Не случайно поэтому Румыния известна в мире как один из любимых штандортов глобальных игроков. В 2007 г. там действовало более 14 тыс. немецких фирм, на которых работало 90 тыс. граждан Румынии.

Сокращение грозит не только людям, выполняющим простые производственные операции, но и работникам умственного труда. В г. Ульме, где расположен исследовательский центр концерна «Nokia», более 300 исследователей с тревогой ожидают своей дальнейшей судьбы. Здесь же, на территории научно-парка, в 2006 г. был закрыт исследовательский центр компании «BenQ». Есть информация о скором закрытии исследовательского центра компании «Daimler». Все это говорит о том, что и научно-исследовательская деятельность также стремится найти для себя более удобные штандорты. Данные примеры невольно заставляют задуматься о границах экономической глобализации, о стра-

тегической уязвимости многих региональных проектов, когда даже такие наукоемкие отрасли, как микроэлектроника, производство компьютеров, а также связанные с ними исследования и разработки не застрахованы от глобального аутсорсинга. История развития Силиконовой долины в США – наглядный тому пример. За последние 20 лет уровень наукоемкости ее предприятий значительно вырос. То, что раньше определяло лицо Силиконовой долины (производство компьютеров, принтеров, полупроводников электронных компонентов), стало на сегодняшний день лишь побочной деятельностью. В Китае, во Вьетнаме или на Филиппинах их можно произвести с куда меньшими издержками. Поэтому компании долины занимаются тем, чем пока не могут заниматься вьетнамские, филиппинские, тайландские, и большинство китайских фирм, а именно – НИОКР, планированием, управлением. Очевидно, что и в Германии отрасли массового производства, будь то швейная промышленность или микроэлектроника, не имеют какого-либо будущего слишком уж дорогая рабочая сила здесь. Также НИОКР, ориентированный на оптимизацию производственных процессов, будет располагаться непосредственно вблизи производства. Поэтому Центры развития будут неразлучными спутниками серийных, трудоемких производств в их бесконечном движении от одного штандорта к другому в этом глобализованном мире-экономике. Стратегические научные исследования и разработки будут в дальнейшем оставаться прерогативой лишь отдельных регионов, хотя и они поставлены сейчас в жесткие рамки глобальной конкуренции. В них также наблюдаются процессы концентрации ресурсов (капитала, людей, техники). Кроме того, каждый последующий шаг в инновационном развитии требует все больших материальных и духовных затрат. В результате этого некоторые штандорты НИОКР будут вынуждены прекратить свое существование в пользу эффективного использования имеющихся ресурсов. Для Баден-Вюртемберга это означает рост наукоемких, знаниеинтенсивных отраслей, требующих квалификации и высокого качества труда. Поэтому высококлассный НИОКР, дизайн, маркетинг, управление и планирование производства и сбыта, а также инновационное машиностроение будут в дальнейшем составлять экономический базис региона.

Это подтверждают и недавние опросы более 1200 директоров машиностроительных компаний ФРГ: лишь 4% опрошенных планируют переносить свой НИОКР за рубеж. Около 23% считают, что доля зарубежных исследований и разработок будет сокращаться, и в то же время их доля будет увеличиваться на территории ФРГ⁴. Таким образом, будущее региона Баден-Вюртемберг, вероятнее всего, будет определяться не только в рамках глобальной производственной промышленной сети, но также в глобальной системе производства высокотехнологичных услуг.

Развитие интегрированного мирового хозяйства региона невозможно представить без современной транспортной инфраструктуры без новейших систем коммуникаций транспортных и логистических предприятий. Новые экономические реалии, связанные с расширением ЕС и усилением товарооборота между Востоком и Западом, сделали Баден-Вюртемберг важным звеном в транспортной системе объединенной Европы. Особую роль здесь играет автомобильный транспорт, предназначенный для ближних и средних перевозок. На сегодняшний день автомагистрали федеральной земли являются одними из самых загруженных в ФРГ. Частые автомобильные пробки стали повседневностью в регионе. Причина этого не только в возросших транспортных потоках, но и в дорожной инфраструктуре не отвечающей требованию времени. Так, по протяженности автомагистралей земля (1037 км.) уступала Баварии (2376 км.), Северной Рейн-Вестфалии (2172 км.) и Нижней Саксонии (1398 км.). По показателям густоты дорожной скоростной сети (29 км. на 1000 км²), Баден-Вюртемберг уступал Саару, Гессену, Северной Рейн-Вестфалии и Баварии. На отдельных участках скоростных шоссе число движущихся автомашин превышает 50 тыс. автомобилей в сутки. Так, участки Мангейм-Хайльбронн, по которому проходит транспортная ось «Запад-Восток» и Базель-Карлсруэ (европейская ось «Юг-Север») – самые загруженные в регионе.

Модернизации требует также и железная дорога. Через Баден-Вюртемберг проходят важнейшие трансевропейские транспортные коридоры: Лион-Роттердам и Париж-Будапешт. Но средняя скорость движения поездов на баден-вюртембергском участке ниже, чем в других

регионах. Причина этого – чрезмерная загруженность немецких железных дорог. В связи с этим планируется строительство дополнительной скоростной дороги на линиях «Штутгарт-Ульм» и «Базель-Карлсруэ». Предполагается также строительство нового, ультрасовременного железнодорожного вокзала в Штутгарте и скоростной магистрали к аэропорту и выставочному комплексу Баден-Вюртемберга. Грандиозные планы уже получили громкое название «Штутгарт21». Проект, который широко рекламируется земельным и городским правительством, призван превратить город в глобальный транспортный узел, с ультрасовременной инфраструктурой, телекоммуникациями с привлекательной для жизни людей городской средой. Реализация грандиозных планов встречает, однако, уже на начальном этапе огромные трудности. Это связано с тем, что для осуществления проекта требуются гигантские инвестиции в размере десятков миллиардов евро. Огромные государственные расходы ставят вопрос о его целесообразности. В 2006 г. была создана гражданская инициатива по бойкотированию планов регионального правительства. Было собрано несколько сотен тысяч подписей против планируемого строительства. Дальнейшая судьба проекта пока не ясна, и, по-видимому, она будет решена только лишь в судебном порядке.

Важную роль в транспортной системе региона играет внутренний водный транспорт. Хотя транспортная напряженность на участке Среднего Неккара несравнимо меньше, чем, например, на Среднем Рейне, значение речного флота в грузообороте региона огромно. Благодаря системе шлюзов, на Неккаре возможна непрерывная транспортировка грузов в двух направлениях. По Неккару доставляются в Штутгарт и его пригороды различные товары. Главные из них – это нефть и нефтепродукты (1 млн. т. в 2007 г.), чугун, сталь, металлолом (440 тыс. т.), строительные материалы (338 тыс. т.). В обратном направлении транспортируются как продукты, подлежащие утилизации, так и изготовленные в регионе промышленные товары и полуфабрикаты. Для этого в штутгартском порту в 1993 г. был построен контейнерный терминал (SCT), так как именно в контейнерах осуществляется наибольший объем перевозок. В 2007 г. грузооборот речного порта составил более 19 тыс. контейнеров⁵. Большая часть экспорти-

⁴ «Maschinenbauer weiten Forschung im Inland aus». Stuttgarter Zeitung. № 271. 2006.

⁵ «Kein Stau auf dem Wasser». Stuttgarter Zeitung. № 163. 2008.

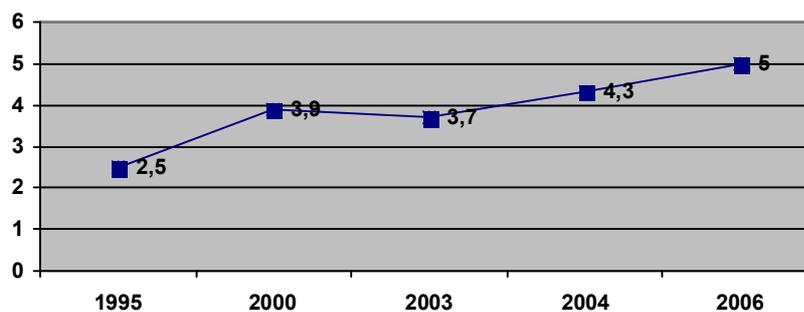

Рис. 2. Динамика численности прибывших пассажиров в аэропорт Штутгарт в период 1995–2006 г. (млн. чел.)

Источник: Stuttgarter Zeitung № 97. 2008.

руемой продукции – узлы, компоненты, комплектующие детали автомобилей. Компания «Daimler» перевозит 33% своей продукции по рекам Европы. Главным направлением грузовых потоков являются порты Роттердама и Антверпена. Через них грузы компании «Daimler» идут в другие регионы мира. По данным компании, использование речной флотилии позволило в период 2004–2007 гг. сэкономить более 4500 автомобильных рейсов и предотвратить выброс в атмосферу более 4 тыс. т. углекислого газа¹.

Возросло также значение воздушного транспорта в пассажирских и грузовых перевозках. Аэропорт Штутгарт – один из самых динамично развивающихся аэропортов Германии. По количеству прибывших пассажиров, он занимал в 2006 г. 4-е место в Германии (5 млн. чел.), уступая лишь Франкфурту (26 млн. чел.), Мюнхену (15 млн.) и Дюссельдорфу

(8 млн. чел.). Аэропорт Штутгарт имеет регулярные воздушные сообщения с более чем 40 странами мира, в том числе и с РФ.

Дальнейшее развитие воздушного транспорта в регионе связано со строительством второй взлетной полосы, способной принимать более крупные самолеты. Также, как и в случае «Штутгарт 21», этот проект наталкивается на сильное сопротивление со стороны населения, проживающего вблизи аэропорта.

Таким образом, Баден-Вюртемберг относится к тем регионам мира, которые, несомненно, выигрывают от глобализационных процессов. Региональная экономика все больше ориентируется на мировое хозяйство, на внешний рынок. Широкий упор делается на развитие наукоемких отраслей, создание сетей компетенций, на тесное взаимодействие науки и производства. От этого выигрывает не только региональные предприятия, но и регион в целом.

Библиографический список

1. Cost, Hilde/Körber-Weik, Margot (Hrsg.) Die Wirtschaft von Baden-Württemberg im Umbruch. Stuttgart. 2002.
2. Fischer, Thomas/ Frech, Siegfried (Hrsg.): Baden-Württemberg und seine Partnerregionen. Stuttgart. 2001.
3. Geographie Baden-Württembergs. Raum, Entwicklung, Regionen. Stuttgart. 2008.
4. Statistisches Jahrbuch 2007. Für die Bundesrepublik Deutschland. Statistisches Bundesamt. Wiesbaden. 2007.
5. Baden-Württemberg. Gesellschaft, Geschichte, Politik. Stuttgart. 2006.
6. Stuttgarter Zeitung. Период 2005–2008 гг.
7. Statistisches Landesamt Baden-Württemberg 2008.
Электронный адрес: <http://www.statistik.baden-wuerttemberg.de/>

¹ «Motoren per Schienen und Schiff in die ganze Welt» Stuttgarter Zeitung. № 33. 2008.

С.А. Пушкевич
(г. Минск)

СРЕДНИЕ ГОРОДА БЕЛАРУСИ ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ ПО ИХ РЕШЕНИЮ

Pushkevitch S.A.

AVERAGE CITIES OF BYELORUSSIA: THE BASIC SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE DIRECTION OF ACTIONS UNDER THEIR DECISION

In this article questions of social and economic and innovative development of average cities of Byelorussia are analyzed and ways of their development on prospect are continued

У каждой страны есть своя национальная система расселения. Шведский географ Рудольф Челлен при формировании своей геополитической концепции включал её в предмет изучения морфополитики и был по-своему прав: национальная система расселения есть каркас, скрепляющий территорию страны воедино.

Опираясь на вышеизложенное, а также на теорию распространения инноваций Турстена Хёгерстранда, можно охарактеризовать роль городов различного ранга. Большие и крупные города есть главные центры инноваций и социально-экономического прогресса, что подтверждается для большинства стран мира. Малые города – окраины, хранители традиций, осуществляют приём импульсов. Средние как раз и являются передатчиками вектора социально-экономического и инновационного развития.

В Республике Беларусь на 01.01.2006 г. насчитывалось 25 средних городов с общей численностью населения 1 165,9 тыс. чел., что составило 12% от общего населения республики и 16,7% её городского населения [1].

Гипертрофированное (а в 1970-е гг. – даже форсированное) развитие белорусской столицы в купе с влиянием Чернобыльской катастрофы явились двумя главными факторами нарушения демографического развития и социальной сферы средних городов Беларуси, и это привело к нарушениям и отклонению их от правила «ранг-размер» (правила Ципфа). Показательно то, что в 8 случаев причинами стали социально-экономические факторы; на все остальные пришлась лишь четверть. И в сред-

несрочной и долгосрочной перспективе в результате нарушений основным вектором развития средних городов в этом плане будет являться демографическая стагнация и дальнейшее сокращение численности населения; преодолеть различия «ранг-размер» удастся лишь двум городам из 25 (рис. 1).

О производственном потенциале можно сказать, что почти каждый из средних городов РБ имеет в наличии хотя бы по одному предприятию машиностроения и/или металлообработки, пищевой или лёгкой промышленности. Имеются примеры выделения кластеров [3], и возможно сказать, что есть и конкурентоспособные, а рентабельность в некоторых из них (Жлобин, Жодино, Полоцк и Лида) опирается на экспортноориентированность (рис. 2). Но нужно учитывать, что в составе кластеров средних городов Беларуси преобладают базовые отрасли, доля новейших по информационным технологиям отраслевых секторов промышленности средних городов Беларуси в их кластерах мизерна, и зачастую в состав кластеров входят лишь базовые отрасли и/или отрасли конечного потребления. Всё вышеперечисленное сказывается на потенциальных возможностях кластеров и городов в целом [4].

Важно будет знать, какую роль играют в системе расселения средние города в Зарубежной Европе. Для показательности возьмём страны с различным уровнем социально-экономического развития и географическим положением. Одна из них входит в Большую семёрку, а другая не в столь отдалённое время входила в Варшавский блок. Эти две страны – Франция и Польша.

Рис. 1. Социально-демографическая оценка средних городов Беларуси [2]

По источникам [5–6] была составлена таблица 1, где отражён удельный вес средних городов Франции, Польши и Беларуси в населении стран, в том числе и городском

Теперь проанализируем таблицу. Как видно из данных, сеть расселения стран Зарубежной Европы более устойчива, нежели белорусская, ибо средние города там занимают более высокое место в табели о рангах. Появляется следующая информация к размышлению:

- Чем выше уровень развития страны, тем больше доля средних городов
- Для больших городов больше характерно чувство усталости, в малых же мало мест приложения труда
- Средние города обеспечивают устойчивость национальной системы расселения.

- Оптимальные города для проживания людей в мире – средние.

При критическом анализе далеко не со всем из названного можно согласиться, но второе и третье положения – непреложные факты, с которыми приходится считаться. Вывод можно сделать следующий в сравнении со странами Зарубежной Европы наша сеть средних городов проигрывает именно в силу немногочисленности своего состава, а также гипертрофированного развития столицы и областных городов. В этом заключается один из краеугольных камней хрупкости и сбоев системы передачи социально-экономического прогресса от центров к периферии и столь больших разрывов в развитии столицы и глубинки. В этом слабое место системы белорусских средних городов.

Рис. 2. Производственный потенциал средних городов Беларуси [2]

Частично исправить такое положение дел призвана Государственная программа.

Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений Республики Беларусь на 2007–2010 годы (далее – Комплексная программа) разработана на основе Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 12 июня 2006 г. № 384 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., № 92, 1/7667), программ социально-экономи-

ческого развития регионов (областей), программ социально-экономического развития поселков городского типа и городов районного подчинения с численностью населения до 50 тыс. человек, разработанных облисполкомами и райисполкомами в соответствии с пунктом 41 Плана мероприятий по реализации решений третьего Всебелорусского народного собрания, утвержденного распоряжением Президента Республики Беларусь от 30 июня 2006 г. № 222рп.

В целях более равномерного размещения производительных сил страны необходимо

Таблица 1

**Сравнительная характеристика удельного веса средних городов
во Франции, Польше и Беларуси [сост. по 5–6]**

Страна	Численность населения в 2008 г., млн. чел.	Количество средних городов	Уровень урбанизации, %	Доля средних городов в общей численности населения страны, %	Доля средних городов в городском населении страны, %
Франция	62,0	424	76,0	25,0	33,0
Польша	38,1	181	62,0	19,0	31,0
Беларусь	9,6	25	72,6	12,0	16,5

обеспечить комплексное развитие внутриреспубликанских регионов, приоритетное развитие малых и средних городских поселений. Эти задачи предполагается решать на основе Комплексной программы [7].

Региональная промышленная политика будет направлена на совершенствование отраслевой структуры промышленного комплекса на основе осуществления проектов наукоемкой высокотехнологической направленности в регионах с высоким научно-техническим потенциалом (Витебская и Гомельская области); приоритетное развитие отраслей и производств, работающих на местном сырье (Брестская, Гродненская и Минская области); ускорение темпов модернизации, внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий в регионах, ориентированных преимущественно на привозное сырье (Витебская, Гомельская и Могилевская области).

Аграрная политика будет нацелена на создание высокоэффективного сельскохозяйственного производства, обеспечивающего увеличение вклада каждой области в продовольственные ресурсы страны путем внедрения рациональной специализации сельскохозяйственного производства, зональных систем земледелия с учетом экономических, почвенно-климатических и иных особенностей сельскохозяйственных зон; ускоренного развития кормовой базы животноводства на основе зернопропашной (Брестская, Гродненская и Минская области) и зернотравяной (Витебская и Могилевская области) систем. Предстоит также повысить продуктивность мелиорированных земель, продолжить переспециализацию сельскохозяйственного производства в загрязненных радионуклидами районах.

О выполнении Госпрограммы проще всего судить на наглядном примере. В нашем слу-

чае это не только наглядный пример, но и непосредственно объект, который нас интересует – малые и средние города.

Итак, каждому городу были даны задания на 2007 год по следующим направлениям:

- рост производства промышленной продукции;
- рост производства потребительских товаров;
- снижение уровня безработицы;
- создание новых рабочих мест;
- повышение уровня средней зарплаты;
- развитие малых предприятий;
- увеличение численности занятых в экономике.

Данные о заданиях малым и средним городам были получены в секторе социально-экономического развития городских поселений отдела социально-экономического развития регионов Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь.

Однако выполнение заданий обеспечили далеко не все городские поселения и далеко не по всем пунктам. В этом мы можем убедиться подвергнув анализу данные источника [8].

Основные закономерности выполнения заданий Госпрограммы малыми и средними городскими поселениями таковы:

- в целом неплохо выполнены задания по производству промышленных товаров (исключение – полесские области);
- удалось снизить общий уровень безработицы;
- показатели по количеству малых предприятий перевыполнены из-за вступления Указа Президента Республики Беларусь №760 в силу и его действия;
- фактически провалены задания по производству потребительских товаров: с ними не справилась и половина городов.

Таблица 2

SWOT-анализ системы средних городов Беларуси [2]

S Проводники социально-экономического прогресса Связующие звенья национальной системы расселения	W Малоблагоприятная демографическая ситуация Низкая управленческая культура Огромная степень износа ОПФ
O Исследования и использование природно-ресурсного потенциала для развития Развитие туризма и рекреации, междугородних и международных туристско-экскурсионных маршрутов	T Отсутствие взаимодействия местных властей и производителей Выпадение всё новых и новых городов из сети средних Падение и отсутствие сколь-нибудь малого интереса к развитию и вложению инвестиций у инвесторов

• зачастую показатель заработной платы затыгивался на протяжении года, а затем форсировался в его конце.

На основании предыдущих материалов была произведена попытка SWOT-анализа всей системы средних городов Беларуси в целом, то есть попытка оценить, что имеем на настоящий момент, к чему пришли. Сделать это для всей системы сразу довольно сложно, и утверждения, высказанные здесь, далеко не бесспорны, однако имеют право на существование. Поместим его в таблице 2.

В результате исследований выявлены основные социально-экономические проблемы развития средних городов Беларуси:

- Немногочисленность состава плюс гипертрофированное развитие столицы и областных городов обуславливают хрупкость национальной системы расселения и сбой системы передачи социально-экономического прогресса от центров к периферии и столь значительную социально-экономическую дифференциацию столица – средние города.

- Различность экономика-географического положения плюс его неэффективное использование обуславливают различия в возможностях и предпосылках развития.

- В зонах влияния крупных городов развитие средних городов затормаживается.

- Задания Государственной программы развития регионов, малых и средних городских поселений хуже всего выполняются полесскими городами, причём наиболее тяжёлая ситуация характерна для городских поселений, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС.

Каковы же направления действий хотя бы для начала решения вышеозначенных проблем?

Одним из ключевых направлений является кластерная политика, причём немаловажным будет координация деятельности предприятий, образующих кластеры. Последовательность действий включает моделирование, формирование базы, наблюдение и оценку эффективности действий со стороны местных органов власти. К.э.н. Ю.В. Винокурова (Российская академия госслужбы при Президенте РФ) предлагает следующие мероприятия муниципальной промышленной политики, основанной на кластерном подходе и направленной на стимулирование долговременного экономического роста:

- выявление узких мест в механизме взаимодействия, поддержка инвестиций в специализацию и подготовку кадров, стимулирование обмена идеями;

- привлечение компаний, которые заполняют пустые ниши в развитии кластера в целях его усиления и диверсификации развития;

- инвестиции в социальный капитал как наиболее недооценённый до сих пор фактор муниципального экономического развития [9].

Второе направление – социальные исследования, в том числе социально-психологические

- силы, движущие поведением и действиями людей города;

- социальные группы людей города, их взаимодействие и контакты между собой и приезжими;

- этнология города: что определяет задаёт тон среде, в которой проживает население города, что формирует его лик, жизненный и психологический микроклимат, как воздействует на проживающее в нём население;

- взаимодействие города как социально-экономической системы (люди и изменённая ими

среда) с национальной системой расселения и отдельными её звеньями, в особенности – близлежащими к городу [10]. Применение комплексного подхода позволит решать проблемы социально-экономического развития средних городов Беларуси наиболее эффективным образом.

Библиографический список

1. Средние города Беларуси и правило Ципфа: отклонения, причины, последствия, перспективы // Актуальные вопросы социально-экономического развития России в XXI веке: Аспиранты и студенты в научном поиске: II Межрегиональная научно-практическая конференция. – Смоленск: Универсум, 2007. – С. 303–307.
2. <http://middletowns.wordpress.com/> – Малые и средние города Беларуси: Факты, аналитика, диагностика, перспективы.
3. Ридевский Г.В. Территориальная организация Республики Беларусь: Социально-эколого-экономическая модель перехода к устойчивому развитию: Монография. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – 525 с.
4. Пушкевич С.А. Основные проблемы и пути повышения конкурентоспособности средних городов Беларуси // Актуальные проблемы развития российской экономики: Межвузовская студенческая конференция. – Казань: КГУ, 2008.
5. <http://www.world-gazetteer.com/> – World Gazetteer.
6. 2006 World Population Data Sheet. – Washington: Population Reference Bureau, 2006. – 12 p.
7. Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 гг. – Мн.: НИЭИ Минэкономики РБ, 2007.
8. Материалы НИЭИ Минэкономики РБ.
9. Винокурова Ю.В. Управление развитием промышленного кластера крупного города: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством (муниципальная экономика и управление местным развитием)». – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2007. – 27 с.
10. Пушкевич С.А. Цели, задачи и пути развития социально-психологического направления социально-экономической географии средних городов в Беларуси // Географическое образование и наука в России: история и современное состояние: Международная научно-практическая конференция. – СПб.: СПбГУ, 2008.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

В.Р. Битюкова,
А.Г. Махрова, В.Е. Шувалов
(г. Москва)

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ «УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ»

Bitiukova V.R., Mahrova A.G., Shuvalov V.E.

THE PROGRAM OF DISCIPLINE «STEADY DEVELOPMENT OF CITIES»

Цель курса: выработать методологические методические и практические навыки анализа факторов и специфики развития городов России и мира в рамках парадигмы устойчивого развития, дать общие и специальные знания об особенностях и проблемах устойчивого развития города как интегрального объекта изучения в географии.

Задачи курса:

- дать представление об устойчивом развитии городов на основе принципов сбалансированности экономической, экологической и социальной сфер в пространственном развитии городов
- представить основные концепции социально-экономического развития города и их роль в устойчивом развитии городов
- дать представление об отечественном и зарубежном опыте территориального планирования устойчивого развития городов и городских агломераций
- дать представление о генеральном плане и других видах градостроительного проектирования как инструментах устойчивого развития
- познакомить с опытом применяемой политики и механизмами устойчивого развития городской среды
- показать взаимосвязь социального, экономического и экологического территориального развития городов для целей устойчивого развития
- дать представление о зарубежном и отечественном опыте организации управления устойчивым развитием города

Место курса в системе образования бакалавра. Курс является базовым для программы бакалавриата по направлению подготовки 020400 – «География» и предоставляет возможность комплексного экономического, социального и эколого-географического изучения основных закономерностей и проблем развития городов в контексте парадигмы устойчивого развития.

Компетенции бакалавра на основе освоения курса. Бакалавр должен

- знать современные теоретические основы и принципы устойчивого развития городов
- знать и уметь применять основные индикаторы устойчивого развития городов
- понимать основные закономерности факторы и тенденции экологического и социально-экономического развития городов
- знать особенности тенденции организации территории города и устойчивого развития городской среды
- владеть основами экспертно-аналитической деятельности в сфере устойчивого развития городов

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Введение. Понятия «устойчивое развитие» и основные подходы его определению. Категории «устойчивое общество» и «устойчивое развитие». Теории Г. Брундтланд, Д. Медоуза, Дж. Рандерса, Б. Гэлбраса, У. Джаннерса. Существующие концепции устойчивого развития. Основные научные принципы устойчивого развития.

Понятие устойчивого развития города как прикладного направления в рамках парадигмы устойчивого развития. Место города в территориальной организации устойчивости социума на разных иерархических уровнях.

Интеграция социальных, экономических, экологических и управленческих факторов как основной методологический подход к анализу устойчивого развития города. Общие проблемы устойчивого развития города и роль социально-экологических императивов в формировании благоприятной среды проживания человека. Ведущая целевая установка устойчивого развития города – достижение высокого качества жизни горожан за счет формирования оптимального качества городской среды при сохранении баланса социально-экономической и природной среды обитания человека.

Индикаторы устойчивого развития городов. Российские и мировые системы показателей. Социально-экономические индикаторы устойчивого развития городов. Экологические индикаторы показатели антропогенного воздействия и их применимость для оценки качества городской среды. Основные источники информации, их значимость и содержательная интерпретация.

РАЗДЕЛ II. Факторы возникновения и основные проблемы устойчивого развития городов на разных исторических этапах

Многообразие интерпретаций устойчивого развития города в человеческой истории. Исторический опыт устойчивого развития городов разных стран и районов и основная проблематика урбанизационного развития.

Древние города: роль обороны, религии, торговли и ремесел в их возникновении. Основные очаги городской культуры Города Греции и Римской империи.

Средневековый город: переход от политико-оборонительных административно-торгово-ремесленным центрам. Особенности морфологии и городской среды феодального города (на примере разных стран).

Промышленная революция и урбанизация. Развитие городов – промышленных центров. Проблемы развития и состояние городской среды индустриальных центров. Региональные особенности развития.

Формирование городских агломераций и их влияние на социально-экономическую и природную среду урбанизированных территорий.

Постиндустриальный этап развития городов. Третичные и четвертичные сектора экономики и их роль в развитии современных городов.

Концепции стадийного развития урбанизации. Роль отдельных факторов в формировании и развитии городов на разных стадиях урбанизации.

Современные тенденции мирового развития процесса урбанизации, его экологические и социально-экономические последствия. Различия в протекании и их последствиях в развитых и развивающихся странах. Переход приоритетности экономики к пониманию роли и значения социальной и экологической составляющей в развитии города.

РАЗДЕЛ II. Социально-экономический императив устойчивого развития городов

2.1. Изменения в экономике и социальной сфере городов и социально-экономические аспекты устойчивого развития

Социально-экономические риски и устойчивое развитие города. Влияние глобализации на развитие городов. Экологические ограничения их социально-экономического развития. Экономические параметры устойчивого развития города. Проблема экологизации экономики города и ее отраслевой структуры. Тертиаризация хозяйства и особенности устойчивого развития городов разных функциональных типов. «Новая экономика» современного постиндустриального города. «Теневая экономика» и социально-экономические проблемы городов развивающихся стран на пути к устойчивому развитию. Экономические кризисы и потенциал устойчивого развития городов разного типа. Устойчивое развитие крупнейших городов мира. Мировые города и их особая роль в развитии глобальной экономики и формировании мировых процессов устойчивого развития.

Сдвиги в социальной сфере и устойчивое развитие городов. Социальные параметры устойчивого развития и качество жизни населения. Демографические проблемы и их влияние на устойчивое развитие городов. Миграционная подвижность населения. Этническое и культурное многообразие города, проблемы мультикультурализма современных городов и возможности достижения согласия. Развитие гражданского общества и вовлечение населения в решение проблем устойчивого развития городов. Методы исследования социально-экономических проблем городов для устойчивого развития.

2.2. Специфика социально-экономического развития постсоциалистического города

Особенности социально-экономического развития городов стран с переходной экономикой, в том числе России и стран СНГ и Балтии. Трансформация экономики городов в 1990-е гг.: переход от плановой экономики к рынку. Встраивание экономики постсоциалистического города в глобальную экономику. Российская специфика устойчивого развития города: предпосылки и условия перехода «Сильные» и «слабые» города России. Проблемы развития депрессивных и моноспециализированных центров. Упадок коммунальной инфраструктуры и реформы в муниципальной экономике. Экономический рост в 2000-е гг. и сдвиги в экономике городов, их влияние на устойчивое развитие города. Переход от политики выживания к политике устойчивого развития в восстановительный период.

Социальные аспекты устойчивого развития городов в постсоветский период. Изменения на рынке труда, сдвиги в отраслевой структуре занятости, рост безработицы и неравенства в доходах населения, появление «новой бедности». Сокращение уровня жизни и рост социального расслоения. Трудовая мобильность населения и ее влияние на устойчивое развитие городов. Муниципальная реформа в России и формы участия населения в жизни городов. Рост социальной активности и механизмы улучшения работы местных властей. Поиск новых форм устойчивого развития городов.

2.3. Основные элементы и этапы управления устойчивым социально-экономическим развитием города

Основные современные концепции развития города. Городской маркетинг, городское предпринимательство и устойчивое развитие (опыт России и других стран). Бюджетные, программные и проектные механизмы политики устойчивого социально-экономического развития городов. Разработка социально-экономической политики, планирование социально-экономического развития, реализация планов развития городов.

Политика развития городской инфраструктуры и отдельных отраслей городской экономики (промышленная, социальная, жилищная, земельная и др.). Комплексные и специализированные программы социально-экономического развития как составная часть программы устойчивого развития города.

РАЗДЕЛЪ. Экологический императив устойчивого развития городов

3.1. Основные факторы изменения экологической ситуации в городах

Условия и особенности проявления факторов развития городов и их влияние на экологическую ситуацию в городах мира. Глобальный экологический кризис: генезис, формы проявления, последствия, роль городов в его проявлении. Локальные экологические проблемы в городах и пути их решения. Роль экологических кризисов в появлении концепции устойчивого развития.

3.2. Оценка экологического состояния городов

Оценка факторов экологической напряженности и территориальных различий уровня загрязнения в городах. Роль генетических факторов в понимании современного экологического состояния и проблем устойчивого развития городов, качества городской среды. Критерии типологии и характеристика выделенных типов. Комплексная оценка экологического состояния городов разной плотности: города-миллионеры, крупные, средние и малые города. Экологическое состояние городов постиндустриальных и индустриальных регионов (на примере городов России и других стран).

3.3. Специфика экологической ситуации в городах России в постсоветский период

Особенности изменения экологической ситуации в кризисные 1990-е гг. и в период восстановительного роста в 2000-е гг. в городах России и стран СНГ и Балтии. Оценка тенденций и изменения экологического состояния в городах разной плотности и функциональной специализации: анализ динамики абсолютных и удельных показателей. Экологическое состояние городов постиндустриальных и индустриальных регионов: Москва, Московская область, Кузбасс, Урал. Роль экологической политики в решении современных проблем российских городов.

3.4. Пути решения экологических проблем в городах разных типов в целях устойчивого развития

Основные направления экологической политики и специфика управления устойчивым экологическим развитием города: практика разных стран. Введение экологически чистых технологий. Экологически ориентированная природоохранная социально-экономическая

политика. Особенности экологической ситуации и управление ею в городах разных типов. Основные пути решения экологических проблем урбанизированных территорий. Роль унаследованных проблем для староосвоенных территорий при определении стратегии их устойчивого развития.

РАЗДЕЛ. Отечественный и зарубежный опыт территориального планирования в целях устойчивого развития городов

Методы и процедуры территориального планирования для городов в целях устойчивого развития в разных странах. Территориальное планирование устойчивого градостроительного развития поселений в РФ.

Полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в области территориального планирования развития городов и городских агломераций.

Методология порядок разработки и согласования генеральных планов и других документов территориального планирования. Согласование интересов основных акторов в процессе устойчивого градостроительного развития территории. Возможности процедуры учета общественного мнения: российская практика и опыт других стран.

Инструменты территориального планирования (нормативы и технические регламенты, правила землепользования и застройки, зонирование и регламенты разрешенного использования недвижимости) и их роль для достижения целей устойчивого развития городов

РАЗДЕЛ. Устойчивое развитие городской среды

5.1. Основные понятия

Понятие городской среды. Этапы формирования теоретических и концептуальных основ формирования городской среды. Природный комплекс и социальная среда города. Новая жизненная среда как результат интенсивного антропогенного воздействия в городах. Влияние города на окружающую территорию.

Междисциплинарный подход к исследованию проблем устойчивого развития городской среды: социально-экономические, экологические, технологические, градостроительные, медицинские, географические, правовые и другие аспекты.

5.2. Трансформация внутригородского пространства в целях устойчивого развития

Социальные и экономические аспекты трансформации. Процессы сегрегации населения, джентрификация. Сдвиги в размещении отдельных функций в городе (промышленных, селитебных, торговых, деловых).

Понятие зеленого каркаса и функции зеленых территорий в городах. Роль экологических и социальных приоритетов в создании новых культурных городских ландшафтов.

5.3. Источники антропогенного воздействия на городскую среду

Характеристика типов источников как особого антропо-экологического явления (промышленность, транспорт, коммунальное хозяйство).

Районирование территории города по уровню антропогенного воздействия как основа территориального управления качеством городской среды.

Критерии и показатели устойчивости природной среды к техногенному воздействию промышленных предприятий, автотранспорта, шумовых, химических, вибрационных и пр. источников разного типа и уровня воздействия.

Основные подходы к комплексному районированию городских территорий по уровню экологической напряженности, методы расчета интегральных индексов загрязнения урбанизированных территорий.

5.4. Политика и механизмы преобразования городской среды в целях устойчивого развития

Гуманизация городской среды и механизмы создания пространства для комфортной деятельности населения.

Политика городских властей по развитию территорий разного функционального назначения (производственных, селитебных, коммунально-складских, рекреационных и др.).

Программы по реорганизации отдельных депрессивных частей города и механизмы их реализации. Реконструкция центра и развитие локальных центров городских районов. «Промежуточное» использование территорий как этап на пути трансформации. Экономические мотивации к изменению функции места и городской среды. Защита исторических и природоохранных зон города от застройки, диктуемой рынком. Реализованные и будущие проекты по устойчивому развитию городской среды.

Возрастающая роль экологических приоритетов при разработке политики устойчивого развития городской среды. Экологические

стандарты и направления развития промышленных, коммунально-складских, селитебных, зеленых территорий в городах.

РАЗДЕЛБ. Управление социально-экономическим, экологическим и территориальным развитием в целях устойчивого развития городов

Государственная политика в области устойчивого развития городов. Закрепление в законодательных и нормативных документах полномочий и функций, за планирование размещения и функционирование которых отвечают разные уровни власти. Взаимосвязь документов по социально-экономическому, экологическому и территориальному планированию и управлению устойчивым развитием города.

Определение долгосрочных перспектив и интересов развития города в документах территориального и стратегического планирования и их детализация в средне- и краткосрочных планах и программах развития. Сопряжение принятых планов и программ по срокам, целям и финансовым возможностям их реализации.

Стратегическое развитие и планирование как интегральное направление управления устойчивым развитием города. Особенности стратегии устойчивого развития городов как территорий с наибольшей степенью деградации средовых характеристик. Этапы стратегического планирования: диагностика проблем и барьеров, выделение приоритетных целей, определение механизмов реализации и оценка результатов. Методология разработки и состав плана (анализ социально-экономического положения города; стратегические направления развития с применением SWOT-анализа; механизмы и этапы реализации). Анализ опыта разработки и применения планов стратегического развития на примере отдельных городов РФ.

ПЕРЕЧЕНЬ КОНТРОЛЬНЫХ ВОПРОСОВ И ЗАДАНИЙ для самостоятельной работы

1. Дайте сравнительную характеристику двух парадигм развития городов: социально-экологической и устойчивого развития.

2. Охарактеризуйте принципы сбалансированности экономической, экологической и социальной сфер в концепции устойчивого развития городов и их роль в формировании принципов пространственного развития.

3. Оцените роль генетических факторов в понимании современных проблем устойчивого развития городов (на примере 2–3 российских и (или) зарубежных городов).

4. Проанализируйте индикаторы устойчивого развития городов и особенности применяемых систем показателей в России и других странах.

5. Разработайте проект одной из целевых программ социально-экономического развития города и оцените его роль для разработки стратегии устойчивого развития (по выбору студента).

6. Проанализируйте особенности развития экологической ситуации в крупнейших агломерациях мира.

7. Опишите распределение полномочий федеральных, региональных и муниципальных органов власти по управлению социально-экономическим развитием городов.

8. Оцените российскую и зарубежную практику партнерства власти, бизнеса и населения в процессе устойчивого развития городов.

9. Оцените выполненные стратегические планы развития городов (по материалам доступных в Интернете стратегических планов развития городов РФ).

10. Подготовьте с использованием SWOT-анализа эскиз (проект) стратегического плана устойчивого развития города (город должен быть выбран из числа муниципалитетов, не имеющих стратегических планов развития).

11. Назовите основные инструменты территориального планирования городов и возможности их применения для целей устойчивого развития.

12. Оцените сложившуюся в РФ практику взаимосвязи различных видов плановых документов по управлению устойчивым развитием городов.

13. Проанализируйте значимость отдельных индикаторов и их применимость для оценки качества городской среды.

14. Охарактеризуйте современные подходы к комплексной оценке экологической напряженности городских территорий.

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ

1. Мировая урбанизация и устойчивое развитие городов

2. Опыт устойчивого развития крупнейших городов мира.

3. Особая роль мировых городов в формировании мировых процессов устойчивого развития.

4. Проблемы устойчивого развития городов-«миллионеров» в РФ в 2000-е гг.
5. Специфика устойчивого развития «большого города» (на примере городов – областных центров).
6. Экологические проблемы и экологическая политика малых городов.
7. Особенности развития социальной сферы малых городов России.
8. Анализ факторов экологической напряженности в Москве.
9. Муниципальные финансы городского образования как ресурс устойчивого социально-экономического развития.
10. Комплексная оценка экологического состояния малых городов (по выбору студентов на примере 2–3-х городов).
11. Опыт Лондона в решении экологических, социально-экономических и территориальных проблем устойчивого развития.
12. Особенности современной практики градорегулирования (на примере одной из стран по выбору студента).
13. Опыт территориального развития Парижа, Берлина, Вены, Будапешта как модели устойчивого развития.
14. Политика муниципальных властей по устойчивому развитию городской среды (на примере ряда российских городов).
15. Проблемы и особенности устойчивого развития городов Кузбасса.
16. Проблемы и особенности устойчивого развития городов Урала.
17. Российская и зарубежная практика партнерства власти, бизнеса и населения в целях управления устойчивым развитием городов.
6. Основные современные концепции развития города: городской маркетинг, городское предпринимательство и устойчивое развитие. Их достоинства и недостатки.
7. Исторический подход к исследованию роли факторов возникновения и проблем развития городов: от древних к постиндустриальным городам.
8. Тенденции мирового развития процесса урбанизации и его экологические и социально-экономические последствия.
9. Современные проблемы устойчивого развития городов России и мира.
10. Кризис переходного периода в РФ и его влияние на социально-экономическое развитие городов страны. Переход от политики выживания к политике устойчивого развития в период экономического роста.
11. Оценка тенденций и факторов изменения экологического состояния в городах РФ разной плотности и функциональной специализации.
12. Современные экологические проблемы устойчивого развития городов. Экологическая ситуация как фактор устойчивого развития городов разных типов.
13. Типология городов России по уровню экологической напряженности: критерии типологии и характеристика выделенных типов.
14. Комплексная оценка экологического состояния городов-миллионеров, крупных, средних и малых городов на примере отдельных ключей.
15. Основные направления экологической политики и специфика управления устойчивым экологическим развитием города. Пути решения экологических проблем городов разных типов.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ВОПРОСОВ К ЭКЗАМЕНУ

1. Возникновение понятия «устойчивое развитие» и формирование его современного понимания.
2. Существующие концепции устойчивого развития.
3. Понятие и суть устойчивого развития городов, как частного (прикладного) приложения концепции устойчивого развития.
4. Роль социально-экологических императивов в формировании благоприятной среды проживания человека.
5. Российские и мировые системы индикаторов устойчивого развития городов. Источники информации, их значимость и содержательная интерпретация.
16. Экологически ориентированная природоохранная социально-экономическая политика.
17. Экономические аспекты устойчивого развития в городах РФ в постсоветский период. Переход от плановой экономики к рынку. Развитие городов в условиях глобализации. Реформы в муниципальной экономике и развитие коммунальной инфраструктуры.
18. Сдвиги в социальной сфере и устойчивое развитие городов. Изменения на рынке труда, рост безработицы и неравенства в доходах, «новая бедность».
19. Муниципальная реформа в России и развитие форм участия населения в жизни городов. Рост социальной активности и механизмы улучшения работы местных властей.

20. Советская и российская практика по планированию управлением развития города. Эволюция форм планирования российских городов от кризисных к комплексным программам социально-экономического развития и стратегическим планам устойчивого развития городов

21. Цели, содержание и механизмы реализации политики по устойчивому развитию городской инфраструктуры и отдельных отраслей городской экономики

22. Совершенствование управления социальными услугами в современных российских городах в условиях ограниченного бюджетного финансирования

23. Инструменты территориального планирования: взаимосвязь регламентов, градостроительных и строительных нормативов

24. Принципы территориальной организации зон разного функционального назначения и политика городских властей по их устойчивому развитию (производственных, жилых, коммунально-складских, рекреационных и др.).

25. Социально-экологические приоритеты формирования территориальной структуры городов

26. Стратегическое планирование как основа для координации различных видов планирования в городе

27. Взаимосвязь различных видов плановых документов по управлению устойчивым развитием города и обеспеченность ими городских муниципалитетов

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Силин Я.П. Городская политика: теория, методология, практика / Науч. ред. А.И. Татаркин. – Екатеринбург: ИЭ УРО РАН, 2004.

2. Битюкова В.Р. Социально-экологические проблемы развития городов России. – М.: Издательство УРСС, 2004.

3. Бобылев С.Н., Гирусов Э.В., Перелет Р. А. Экономика устойчивого развития. Учебное пособие. – М.: Ступени, 2004.

4. Боссель Х. Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы. Пер. с англ. – Тюмень, 2001.

5. Введение в теорию устойчивого развития: Курс лекций. – М.: Ступени, 2002

6. Виноградов В.Н., Эрлих О.В. Социальное проектирование становления и развития гражданского общества: создание стратегического

плана района, города, региона. – СПб: ГП МЦСЭИ Леонтьевский центр, 2000.

7. Владимиров В.В. Управление градостроительством и территориальным развитием. – М., 2000.

8. Владимиров В.В. Расселение и экология – М., 1996.

9. Жихаревич Б.С., Лимонов Л.Э и др. Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике опыт городов России. – СПб.: ГП МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003.

10. Лосев К.С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI в. – М.: Космо-синформ, 2001.

11. Образование для устойчивого развития в высшей школе России: научные основы и стратегия развития / Под ред. Касимова Н.С. – М.: Географический ф-т МГУ, 2008.

12. Перчик Е.Н. Районная планировка (территориальное планирование). – М., 2006.

13. Прохоров Б.Б. Экология человека. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2005

14. Стратегическое управление: регион, город, предприятия / Ред. Львов Д.С., Гранберг А.Г. – М.: Экономика, 2004.

15. Тетиор А.Н. Городская экология / Высшее профессиональное образование. – М.: Академия, 2006

16. Холл П. Городское и региональное планирование. – М., 1993.

17. Широков А.Н., Лапин В.А., Воронин А.Г. Основы управления муниципальным хозяйством. – М., 1997.

18. Экология города Учебное пособие / Под ред. Башкина В.Н., Касимова Н.С., Курбатовой А.С. – М.: Научный мир, 2004.

Дополнительная

1. Агаджанян Н.А., Трошин В.И. Экология человека. Избранные лекции. – М., 1994.

2. Акимов Т.А., Хаскин В.В. Основы экологии. – М., 2004.

3. Барбаш Н.Б. Территориальная дифференциация качества городской среды // Проблемы качества городской среды. – М., 1989.

4. Бочкарёва Т.В. Экологический джин урбанизации. – М.: Мысль, 1998.

5. Браде И., Перчик Е.Н., Питерский Д.С. Районная планировка и разработка схем расселения: опыт и перспективы – М., 2000.

6. Вишаренко В.С. Принципы управления качеством окружающей среды городов // Урбэкология – М., 1990.

7. Владимирова В.В. Идеи экологии человека в управлении городом // Урбоэкология – М., 1990.
8. Глобальный город: теория и реальность // Под ред. Слуки Н.А. – М.: Аванглион, 2007.
9. Города деревня в Европейской России: сто лет перемен. Ред. Нефёдова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. – М.: ОГИ, 2001.
10. Занадворов В.С., Занадворова А.В. Экономика города – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
11. Индикаторы устойчивого развития России (социально-экономические аспекты) / Под ред. Бобылева С.Н., Макеенко Р.А. – М.: ЦПП, 2001.
12. Казначеев В.П. Проблемы экологии города и экологии человека // Урбоэкология – М., 1990.
13. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Е.В. Система общество-природа-человек: устойчивое развитие. – М., 2000.
14. Крупные города и вызовы глобализации – Смоленск, 2003.
15. Лаппо Г.М. География городов – М., 1997.
16. Лимонов Л.Э. Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии. – СПб.: Наука, 2004.
17. Медоуз Д. Х., Медоуз Л., Рандерс И. За пределами роста. – М., 1994.
18. На пути к образованию для устойчивого развития в России // Под ред. Касимова Н.С., Малхазовой С.М. – М.: Геос, 2006.
19. Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты – М., 2001.
20. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. Рук. авт. колл. Н.Ф. Глазовский. Ред. Г.В. Сдасюк и Л.С. Макрушина – М.: Изд-во КМК, 2002.
21. Перцик Е.Н. Города мира. География мировой урбанизации. – М., 1999.
22. Программа действий. Повестка дня на 21 век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро. Сост. М. Китинг. – Женева: Центр «За наше общее будущее», 1993.
23. Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск, 2002.
24. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства – М.: Пресс-Союз, 2005.
25. Социальное планирование: теория и опыт зарубежных стран. Информационно-аналитический бюллетень (серия социология), выпуск № 2. – М., 2000.
26. Стратегическое планирование в городах – методы и практика. – М., 2003.
27. Территориально-стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России. – СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003.
28. Эффективные модели и инструменты муниципального управления. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2005.

Журналь

«Устойчивое развитие. Наука и Практика»
 «Экология урбанизированных территорий»
 «Экологическое планирование и управление»

Программу составили:

В.Р. Битюкова, доцент, кандидат географических наук; **А.Г. Махрова**, старший научный сотрудник, кандидат географических наук; **В.Е. Шувалов**, доцент, кандидат географических наук (географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова)

Рецензенты:

Е.И. Голубева, доктор биологических наук; **Н.А. Слука**, доктор географических наук (географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Битюкова Виктория Расуловна – доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат географических наук

Благовестова Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы

Ковалев Юрий Юрьевич – доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А.М. Горького; кандидат географических наук
E-mail: ykowljow@pochta.ru

Кочуров Борис Иванович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Куликов Георгий Константинович – студент 4 курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: gkk.cov@mail.ru

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: almah@mail.ru

Метальникова Наталья Алексеевна – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и туризма Смоленского гуманитарного университета
E-mail: Denise17@rambler.ru

Степанов Анатолий Владиславович – доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А.М. Горького; кандидат географических наук

Шувалов Владимир Ефимович – доцент, кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» В 2008 ГОДУ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	№
Артоболевский С.С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования	3
Благовестова Т.Е. Территориальная дифференциация в питании и качество жизни населения	6
Веденин Ю.А. Пути развития культурного ландшафта как объекта наследия	4
Грачёв А.Б. Социально-экономический потенциал муниципальных образований и методика его определения	4
Корнев И.Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства	1
Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективное природопользование в России в системе «население–территория–ресурсы–экономика»	6
Мажар Л.Ю. Теоретические основы анализа условий и факторов формирования территориальных туристско-рекреационных систем	3
Метальникова Н.А. Этнолингвистическая география: новые теоретико-методические подходы	6
Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен	5
Пикулин А.Ю. Лимитрофы как межцивилизационные пространства	2
Скалон А.В. Высшая школа как ключевое звено решения проблем развития России	5
Трейвиш А.И. Регионализация и централизация в России	5
Худяев И.А. Эволюция систем расселения: от регулярности к сингулярности	4
Шведов В.Г. Типология исторических политико-географических районов по принципу их структурной организации	2
Яськова Т.И. Пристоличное положение как отражение взаимовлияния регионов: теоретический аспект	1
Яськова Т.И. Столичный регион и пристоличное положение: соотношение понятий	3
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	
Атаев З.А. Моделирование энергетического пространства Смоленской области	4
Добромыслова В.Ю. Влияние Японии на развитие регионов Дальнего Востока	4
Казакова Т.Л. Разработка системы индикаторов устойчивого развития для центрального черноземья	1
Казакова Т.Л. Эколого-экономические факторы устойчивого развития региона КМА	3
Клоков К.Б., Хрущев С.А. Динамика демографического воспроизводства популяций коренных малочисленных народов Севера России и ее региональные особенности	5
Ковалев Ю.П. Концептуальные подходы к кластеризации в сфере туризма	5
Куликов Г.К. Крупные города – точки роста Урало-Поволжья	6
Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области)	2
Миронова Г.Л. Направления расширения финляндско-российского сотрудничества	1
Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской области)	2
Яковлева С.И. Рекреационное освоение межстоличного региона как процесс укрепления гидрографической оси расселения (на примере Тверской области)	2
РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР	
Родионова И.А. Позиции России на индустриальной карте мира	3

РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР

№

- Свиридова М.В.** Трансформационные процессы в России и в странах Центрально-Восточной Европы в 1990–2000-х гг.5

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

- Карачурина Л.Б.** Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России?1
- Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В.** Регионы ЕС в глобальной экономической системе (на примере федеральной земли Баден-Вюртемберг)6
- Костенков А.В.** Территориальные споры с вовлечением Японии: опыт историко-географического изучения4
- Куричев Н.К.** Китайский фактор в трансформации промышленности США3
- Кузина И.М.** Макрорегиональные особенности современного развития мирового сельского хозяйства4
- Кузнецова Т.Ю.** Территориальная дифференциация демографического развития в регионах Балтийского моря3
- Машурова Е.А.** Национально-государственные интересы Беларуси и межрегиональное сотрудничество5
- Пименова Р.А.** Политико-экономические изменения в странах Латинской Америки в начале XXI века2
- Пушкевич С.А.** Средние города Беларуси: основные социально-экономические проблемы развития и направления действий по их решению6
- Романова Е.В.** Особенности развития региональных кластеров в Восточной Германии1
- Сиротин О.А.** Проблемы трансформации и развитие городов в Восточной Германии после «поворота»4
- Часовский В.И.** Поляризованное развитие и территориальная организация промышленности стран СНГ: современное состояние и тенденции развития2
- Часовский В.И.** Индустрия стран СНГ в условиях трансформационной экономики5
- Шувалова О.В.** Роль государства и компаний в трансформации географии угольной промышленности Германии1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Мажар Л.Ю., Щербакова С.А.** Региональные проблемы развития туризма5

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

- Битюкова В.Р., Махрова А.Г., Шувалов В.Е.** Программа дисциплины «Устойчивое развитие городов»6

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Ковалев Ю.П.** В мире алмазов и бриллиантов1

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- К юбилею профессора М.Д. Шарыгина4

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 6 раз в год. Его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований и региональной политике в России и за рубежом, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями**:

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.);
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц);
- иллюстрации (схемы, карты, диаграммы, графики) и таблицы следует предоставлять файлами, собранными в отдельную папку;
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.);
- каждый рисунок (таблица) должен быть пронумерован и иметь название;
- все изображения должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm;
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных);
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати;
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами на русском и английском языке.

Редакции журнала требуется также справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются редакторской правке и рецензируются, при необходимости возвращаются на доработку.

Статьи аспирантов и подписчиков журнала публикуются бесплатно, условия публикации прочих статей согласуются с редакцией.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии редакции.

Редакция

Подписка на журнал «Региональные исследования» принимается во всех отделениях связи. Подписной индекс 20442 в «зеленом» каталоге агентства «Роспечать». Стоимость подписки на 2-е полугодие 2009 г. (3 номера) – 300 рублей.

